

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ
МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «ХЕРСОНЕС ТАВРИЧЕСКИЙ»

ИСТОРИЧЕСКИЕ, КУЛЬТУРНЫЕ, МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ, РЕЛИГИОЗНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ КРЫМА СО СРЕДИЗЕМНОМОРСКИМ РЕГИОНОМ И СТРАНАМИ ВОСТОКА

IV международная научная конференция

(Севастополь, 6–10 октября 2020 г.)

Материалы конференции
ТОМ I

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ
МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «ХЕРСОНЕС ТАВРИЧЕСКИЙ»

**ИСТОРИЧЕСКИЕ, КУЛЬТУРНЫЕ,
МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ, РЕЛИГИОЗНЫЕ
И ПОЛИТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ КРЫМА
СО СРЕДИЗЕМНОМОРСКИМ РЕГИОНОМ
И СТРАНАМИ ВОСТОКА**

IV международная научная конференция

(Севастополь, 6-10 октября 2020 г.)

**Материалы конференции
ТОМ 1**

Москва
2020

УДК 908
ББК 63.3(6Кры)
И90

Утверждено к печати Редакционно-издательским советом
Института востоковедения РАН

Ответственный редактор:

А.Д. Васильев

Рецензенты:

Д.Д. Васильев, Н.И. Храпунов

Составители:

Н.В. Гинькут, В.В. Лебединский, Ю.А. Пронина, В.В. Прудников

И90 Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: материалы IV международной научной конференции (Севастополь, 6-10 октября 2020 г.).

Том 1 / Отв. ред. А.Д. Васильев; сост. Н.В. Гинькут, В.В. Лебединский, Ю.А. Пронина, В.В. Прудников — М.: ИВРАН, 2020. — 252 с.: ил.

ISBN 978-5-89282-967-0 (т. 1) ISBN 978-5-89282-990-8

**Издание подготовлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований,
проект № 20-09-20029**

© ФГБУН ИВ РАН, 2020

© Севастопольский государственный университет, 2020

© ФГБУК Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес-Таврический», 2020

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ

IV Международной научной конференции
«Исторические, культурные, межнациональные, религиозные
и политические связи Крыма
со Средиземноморским регионом и странами Востока»
(6-10 октября 2020 г., Севастополь)

Председатель Организационного комитета

Наумкин Виталий Вячеславович,

Научный руководитель ИВ РАН, академик РАН, проф.

Заместитель председателя Организационного комитета

Лебединский Виктор Викторович,

*старший научный сотрудник ИВ РАН,
заведующий кафедрой «Востоковедение» СевГУ, к.и.н.*

Члены Организационного комитета

Нечаев В.Д.

Ректор Севастопольского государственного университета, д.п.н., проф.

Морозова Е.А.

*Директор ФГБУК Государственный историко-археологический
музей-заповедник «Херсонес-Таврический»*

Татарков Д.Б.

*Директор Института общественных наук
и международных отношений СевГУ, к.и.н.*

Аликберов А.К.

*Зам. Директора ИВ РАН, Рук. Центра изучения Центральной Азии,
Кавказа и Урало-Поволжья, д.и.н.*

Седикова Л. В.

*Зам. Директора по научной работе ФГБУК «Государственный историко-
археологический музей-заповедник «Херсонес-Таврический»», к.и.н.*

Бойцова Е.Е.

*Зам. Директора по учебно-научной работе Института общественных
наук и международных отношений СевГУ, к.и.н.*

Васильев Д.Д.

Зав. Отделом истории Востока ИВ РАН, к.и.н., проф.

Васильев А.Д.

Руководитель Центра Крымских исследований ИВ РАН, к.и.н.

Гинькут Н.В.

Секретарь Оргкомитета, Ученый секретарь ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»».

Пронина Ю.А.

Секретарь Оргкомитета, научный сотрудник ИВ РАН, к.и.н.

Прудников В.В.

Секретарь Оргкомитета, научный сотрудник ИВ РАН, к.и.н.

Председатель Программного комитета

Седикова Лариса Васильевна

Зам. Директора по научной работе ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»», к.и.н.

Заместитель председателя Программного комитета

Татарков Дмитрий Борисович

Директор Института общественных наук и международных отношений СевГУ, к.и.н.

Члены Программного комитета

Васильев А.Д.

Руководитель Центра Крымских исследований ИВ РАН, к.и.н.

Гинькут Н.В.

Ученый секретарь ФГБУК «Государственный историкоархеологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»».

Пронина Ю.А.

Секретарь Оргкомитета, научный сотрудник ИВ РАН, к.и.н.

Романова Н.Г.

Зам. Директора ИВ РАН, к.и.н.

Содержание

<i>Armstrong P.</i> From Constantinople to Chersonesos and Lycia: Polychrome White Ware Cups	9
<i>Аргун А. В.</i> Проблемы локализации пунктов из античных «Периплов» в Северо-восточном Причерноморье	16
<i>Арутюнян А. Ж.</i> Остров Сицилия по данным «Ашхарацуйц»-а	24
<i>Астахов И. А.</i> Кочевой фактор в стратегии позднеантичного боспорского войска	28
<i>Балахванцев А. С.</i> Ахеменидское влияние на Боспоре в свете иконографии ранних монетных выпусков Пантикапея	34
<i>Букатов А. А., Дюженко Т. В., Варлагин В. В.</i> Подводные археологические исследования строительных остатков в Карантинной бухте	39
<i>Булкин И. Ю.</i> Влияние природных факторов на размещение и функционирование римских гарнизонов в Крыму	44
<i>Горбунов П. А.</i> Следы средневековых кораблекрушений и якорных стоянок в акватории Судакской бухты: проблемы идентификации	49
<i>Днепровский Н. В.</i> Некоторые архитектурные особенности пещерного храма «Трёх Всадников» и малоизвестное свидетельство Д. М. Струкова о сирийской литургической практике	54
<i>Жилина Н. В.</i> Поясная гарнитура VI-IX вв. по славянским и крымским материалам (стилистическое сравнение)	60

<i>Журавлев Д. В., Костромичев Д. А.</i> О нескольких светильниках из некрополя Херсонеса Таврического (по материалам раскопок Р. Х. Лёпера)	68
<i>Зайцев Ю. П., Крол А. А.</i> Бронзовый сосуд с арабской надписью из половецкого погребения в Крыму	76
<i>Зиганьшин Р. М.</i> Взаимовлияния эллинских и варварских традиций в истории Крыма IV-III вв. до н.э.	77
<i>Исаченко Т. А.</i> Феномен одновременности. О двух параллельных исследованиях «Службы обретения в Херсонесе мощей Климента Папы Римского» Кирилла Солунского	84
<i>Калинина Т. М.</i> Акватория Средиземного и Черного морей по представлениям арабских географов IX-X вв.	89
<i>Коваль В. Ю.</i> О новейшем «открытии» византийских глазурированных кувшинов в Италии	95
<i>Козлов М. Н.</i> К вопросу о становлении византийской системы образования в христианских общинах Древней Руси дохристианской эпохи	105
<i>Краснодубец Е. М.</i> Стеклянная вставка с золотой инкрустацией из Херсонеса Таврического	112
<i>Кузенков П. В.</i> Северное Причерноморье как «культурный плацдарм» Византийской империи (VI-XI вв.)	116
<i>Лебединский В. В., Татарков Д. Б., Пронина Ю. А., Башенкова А. А.</i> Изучение древней береговой линии Херсонеса и Хоры с применением цифровых технологий	121

<i>Майко В.В.</i>	
Экономические связи Сугдеи с Поволжьеи Средней Азией (на примере археологического материала)	127
<i>Михайлова Е. В.</i>	
Библейские топонимы в географических названиях Великобритании, США и Крыма	132
<i>Могаричев Ю. М., Ергина А. С.</i>	
Пещерные церкви Во имя Св. Георгия в Инкермане	137
<i>Нессель В. А.</i>	
Находки терракотовых статуэток из раскопок на территории Кадыковского городища	138
<i>Нессель В. А., Ушакова К. С.</i>	
Чернолаковая керамика из раскопок хозяйственного комплекса античного времени на западном берегу Стрелецкой бухты	149
<i>Новиченкова Н. Г.</i>	
Металлические амулеты из святилища у перевала Гурзуфское Седло	157
<i>Родинкова В. Е., Добровольская М. В., Сапрыкина И. А.</i>	
Погребение эпохи Великого переселения народов из Восточного Крыма: результаты комплексных исследований	167
<i>Сазанов А. В.</i>	
Крымские глобулярные амфоры VIII-IX вв.: типология и хронология	172
<i>Седикова Л. В.</i>	
Ранняя византийская поливная керамика из Херсонеса	179
<i>Solcà A.</i>	
Kaska: a Survey of the Evidence in Hittite Texts and Their Trade Connections to the Black Sea	183
<i>Ступко М. В.</i>	
Новые данные о хронологии монетных выпусков Херсона типа В–† (Анохин, 1977 №№ 360-373)	187

<i>Супренков А. А., Топоривская М. А.</i> Письменные источники о греческом Эмпорионе в Северо-западном Средиземноморье и археологические реалии	195
<i>Туровский Е. Я.</i> Экономические и политические связи Херсонеса конец V в. до н.э. — начало III в. до н.э. (по данным нумизматики)	200
<i>Тюрин М. И., Филиппенко А. А., Макаев И. И.</i> Средиземноморский позднеэллинистический амфорный импорт в нижнем течении р. Бельбек (краткий обзор)	204
<i>Ушаков С. В.</i> Базилика «Крузе» в Херсонесе в контексте раннехристианских памятников Восточного Средиземноморья	213
<i>Хапаев В. В., Глушич А. М.</i> Письменные источники о роли Русиев и Левков в спортивной жизни Византийской империи	220
<i>Чернышева М. И.</i> Древнеславянское «Житие херсонских святых»	220
<i>Шульга Д. П.</i> Монеты Восточной Римской империи в Восточном Китае (на примере находок на городище Ечэн в пров. Хэбэй, уезд Линьчжан)	232
<i>Hopsci, St.</i> North Pontic Amphorae Discovered in Roman Dobrudja	236
<i>Хонку, А.</i> Строительная инициатива в Ольбии в I-III века н.э.	242
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	246

Armstrong P.

FROM CONSTANTINOPLE TO CHERSONESOS AND LYCIA: POLYCHROME WHITE WARE CUPS

Армстронг П.

От Константинополя до Херсонеса и Ликии:
полихромные белые сосуды

In 1967 T.I. Makarova published her seminal important study of medieval imported pottery and pottery production in Russia [Makarova 1967], associating the examples upon which her typologies were based with dated archaeological contexts. This article considers a cup from the excavations at Cherson (fig. 1), an example of her Group I – White-bodied wares, Type 2 – Polychrome ware, Form 1 – with red colour [Makarova 1967: 13, fig. 2, no. 4] and compares it with a similar, but differently coloured, Polychrome cup from the excavations in the cathedral of the city of Xanthos (fig. 2) in Lycia [Armstrong, at press (a): cat. no. 463/2], in south west Anatolia. Makarova identified three different centres of the Byzantine empire where pottery with a white clay body was made: in Constantinople, in a city near kaolinitic clay sources, and a final unidentified location in the eastern part of the empire [Makarova 1967: 23]. Today we know that the city near the clay sources was Nikomedia [Lauffenberger 2008-9], and the unidentified eastern location is Preslav [Totev 1999]. It is thought that the two cups under consideration here were made in Constantinople.

Byzantine Polychrome ware has an eye-catching appearance due to the combination of elaborate designs and its range of colours. The polychromy is not confined to domestic crockery but includes also architectural ceramics. When Polychrome ware first appeared the colours of other glazed vessels, dishes and bowls, were restricted to plain brown, yellow, or green so that the new ware must have been received with some amazement. However it constituted a very

small proportion of what was available for domestic use: from the Saraçhane excavations some 200 Polychrome tiles and vessels were found as opposed to more than 20,000 plain glazed white wares [Hayes 1992: 12, 35]. Nevertheless it has received a disproportionate amount of attention in publications, presumably on account of its attractiveness.

The range of the colour palate was achieved by combining different techniques to produce individual colours. Much was accomplished by experimenting with glazes: a high lead glaze with different additives created yellow, amber, green, and brown [Armstrong, Hatcher and Tite 1997]; a lead-alkali glaze produced aubergine (purple, amethyst), cobalt, and clear [Vogt and Bouquillon 1996: 107-9; Lauffenberger 2008-9: 48; White 2009: 140-44;], and an alkaline-rich glaze produced turquoise [Lauffenberger, Vogt, and Bouquillon 2001: 82]. Red and manganese/black were coloured pigments under a thin, clear, lead glaze [Armstrong *et al* 1997]. Clearly the creators of Polychrome wares experimented over time, not always successfully, with the technology required to produce various colours, since not all the colours were employed simultaneously. Alkaline glazes were particularly unstable, and Byzantine potters never developed the technically excellent alkaline glazes of the Islamic world [Armstrong 2019].

Lead glazes were introduced to Constantinople around about AD 600 [Hayes 1968]. They had been in use in the east Mediterranean throughout the early Christian centuries, having been an element of Parthian culture. The monastery at the Great Oasis, el Kharga, in Upper Egypt, and its associated settlement at el-Bagawat and Ain et-Turba were producing both lead and alkaline glazed domestic ceramics at some time between the fourth and seventh centuries [Bowen 2010]. The monastery of St. Lot, Deir 'Ain 'Abata, in Jordan was also producing both lead and alkaline glazed domestic ceramics that can be closely dated to the fifth century [Freestone *et al* 2001]. Further examples of lead and alkaline glazed ceramics from unknown centres of production during the late antique to early Christian periods can be found across the Levantine world.

The Polychrome cup from Cherson was published by A.L. Talis [Talis 1960: 138], and later integrated by Makarova into her typology of glazed ceramics [Makarova 1967: 13, fig. II, no. 4]. It has a plain out-turned rim on a wide bulbous body and ring foot, with a single round handle attached at the widest point

of the body. There are manganese horizontal lines around the upper and lower body framing a panel of larger circles enclosing smaller circles. The background is filled with red dots. The floor of the cup has a manganese painted stylized cross. The entire surface is covered with a thin, clear glaze.

The base and lower body fragment of a polychrome cup from Xanthos comprises a fine ring foot supporting wide, shallow body. The lower section of the body is decorated on the exterior with black lines outlining a vertical panel of parallel squares with a black dot at the centre of each square separating bands of semi-circular parallel black lines. The most significant element of the exterior decoration is a thick, turquoise alkaline glaze which has mostly worn off [fig. 3]. There is a manganese painted stylized cross on the floor of the cup. There is a thin, clear glaze in and out and under the foot. Traces remain of a yellow-green lead glaze on the under surface of the ring foot where it has rested on another vessel in the kiln.

Some classifications of Polychrome Ware have concentrated on the colours [Morgan 1942: 67-70] or a combination of colour, shape, and fabric [Sanders 2001: 91-7] to reach chronological conclusions, while Makarova was able to fix chronological points in her typology using evidence from excavations [Makarova 1967]. In addition it now seems that technology, in particular of the different glazes used to produce the polychromy effect can also contribute to chronology. Alkaline-fluxed glazes, such as were used on the Xanthos cup, were not generally used in Byzantine ceramic production, and are found only on Polychrome wares. It is possible that alkaline glazes can act as a chronological pointer in the development of Polychrome wares.

The primary decorative feature of the Cherson cup is its predominant red spots, which were created with a red pigment. It is dated to the second half of the ninth and the first half of the tenth century, according to its archaeological context [Talis 1960, 138; Makarova 1967: 138], or possibly tenth to mid eleventh century [Yashaev *et al.*: 2011, no. 412] For Sanders and Makarova the application of red dots as a background filler is chronologically significant though they disagree over when it was significant; Sanders dated Polychrome wares with this decoration from the eleventh to early twelfth centuries [Sanders 2001: 101].

The Xanthos cup shows how the alkaline glaze failed to adhere properly to the clay body, while a band of lead glaze on the edge of the ring foot adhered firmly [Armstrong 2019]. This cup clearly exemplifies the problem with Byzantine alkaline glazes: they either decayed or fell off, while lead glazes subjected to the same post-depositional conditions retained their luminosity. One consequence is that it is often difficult to appreciate what the original object looked like, especially if the coloured glaze is fugitive or decayed when found, as on this cup, which would have been overwhelmingly turquoise to the eye when it was in a pristine condition. The suggested date for the Xanthos cup is from the late seventh to eighth centuries, based on associated White Wares from the same excavation, which is about 100 years before the earliest proposed date from other excavations [Armstrong, at press (a)].

Preslav manufacture of Polychrome ware provides evidence for the creation of turquoise without the use of alkaline glazes. The dating of the start of the production there coincides with the ‘official’ adoption of Christianity, in the latter years of the ninth century [Totev 1999, 46-47]. Architectural tiles coloured with a blue-green pigment under a clear lead glaze appear bright turquoise. This suggests that by the time Polychrome Wares came to be produced at Preslav, experimenting with alkaline-fluxed glazes had ceased, leading to the hypothesis that Polychrome wares with turquoise alkaline glazes should be dated before AD 900 when we know from Preslav that the colour could be created in another, more stable, way. Because the thermal properties of the underlying clay of Byzantine ceramics were not as suitable a foundation as the frit bodies of Islamic ceramics, it is probable that experiments with alkaline glazes were ultimately abandoned in the Byzantine sphere, especially if another more stable method for producing the colour turquoise was found.

Other significant points to consider about these two cups beyond their relative chronology are who made them and who used them? It has been emphasized that Polychrome ware is not numerous and cups as these are only a small part of that small production. As to who made them, the important manufactories at Preslav provide evidence. The tiles and polychrome ceramics at Preslav were made in monasteries located in the environs of the city [Totev 1999: 57-8]. That monasteries produced pottery is well-known from both written sources and archaeo-

logical evidence. At least two of the monasteries preserve series of work rooms where implements were found, identified as tools for creating the tiles and their decoration, as well as traces of coloured pigments. The examples above of early glazed pottery productions in the early Christian period were in monastic settings. The present author has provided further evidence for the monastic production of Polychrome wares than can be expressed here [Armstrong: at press (b)].

A monastic setting for their manufacture can perhaps be related to their use. Zalesskaya has proposed a very specific function of Polychrome ware cups with crosses in the floor [Zalesskaya 1990]. She noted that to have a cross visible when drinking meant that a vessel so-decorated must have played some part in the Christian ritual. Zalesskaya associated these cups with a prescription in the *Apostolic Canons* that everyone undergoing baptism should be given some milk mixed with honey at the end of the ceremony. She demonstrated that this was not supplied from the communion chalice and, with some linguistic arguments, associated Polychrome cups with the final stages of the baptismal ritual. Her argument was also sustained by the indisputably religious location of many of the find spots of these cups. The Cherson cup came from the third quarter of the north-eastern region of Chersonesos [Yashaev *et al*: 2011, no. 412]. The Xanthos cup came from the city's cathedral, close to its baptistery [Armstrong: at press (a)].

Polychrome Wares, although few in number as a class of pottery, were made for at least three hundred years according to the evidence from Corinth: in the ninth century [Morgan 1942: 37] and from the tenth to twelfth centuries [Sanders 2001], and also from Russia [Makarova 1967:]. Dating of the Xanthos cup by associated ceramics and its application of an alkali-fluxed glaze proposes to lengthen the span when Polychrome wares were made to four hundred years. During that time similar decorative motifs were fossilized in the artistic repertoire as they passed through the generations of potters in their conservative production milieu. The significance of the Cherson cup is that it demonstrates, through comparison with the Xanthos cup, that while forms and decoration may have been modified little across centuries, important changes happened in the technology of manufacture.

I would like to express my heartfelt thanks to Andrei Sazanov for all his help over the years with access to Russian publications, and to Nataliya Gingut for recent guidance.

Bibliography:

ARMSTRONG P. 'The earliest glazed ceramics in Constantinople: a regional or international phenomenon?' in *The Journal of Archaeological Science*. 2019; DOI: 10.1016/j.jas-rep.2019.102078

ARMSTRONG P. 'The Pottery' in Sodini, J.-P. and Raynaud, M.-P. (Eds.), *Fouilles de Xanthos*, Bordeaux. At press (a).

ARMSTRONG P. Byzantine polychrome ware: a class apart? At press (b).

ARMSTRONG P., HATCHER H., TITE M. Changes in Byzantine Glazing Technology from the Ninth to Thirteenth Centuries. In *La céramique médiévale en Méditerranée (Aix-en-Provence)*, 1997. P. 225-229.

BOWEN G. 'The spread of Christianity in Egypt: archaeological evidence from Dakhleh and Kharga oases' In A. Woods, A. McFarlane, and S. Binder, S. edd, *Egyptian Culture and Society: Studies in Honour of Naguib Kanawati*, (Egypt: Conseil Supreme des Antiquites de l'Egypte, 2010), 2010. C.15-29.

FREESTONE I., POLITIS K. D., STAPLETON C. P. The Byzantine Glazed Pottery from Deir 'Ain 'Abata, Jordan, in Villeneuve, E. and Watson, P. M., (Eds.), *Colloquium on Byzantine and Early Islamic Ceramics in Syria-Jordan (IVth-VIIIth Centuries) [3-5 December 1994, Amman]*, Beirut, 2001. P. 197-205.

HAYES J. W. A Seventh-Century Pottery Group. In *Harrison, R. M., Firatlı, N., and Hayes, J. W., Excavations at Saraçhane in İstanbul: Fifth Preliminary Report*, *Dumbarton Oaks Papers*, 1968, no 22, P. 201-216.

HAYES J. W. *Excavations at Saraçhane in İstanbul, Vol 2. The Pottery*. Princeton, 1992.

LAUFFENBERGER J. A. Technical Analysis. In *Gerstel, S. E. J. and Lauffenburger, J. A., 'The Nikomedia Workshop: New Evidence on Byzantine Tiles', The Journal of the Walters Art Museum* 2008-9, no 66/67, P. 5-54.

LAUFFENBERGER J. A., VOGT C., and BOUQUILLON A.. 'Technical Insights into the working Practices of the Byzantine Tile Maker' In *Gerstel, S. E. J. and Lauffenburger, J. A. (Eds.), A Lost Art Rediscovered. The Architectural Ceramics of Byzantium*, Pennsylvania, 2001. P. 67-118.

МАКАРОВА Т. И. [Т. И. МАКАРОВА], Поливная посуда. Из истории керамического импорта и производства древней Руси (САИ Е1-38), Москва, 1967. [Polivnaya posuda. Iz istorii keramicheskogo importa i proizvodstva Drevney Rusi. In *Svod archeologicheskikh istochnikov (E-1-38)*. Moscow 1967]

MORGAN C. *Corinth: Results of Excavations conducted by the American School of Classical Studies at Athens XI. The Byzantine Pottery*, Cambridge, Mass. 1942

SANDERS G. D. R. 'Byzantine Polychrome Pottery' In *Herrin, J., Mullett, M. E., and Otten—Froux, C., (Eds.), Mosaic. Festschrift for A. H. S. Megaw*, London, 2001, P. 89-103.

TALIS D. L. [ТАЛИС Д. Л.] К характеристике византийской керамики IX-X вв. из Херсонеса // Труды Государственного исторического музея. Археологический сборник. Москва, 1960. Вып 37, С. 125-140. [K harakteristike vizantiiskoi keramiki IX-X vv. Iz Her-sonesa in Trudi Gosudarstvennogo istoricheskogo muzea. Vyp.37. Moscow 1960]

TOTEV T. *The Ceramic Icon in Medieval Bulgaria*. Sofia, 1999

VOGT C. and BOUQUILLON A. 'Technologie des plaques murales décorées de Preslav et de Constantinople', *Cahiers Archeologiques* 1996, no 44, P. 105-16.

WHITE H.E. *An Investigation of Production Technologies of Byzantine Glazed Pottery from Corinth, Greece in the eleventh to thirteenth centuries*. Ph.D. Thesis, University of Sheffield. 2009.

[YASHAEVA et al.] ЯШАЕВА Т., ДЕНИСОВА Е., ГИНЬКУТ Н., ЗАЛЕССКАЯ В., ЖУРАВЛЕВ Д. Наследие византийского Херсона — Севастополь: Телескоп; Остин: ИКА Техас. ун-та, 2011. — 708 с.: ил. [Yashaeva Elena Denisova, Nataliya Ginkut, Vera Zaleskaya, Denis Zhuravlev. *The Legacy of Byzantine Cherson — Sevastopol: Telescope; Austin: ICA of the University of Texas at Austin*, 2011. — 708 pp.: figs.]

ZALESSKAYA V. 'Byzantine White-Clay Painted Bowls and Cylix-Type Cups' in Morris, R., (ed.) *Church and People in Byzantium. Society for the Promotion of Byzantine Studies Twentieth Spring Symposium of Byzantine Studies Manchester 1986*, Birmingham, 1990. P. 215-224.

Аргун А. В.

ПРОБЛЕМЫ ЛОКАЛИЗАЦИИ ПУНКТОВ ИЗ АНТИЧНЫХ «ПЕРИПЛОВ» В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Argun A.

Problems of Localization of Points
from the Ancient Peripluses
in the North-Eastern Black Sea Coast

История возникновения римских укреплений на побережье Черного моря, правильная локализация и привязка их к современной топонимии неразрывно связана с данными, получившими отражение в трудах античных авторов. Наиболее ценным источником традиционно считается «Перипл» легата Каппадокии Флавия Арриана времени правления императора Адриана (117-138). Арриан совершил плавание с инспекционной поездкой по римским крепостям, от Трапезунта до Севастополиса, которое описал в отчете, составленном на имя императора.

К данному труду приковано внимание исследователей с давних времен. Еще Дюбуа де Монпере ввел данный источник, составил карту Черноморского побережья, по-своему локализовав пункты, упоминаемые в «Перипле» [Дюбуа 1937]. Его последователь Ф. Брун привлек данные Псевдо-Арриана и морские итальянские карты позднего средневековья [Брун 1880]. В. В. Латышев составил перевод латинских и греческих источников по Скифии и Кавказу на русском языке [Латышев 1890]. В данной статье мы основываемся на его данных.

Сведения «Перипла» используют в своих разработках многие специалисты по вопросам античной исторической географии Черноморского побережья. В связи с отсутствием однозначного понимания локали-

зации пунктов, перечисляемых в «Перипле» остаются неразрешимыми ряд вопросов, главным из которых является вопрос доверия к источнику. М.В. Агбунову, использовавшему современные знания о палеогеографии края, удалось убедительно доказать, что пункты и расстояния, указанные в Перипле Арриана являются достоверными [Агбунов 1987]. Исследователь пришел к обоснованному выводу, что за последние тысячелетия уровень моря испытывал колебания, перемещались русла и устья рек, образовывались лиманы и заливы, становились несудоходными и отмирали важные порты. На его выводы накладываются расчеты и палеогеографические реконструкции, проведенные И.П. Балабановым для голоценовых террас Черноморского побережья Кавказа [Балабанов 2009]. Весьма важным итогом сопоставления данных «Перипла» с более ранними географическими сочинениями, проведенного М.В. Агбуновым, является вывод, что стадий Арриана равен стадии Эратосфена (157 м.). Данное положение было апробировано исследователем преимущественно для Северного и Южного Причерноморья. Он также убежден, что Псевдо-Арриан переводит стадий в мили его времени, в чем допускает ошибку.

Самостоятельно исследуя лоцию, гидрографию и орографию Северо-Восточного Причерноморья по спутниковой карте интернет ресурса Google Earth, мне удалось проследить определенную закономерность в изменениях устьев наиболее значительных рек. С учетом, что в Поздней Античности реки были более полноводными, удалось реконструировать изменения дельты рек и береговой линии на исследуемой территории. Более полноводные реки Туапсе, Шахе, Мзымта протекают в узких каньонах и только вблизи побережья формируют широкие низины, нередко заболоченные с закрытым стоком в море. К примеру, река Мзымта нанесла большой мыс и низину Имеретинской бухты к востоку от нынешнего русла. При этом возможно, что нынешний ручей Херота, расположенный западнее Мзымты, в древности являлся одним из рукавов реки и скорее всего, был судоходным. Можно проследить, что реки Туапсе и Мзымта переместили свои основные русла с востока на запад. Схожую картину можно наблюдать и для менее значительных рек Абхазии Псоу, Махадыр, Хашупсы. В ситуации с Махадыром и Хашупсой складывается объективное

мнение, что в древности они были рукавами одной реки, позже восточный рукав отделился от западного, река еще больше обмельчала. Ее западный рукав превратился из судоходного протока в древности, в ручей с засыпанным береговой галькой истоком. Исходя из современной ситуации, он никак не может претендовать на пункт с заходом для судов, достойным упоминания в «Перипле».

Следующая полноводная река с востока – Бзыбь – в древности несла значительно больше вод и скорее всего, у истока в море образовывала широкую дельту, на месте которой и образовался Пицундский мыс. Один из ее протоков сформировал озера Инкит и Анышхцара и впадал в море, скорее всего в районе с. Лдзаа, образуя остров, на котором и была расположена римская крепость, городище и стоянка для судов. Основное русло р. Бзыбь перемещается также в западном направлении, а низменная часть с. Алахадзы в древности представляла из себя широкую дельту полноводной реки. Следующая значительная река Абхазии Гумиста в древности сформировала Сухумский мыс и заболоченную низину восточнее современного русла. Маяцкое озеро, расположенное значительно восточнее современного русла также, как и в случае с р. Бзыбь может говорить о существовавшем в древности рукаве, который обмелел и проток превратился в озеро. Следующая значительная река Абхазии Кодор также сформировала Скурчинский мыс и озеро и, скорее всего, во времена Арриана восточный рукав еще действовал, а озеро представляло собой мелководную лагуну, неудобную для захода судов. Схожее положение просматривается с рекой Моква, которая в древности впадала в Очамчирскую бухту (порт), а ныне переместилась почти на 1 км. западнее. Заболоченная низина между р. Окум и Ингур показывает, что в древности более полноводные реки образовывали широкую дельту и возможно, воды Ингура попадали в нижнем течении в русло р. Окума, в устье которого римляне выстроили крепость Сингам-Зиганей.

Схожая ситуация наблюдается в отношении р. Фазиса. М.В. Агбунов считает, что «...дельта Фасиса, как и других крупных рек, постепенно менялась. За прошедшие столетия его южный рукав обмелел, заилился и заглох. Остался один северный рукав... Поэтому древние устья Фасиса

находятся значительно восточнее современной береговой линии дельты» [Агбунов 1987]. Исследователь пришел к выводу, что Фасисом древние географы называли восточный пересохший рукав, проходивший в районе озера Палеостоми, а западный рукав (р. Риони) называли р. Хариент.

Данный обзор палеогеографии нами приводиться для того, чтобы при локализации древних пунктов, описываемых в периплах Арриана и Псевдоарриана с точными расстояниями между ними, не впадать в отчаяние и не привносить еще большую путаницу, соответствующую уровню современных разработок в данной теме. Используя расстояния, указанные Аррианом и Псевдоаррианом в стадиях, переведенных на километры в соотношении 1 стадий – 157 м. (стадий Эратосфена) к современной лоции Черного моря на указанном участке, мы пришли к выводу о высокой достоверности античных сведений, из которых более точными оказались данные Арриана. В сводной таблице в правой колонке приведены современные названия гидронимов и топонимов Северо-Восточного Причерноморья (Таб.1.)

Итак, откладывая расстояния Арриана вдоль берега моря на карте Google Earth, мы пришли к выводу, что реки Фасис и Ипп в наше время не существуют, их местоположение можно определить по озерам Палеостоми и Скурча. В Перипле отсутствует упоминание р. Ингур, что было непонятным для некоторых исследователей, отождествлявших с ней то Хоб (Ю.Н. Воронов), то Синган (Ф. Дюбуа де Монпере). При этом Арриан указывает местоположение ныне малозначительных рек Окум и Моква (Джикумур), что объясняется стратегическим интересом легата, который собирал ценные сведения в целях построек дополнительных римских укреплений на этом участке побережья. Позднее в указанных пунктах появляются укрепления Сингам (с. Гудава) и частично изученное городище Гюенос (гавань Очамчира, отличается удобством для стоянки кораблей). Далее было определено, что рекой Абаск античные авторы называли современные Махадыр – Хашпсы, являющиеся рукавами одной гидросистемы (А.А.). Здесь также после Арриана появляется римская крепость. Река Боргий-Брухонт-Мизиг – Мзымта одним из рукавов протекала в районе р. Херота, на что указывает лоция Арриана, соответствующая 18,5 км. Р. Нисий и Гераклов мыс – это современная

река Хоста и выдающийся в море к западу от ее устья высокий скалистый мыс, поросший реликтовой сосной. Река Ахеунт, являвшаяся пограничной между санигами и зихами во времена Псевдо-Арриана – это современная р. Дагомыс; Старая Лазика располагалась в бухте Туапсе, следовательно, и Никопсия Псевдо-Арриана должна располагаться на Туапсинском мысу, а Старая Ахая – в районе поселка Новомихаиловское недалеко от берега моря. Гавань Пагр Арриана является бухтой Геленджика и была границей между зихами и готами (тавроскифами) во времена Псевдо-Арриана. В тоже время затруднительна удовлетворительная локализация крепости Бага, о которой упоминает Псевдо-Арриан, так как при сопоставлении измерений у двух авторов заметна ошибка, либо пропуск у последнего. Согласно Псевдо-Арриану Бага должна располагаться в районе Глубокой Щели, а Старая Лазика по его данным оказывается в устье Р. Шепси, Никопсия же вблизи Магри, не достигая до Туапсе. В целом сбивка в расстояниях у Псевдо-Арриана, начинающаяся с крепости Бага в дальнейшем приводит к недотягиванию к твердо локализованным пунктам Туапсе, Генеджик, Новороссийск, Анапа. Также, на наш взгляд не обоснована локализация крепости Бага у р. Годлик, предложенная В.А. Леквинадзе [Леквинадзе 1969]. Укрепление Годлик, по объемно-композиционным и строительным решениям является постройкой времени не ранее VI в. Крепость Мамайка является постройкой поздней античности, а именно, временем функционирования Понтийского Лимеса. Возникла мысль, что упоминаемая в ND в начале V в. крепость Мохора должна находиться между Мамайкой и Питиунтом, скорее всего в Гагрском районе Абхазии. Обратил внимание, что название р. Ма(е)хадыр весьма близко к Мохоре, что побудило меня к более внимательному прочтению всего массива литературы, и позволило найти незаслуженно забытый объект, по-видимому, позднеримского времени. Он был кратко описан И.Е. Адзинба, посетившего его в 1940 г. [Адзинба 1958: 12]. Исследователь упоминает стены и остатки башен на приусадебных участках, описывает строительную технику, заключающуюся в применении нескольких рядов квадратного кирпича в кладке, упоминает найденные поблизости фрагменты краснолаковой посуды. По необъяснимым причинам, изучение крепости так и не было начато.

Мне удалось в 2019 г. увидеть и зафиксировать остатки, по-видимому, южной стены крепости длиной около 8 м. и двух башен. Оказалось, что стена разрушена до уровня кирпичной кладки, один ряд которой частично сохранился. Морфологические и технологические характеристики кирпичей из кр. Махадыр, Мамайки и Питиунта совпадают и датируются согласно данным Пицундской (Бичвинтской) археологической экспедиции рубежом III-IV вв. [Апакидзе 1975: 247] Данные сходства можно объяснить тем, что кирпичи для этих 3 объектов изготавливались одной артелью строителей – инженерными отрядами, состоявшими при римском легионе, размещенном в одном из укреплений Понтийского Лимеса.

Раскопки, необходимые на данном объекте, могут разрешить окончательно вопрос о локализации римской крепости Мохора. В итоге предварительно получается, что Понтийский Лимес, достигавший в первой половине II в. до Себастополиса, за последующие время, вплоть до VI в. был продвинут на запад до района западного Сочи (Мамай-кала) и не достигал территории расселения зихов.

Библиография:

АГБУНОВ М.В. Античная лоция Черного моря. Москва: «Наука», 1987.

АДЗИНБА И.Е. Архитектурные памятники Абхазии. Абхазский институт языка, литературы и истории. Сухуми: Абгиз, 1958. 155 с.

АПАКИДЗЕ Г.А. Образцы строительной керамики Великого Питиунта // ВП Т. 1. Тбилиси: Мецниереба, 1975.

БАЛАБАНОВ И.П. Палеографические предпосылки формирования современных природных условий и долгосрочный прогноз развития голоценовых террас Черноморского побережья Кавказа. «Дальнаука», М.; Владивосток, 2009.

ЛАТЫШЕВ В.В. Известия древних писателей латинских и греческих о Скифии и Кафказе. Т1. СПб, 1890.

ЛЕКВИНАДЗЕ В.А. Понтийский лимес / ВДИ № 2 1969. С. 75-93.

ФРЕДЕРИК ДЮБУА ДЕ МОНПЕРЭ. Путешествие вокруг Кавказа. Сухуми: АБГИЗ, 1937.

Ф. БРУН. Черноморье. ч. II. Одесса: 1880.

**Таб. 1. Сопоставление данных «Периплов» Арриана и Псевдо-Арриана
с современными пунктами.**

Пункты из Перипла Арриана	Расст. по Арриану в стадиях	Расст. по Арриану в км.	Расст. по Псевдо-Арриану в стадиях	Расст. по Псевдо-Арриану км.	Дополнения Псевдо-Арриана	Современная лоция и названия пунктов. (км.)
р.Харриент – р.Хоб	90	14,1	90	14,1		р.Риони – р.Хоб (14)
р.Хоб – р.Сингам	210	33	210	33	Сингам – Зи-ганей	р.Хоб–р.Окум (33)
р. Сингам – р.Тарсур	120	18,8	120	18,8	Тарсур – Моха	р.Окум–р.Моква (18)
р.Тарсур – р. Ипп	150	23,6	150	23,6	Ипп–Лагумпса	Один из пересохших протоков Кодора у озера Скурча
р. Ипп – р. Астелеф	30	4,7	30	4,7	Астелеф – Ев-рип, с заходом для судов	Западный рукав Кодора (судоходный)
р.Астелеф – Себастополис	120	18,8	135	21,2		р. Кодор – Бухта Сухума (21)
р. Хоб – Себастополис	630	99	645	101,3		р. Хоб – бухта Сухума
Себастоп. – Питиунт	350	55	350	55		Бухта Сухума – бухта Пицунды (53)
Питиунт – Нитика	150	23,6	150	23,6	Нитика – Стеннитика, ранее Триглиф	Бухта Пицунды – Гагрская крепость (23)
Нитика – р. Абаск	90	14,1	90	14,1		Гагрская крепость –р. Махадыр (14)
Себастополис – р.Абаск	590	92,6	590	92,6	Проживали абазги (АА)	Р. Махадыр – Хашупса
р. Абаск – р. Боргий	120	18,8	120	18,8	Боргий – Брухонт – Мизиг	р.Махадыр – р.Херота (пересохший рукав Мзымты?) (18,5)
р.Боргий – р.Нисий (Гераклов мыс)	60	9,4	60	9,4	Гераклейский мыс называет – Пиксит	р. Херота – р. Хоста (9,3)
р.Нисий – р.Массаитика	90	14,1	90	14,1		р. Хоста – р. Сочи (14,1)
р. Массаитика – р. Ахеунт	60	9,4	60	9,4	Ахеунт –Басий, с заходом для судов	р. Сочи– р. Дагомыс (9,4)
р. Абаск– р. Ахеунт	330	51,8	330	51,8	Проживали саниги	50 км.
Р. Ахеунт – Гераклов мыс	150	23,6	150	23,6		р. Дагомыс – р. Шахе (23)

Пункты из Перипла Арриана	Расст. по Арриану в стадиях	Расст. по Арриану в км.	Расст. по Псевдо-Арриану в стадиях	Расст. по Псевдо-Арриану км.	Дополнения Псевдо-Арриана	Современная лоция и названия пунктов. (км.)
Гераклов мыс – укрепление Бага			10	1,6		р. Шахе – Бага в районе Глубокая Щель? (1,68)
Гераклов–мыс – Мыс с защитой от ветров Фракия и Борей	180	28,3				От р. Шахе до Туапсе (Старая Лазика) 47 км., соответствует Арриану
Бага – р.Левая			80	12,6	р. Левая	Мыс Лазаревское – р.Псезуапсе(12,6)
Мыс с защитой от ветров – Старая Лазика	120	18,8	120	18,8	Старая Лазика – Никопсия, вблизи р. Псахапсий	Псевдо – Арриан переносит старую Лазику в устье р. Шепси, вблизи Магри?
Старая Лазика – Старая Ахея	150	23,6	150	23,6	р. Топсида.	От Туапсе до Новомихайловского 23,9 км. По Псевдо-Арриану пункт расположен западнее Туапсе
Старая Ахея – гавань Пагр	350	55	350	55	Проживают зихи, сменившие ахейцев	Новомихайловское – бухта Геленджика (55)
р. Ахеунт (Басий) – гавань Пагр	950	149,2	860	135	Проживают зихи	149,2 км. Дагомыс – Геленджик
Гавань Пагр – Святой Порт	180	28,2	180	28,2	Святой порт–Иерия Никаксин	Гавань Геленджика – порт Новороссийска (28)
Святой порт – Синдика	300	47,1	290	45,5	От гавани Пагр прож. Евдусиане (готы)	Порт Новороссийска – Анапа (45)
р. Хоб – Синдика	3070	504,3	2985	468,7		р. Хоб – Анапа

Арутюнян А. Ж.

ОСТРОВ СИЦИЛИЯ ПО ДАННЫМ «АШХАРАЦУЙЦ»-а

Harutyunyan H. Zh.

Sicily Island According to the «Ashkharatsuyts»

«Сицилия – вот ключ ко всему».

И.В. фон Гете.

«Древнеармянская география» или «Ашхарацуйц» является не только важным источником историко-географического исследования Италии, но и близлежащих островов. Однако если Корсику авторы армянского источника рассматривают в составе Италии, то Сардиния и Сицилия представлены как отдельные страны (Сардиния в «ашхарацуйц»-овском списке упомянута как седьмая страна Европы) [Арутюнян 2019а: 24-29; Арутюнян 2019б; 94-101]. Этим авторы подчеркивают важность Сардинии и Сицилии. Сицилия (Σικελία,) была в центре внимания почти всех античных авторов – Аппин, Цицерон, Диодор, Страбон, Птолемей, Плиний и многие другие.

В армянском тексте читаем: «Восьмым природным миром является большой остров Сицилия [который находится] восточнее Сардонии, на расстоянии трехсотпятидесяти миль» [А. Ширакаци 1979: III, 272; Акопян 2015: III, 40; Патканов 1877: III, 21]. Миля по Ширакаци равна 1.000 шагам (кратчайший путь от Сардинии до Сицилии составляет 448 км.). Получается, что авторы «Ашхарацуйц»-а ошибаются на 110 км., что можно считать вполне допустимым. Но главным является тот факт, что армянский источник располагает о Сицилии верно: (юго)-восточнее своего «соседа». О достоверности сведений «Ашхарацуйц»-а говорит и следующее упоминание: «Сицилия имеет форму треугольника, и длина от одного до другого конца составляет сто миль» [А. Ширакаци 1979: III, 272]. Идентичные сведения мы находим у Страбона: «По форме Сицилия треуголь-

ник, почему и называлась раньше Тринакрией, а впоследствии изменила свое имя на более благозвучное – Фринакида» [Strabo. VI, II,1; Pliny. III, VIII,86]. А Диодор пишет: «В древности этот остров называли по причине его очертаний Тринакрией, а из-за населявших его сиканов прозвали Сиканией, но в конце концов, после того, как сюда переселились всем народом из Италии сиккулы, он стал называться Сицилией» [Diod. V, II,1]. Следует отметить, что Диодор выясняет также и преемственность названий. Если остальные историки сообщают лишь общую длину острова по берегу (Страбон пишет, что морской путь вокруг острова составляет 4.400 стадий [см: Strabo. VI, II,1]), то «Ашхарацуйц» определяет длину острова по суше: от восточного до западного конца. Но, как мы уже отметили, «Ашхарацуйц» упоминает, что длина острова – 100 миль, однако при этом не отмечает направление: север-юг или восток-запад. Это упоминание более соответствует расстоянию от крайнего северо-востока до нынешнего мыса на юго-востоке, что составляет почти 170-180 км. В направлении восток-запад длина составляет от 250 км.

Следующее упоминание «Ашхарацуйц»-а относится к вопросу соседних островов: «Остров имеет [рядом] маленькие острова» [Акопян 2015: III, 42]. Рядом с Сицилией находятся Липарские и Эгадские острова. Липарские состоят из восьми, а Эгадские – из трех больших островов. Далее в тексте мы читаем: «Имеет пять провинций, [девять городов], 18 рек, [16 островов]» [А. Ширикаци 1979: III, 272]. Как видно «Ашхарацуйц» уточняет число островов. Возможно, авторы имеют в виду в том числе и о. Мальту, который состоит из трех основных островов. Тогда как минимум получается 14. Мальта была не менее известна с древнейших времен. Название острова связывают с финикийским словом Малат – «гавань» [Грицак 2005: 19]. Что касается деления острова на пять провинций, можно заметить, что в среднем каждая из них имела чуть больше 5 тыс. кв.км. (Корсика имела 13, а Сардиния 20 провинций). Данные острова стали первыми провинциями Римской республики. Относительно количества городов следует отметить, что число 9 никак не может соответствовать действительности. Со времен финикийской, а далее и греческой колонизации здесь было основано намного больше городов, чем перечисляет Страбон,

а позже – еще скрупулезнее – Птолемей [Ptol. III, IV,3 и дал.]. Когда речь идет о городах древней Сицилии, то их следует группировать согласно хронологическим этапам: 1) города доколониальной эры; 2) эпохи финикийской колонизации; 3) времен греческой колонизации; 4) основанные Римом [Ptol. III, IV,12-17; Strabo. VI, II,1-11. У Страбона красной «нитью» проходит тема «кто, когда и какой город основал»; См. также. Pliny. III, VIII, 88, 90-92].

Перейдем к рассмотрению вопроса 18 рек. Сейчас на территории острова подсчитывается 19 рек, из которых самыми длинными считаются Сальсо и Симето. Наконец, в заключительной части армянского текста читаем: «...две горные вершины, Перф(т)ений, [от которых берут начало реки], и Борн (Борнос), [т.е. Явление], на пике которого постоянно горит огонь [Сицилия черезчур плодородна]» [А Ширакаци 1979: III, 272]. Сицилийские Апенины ныне разделены на маленькие части; их более полтора десятка. Нам следует обратить особое внимание на горные вершины – Перф(т)ения и Борн. Можно предположить, что Перф(т)ений – это Палермские горы. Однако, по всей вероятности, переписчики рукописи допустил ошибку и вместо Партениос написали Пертениос. Самая высокая точка в Сицилии – гора Этна. Что касается топонима Борн-Борнос, то здесь произошла ошибка: это искаженный вариант названия греческой горы Парнас. Вероятно, авторы источника хотели сравнить местонахождение греческих муз с древнеримскими. Потому это место названо в армянском тексте Явлением, где горел вечный огонь. К.П. Патканов в переводе «Ашхарацуйц»-а совершенно справедливо пишет: **«Партениос, из которого истекают реки, и Урканос или Этна (’Αίτνη)»** [Патканов 1877: III, 21].

Наконец, относительно населенности этого острова известно, что с древнейших времен Сицилия была одной из густонаселенных территорий мира, равно как и Восточное Средземноморье.

Библиография:

АНАНИЯ ШИРАКАЦИ. Избранные труды. Ашхарацуйц. С. 258-312. — Ереван, 1979. (на арм. яз).

АКОПЯН А.А. Ашхарацуйц VII века. Андес амсоря. С. 35-194. — Вена-Ереван, 2015 (на древнеарм. яз.)

АРУТЮНЯН А.Ж. Остров Сардиния по данным «Древнеармянской географии» («Ашхарацуйца»). Кондаковские чтения — VI, Античность-Византия-Древняя Русь, Матералы VI международн. научн. конф., С. 24-29. — Белгород, 2019а.

АРУТЮНЯН А.Ж. Остров Сицилия по данным «Древнеармянской географии» («Ашхарацуйца»), Иреисона, Античный мир и его наследие. Материалы научн. сессии кафедры Всеобщей истории к 40-летию начала антиковедческих исследований. Вып. VI. С. 94-101. — Белгород, 2019б.

ГРИЦАК Е.Н. Мальта. — М., 2005.

ПАТКАНОВ К.П. Армянская география VII века по р. X. (приписывавшаяся Моисею Хоренскому). СПб., 1877.

DIODORUS SICULUS. Library of History (Bibliotheca Historica). Vol. III. Books 4-8/ — Harvard, 1939.

PLINII SECUNDI. Naturalis Historiae. Vol. 2. books III-VII. — Cambridge, Mass-L, 1957. (LCL).

PTOLEMAIOS. Ptolemaios Handbuch der Geographie. Griechisch-Deutch. Herausgegeben von Stuckelberger A. und Grabhoff G. Einleitung, text und übersetzungю index. 1 teil. buch 1-4. — Basel, 2006.

STRABO. The geography of Strabo. Vol. 3. — L., 1960. (LCL).

Астахов И.А.

КОЧЕВОЙ ФАКТОР В СТРАТЕГИИ ПОЗДНЕАНТИЧНОГО БОСПОРСКОГО ВОЙСКА*

Astakhov I.

Nomadic Factor in the Late Antique Strategy of Bosphorus Army

Поздняя античность явилась для Боспора не только периодом кризиса, но и периодом активной «варваризации». Варвары проникали во все сферы жизни и в первую очередь в военное дело, а «варваризация» выражалась в этническом смешении, материальном и техническом заимствовании. Кочевники Северного Причерноморья, являясь представителями уникальной культуры, несомненно, принимали в этом процессе активное участие. Однако могли ли они привнести в военное дело Боспора не только технические новшества, но и видоизменить сами принципы ведения военных действий?

В первую очередь нас интересует вопрос, сколько было представителей кочевых обществ в составе боспорской армии. Варварский контингент всегда составлял значительную часть боспорского войска (Luc. Tox. 54; Diod. XX, 22-24) [Mielczarek 1999: 82-83]. При Митридате VI Евпаторе основу гвардии составляли воины-варвары [Сапрыкин 1996: 198]. К кочевникам служившим в боспорской армии можно отнести: меотов, скифов, яксаматов, иксивитов, сираков, аорсов, языгов, роксоланов и т.д. [Циглер 2015: 48-52]. На рубеже II-III вв. н.э. количество иранских имен на Боспоре составляло около 20% [Шелов 1974: 90-93].

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-39-90039.

С середины III в. н. э. в результате вторжения готов число варваров значительно увеличивается. Помимо оседлых боранов, эрулов и готов античные авторы упоминают аланов и сарматов (Trebell. Poll. Claudius, 6.2; Iord. 107-108; Dexipp. 21; Zosim. 1. 31.). Боспорские цари Фофорс (285-308 гг. н. э.) и Радамсад (309-322 гг. н. э.), носители иранских имен, были представителями алано-сарматской знати, захватившей власть на Боспоре [Зограф 1951: 211]. Если алано-сарматы сумели утвердиться на Боспоре как цари, то, естественно, они же играли важнейшую роль в военном деле.

В IV в. н. э. проникновение аланского этноса на территорию Боспора продолжается, что прослеживается по погребальному инвентарю боспорских некрополей [Кругликова 1966: 54; Минаева 1951: 296]. К IV в. н. э. количество иранских имен на Боспоре достигает 40% [Масленников 1990: 111, рис. 7].

Появление на Боспоре гуннов, на рубеже IV-V вв. н. э. [Айбабин 1999: 73], увеличило число кочевников в боспорской армии. Многочисленные причерноморские племена являлись войсковым резервом гуннов, а боспорская знать принимала участие в гуннских завоевательных походах [Амброз 1971: 104].

Уход гуннов на запад позволил различным позднегуннским кочевым группам занять степи Северного Причерноморья. К ним мы можем отнести племена акациров, сарагуров, урогов, оногуров (Prisc. IV. 30). Вероятно, что Боспор, играя на противоречиях варваров, мог использовать их как воинов-федератов [Gajdukevic 1971: 410]. Надпись из Гермонассы 1868 г. (КБН № 1099) и перечисленные в ней гуннские имена [Яйленко 1991: 126] подтверждает нашу версию об инкорпорировании номадов в боспорское общество.

Таким образом, весь позднеантичный период Боспор испытывал наплыв кочевников на свою территорию. Нет сомнений, что интегрированные в боспорское общество номады, в силу своей специфики, были воинами.

В этой связи, необходимо отметить определенную ментальность номадов. Кочевым обществам присуще состояние перманентной войны всех против всех [Яровой 2017: 187]. В то же время частью ментальности кочевника была консервативность [Буданова Горский Ермолова 2011: 253]. Номады неохотно меняются, предпочитая тот же образ жизни, что и их

предки много веков назад [Жамбалова 2012: 147; Энхвтушин 2015: 697; Яскина 2002: 50].

Кочевые всадники на службе Римской империи, неохотно использовали римскую экипировку и сражались в своем снаряжении. Надгробие всадника сарматских вспомогательных войск из лимеса Дева-Виктрикс в Римской Британии, датируемое II в. н. э., демонстрирует нам экипировку воина кочевого племени [Д'Амато 2012: 231]. Монумент Адамклиси, терракотовая фигура из Альба – Юлиа, скульптурные источники времен Марка Аврелия, арка Галерия – демонстрируют нам воинов конницы в доспехах, присущих сарматской традиции [Robinson 1975: 452].

Вероятно, консервативность кочевников распространялась не только на предметы вооружения, но и на тактику и стратегию. К началу VI в. н. э. стратегическая мысль Византийской армии полностью видоизменяется. Из исключительно оборонительной она становится мобильной и наступательной [Люттвак 2010: 91]. Это следствие изменения этнической картины на дунайской границе империи. Оседлые варвары уступают место гуннам [Скржинская 1997: 269-270]. Начиная с V в. н. э., гуннские отряды начинают включаться в состав Византийского войска (Procop., BG, I, 27, 106). Постепенно конные лучники становятся основной ударной силой имперского войска [Банников Морозов 2013: 288-289].

Представляется, что это могло произойти и с Боспорской армией. Конные лучники становятся основой боспорского войска. Происходит это быстрее чем в империи, ведь начиная с III в. н. э. кочевники проникают на Боспор и интегрируются в его общество.

В этой связи нас интересуют сюжеты описанные Константином Багрянородным в трактате «Об управлении империей» (Const. Porph. De administrando imperio, 53). Это единственный источник, упоминающий о военных кампаниях, проводимых Боспорским царством в период поздней античности.

В первую очередь, необходимо отметить конфликт между Боспором и Херсонесом, который мог происходить в последней четверти III в. н. э. Автор отмечает, что царь Боспора – Савромат, собрав армию из меотийских варваров, аланов и сарматов, совершает поход в империю, вторгаясь со сто-

роны Кавказских гор и доходит до р. Галис в провинции Полемонов Понт. Херсонеситы, находясь в союзе с Римом, нападают на Боспорское царство и берут в плен семью царя. После этого боспоряне оставляют захваченные земли и возвращаются домой (Const. Porph. De adm. Imp., 53, 1-120).

По мнению Я. Хараммата, данная война могла происходить в 291-293 гг. н.э. Констанций, воевавший против меотийских варваров, после победы над ними получил 1 марта 293 г. н.э. титул цезаря. Значит, датой окончания вторжения можно считать конец 292 – начало 293 гг. н.э. Также отмечается, что имя Савромат могло быть обобщающим всех боспорских царей [Харматта 1967: 206]. В последующих военных конфликтах, описанных Константином Багрянородным, в двух из трех случаях варварами с Меотиды также управляли Савроматы.

О втором конфликте Константин Багрянородный говорит, что отряд херсонеситов отправился на Дунай, в провинцию Скифия, и сразился там с некими варварами, нанеся им поражение (Const. Porph. De adm. Imp., 53, 125-160). Зосим, сообщает, что в 322 г. н.э. отряд меотийских варваров под началом царя Равсимода вторгся в Паннонию, но был разбит Константином (Zosim. II, 21). Можно провести параллели между боспорским царем Радамсадом (308-322 гг. н.э.) и царем Равсимодом [Анохин 1986: 128], предположив, что это один человек.

Константин Багрянородный также упоминает еще два военных конфликтов. В обоих случаях боспорян возглавляли Савроматы. Оба конфликта привели к поражению Боспора. Конфликты можно связать с периодом правления Рескупорида VI (323-341 гг. н.э.). На это указывают обнаруженные клады в районе Судака, датируемые 328 и 329 гг. н.э. [Исанчурин 1989: 90-92] и на Тамани, датируемые 336 г. н.э. [Зубарь Хворостяный 2000: 17]. По мнению В.К. Голенко, именно поражение в боспоро-херсонесской войне отодвинуло границу Боспора от района Феодосии, к Узунларскому валу, что поспособствовало созданию цитадели на горе Опук в 336 г. н.э. [Голенко 1999: 47].

Проанализировав описанные Константином Багрянородным сюжет, мы наблюдаем достаточно агрессивные действия Боспорского царства. Данные конфликты представляют собой набеги номадов. Источники прямо

указывают на кочевников в составе боспорского войска [Айбабин 2016: С. 10-23]. Вероятно, отмеченные выше походы были инициированы кочевой алано-сарматской знатью. Ее влияние на внутреннюю и внешнюю политику Боспорского царства было огромно.

Таким образом, мы можем заключить, что варвары-номады, массово мигрировавшие в степи Северного Причерноморья и на Боспор в период поздней античности (середина III – первая четверть VI вв.), оказывают огромное влияние в первую очередь на военное дело Боспорского царства. Являясь профессиональными военными, кочевники начинают играть основную роль в боспорской армии. В силу своей ментальности они не перестраивают свою структуру по римскому или эллинистическому образцу, а меняют армию под себя. В том числе меняется и боспорская стратегия, приобретая яркие кочевые черты. Данная тенденция прослеживается в сюжетах трактата Константина Багрянородного «Об управлении империей», повествующих о боспоро-херсонесских войнах.

Библиография:

- АЙБАБИН А. И. Аланы и германцы в Боспорском царстве во второй половине III в. н. э. // Античная древность и средние века. 2016. Вып. 44. С. 10-23.
- АЙБАБИН А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. — Симферополь, 1999.
- АМБРОЗ А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. 1971. № 2. С. 96-123.
- АНОХИН В. А. Монетное дело Боспора. — Киев, 1986.
- БАННИКОВ А. В., МОРОЗОВ М. А. Византийская армия (IV-XII вв.). — СПб, 2013.
- БУДАНОВА В. П., ГОРСКИЙ А. А., ЕРМОЛОВА И. Е. Великое переселение народов: Этнополитические и социальные аспекты. — СПб., 2011.
- ГОЛЕНКО В. К. К вопросу о времени сооружения «цитадели» на горе Опук // Херсонесский сборник. Вып. X. — Севастополь, 1999. С. 39-49.
- Д'АМАТО Р. Воин Рима. Эволюция вооружения и доспехов 112 г. до н. э. — 292 г. н. э. — М., 2012.
- ЖАМБАЛОВА С. Г. Кочевой образ жизни в современном мире: проблемы традиционализма и модернизации // Учёные записки ЗабГГПУ. Серия: филология, история, востоковедение, 2012. С. 142-149.

- ЗОГРАФ А.Н. Античные монеты. — М., 1951.
- ЗУБАРЬ В.М., ХВОРОСТЯНЫЙ А.И. От язычества к христианству. — Киев, 2000.
- ИСАНЧУРИН Р.А., ИСАНЧУРИН Е.Р. Монетное дело царя Радамсада // Нумизматика и эпиграфика. Вып. 15. — М., 1989. С. 53-96.
- КРУГЛИКОВА И.Т. Боспор в позднеантичное время: очерки экономической истории. — М., 1966.
- ЛЮТТВАК Э.Н. Стратегия Византийской империи. — М., 2010.
- МАСЛЕННИКОВ А.А. Население Боспорского государства в первых веках н.э. — М., 1990.
- МИНАЕВА Т.М. Археологические памятники на р. Галич в верховьях Кубани // МИА № 23. — М., 1951. С. 273-301.
- САПРЫКИН С. Понтийское царство: Государство греков и варваров в Причерноморье. — М., 1996.
- СКРЖИНСКАЯ Е.Ч. Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica). Вступ. ст., пер., коммент. Е.Ч. Скржинской. — СПб., 1997.
- ХАРМАТТА Я. К истории Херсонеса Таврического и Боспора // Античное общество. — М., 1967.
- ЦИГЛЕР М.В. Боспорское царство и варварская периферия в I-IV н.э.: военный аспект взаимоотношений // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. № 7. 2015. С. 48-52.
- ШЕЛОВ Д.Б. Некоторые вопросы этнической истории Приазовья II-III вв. н.э. по данным танаисской ономастики // ВДИ. 1974. № 1. С. 80-93.
- ЭНХВТУШИН Б. Номады и номадизм: традиции и современность // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2015. Т. 25, № 4. С. 691-699.
- ЯЙЛЕНКО В.П. Гуннский именовник V в. н.э. с Тамани и его чувашские соответствия // Ономастика Поволжья. Вып. 6. Ч. 1. — М., 1991. С. 126-137.
- ЯРОВОЙ А.В. От культуры войны к войне культур: социокультурные проекции агональности в европейской и евразийской культурах. — М.; — Берлин, 2017.
- ЯСКИНА Г.С. Анклавы кочевой цивилизации в отдельных странах: опыт Монголии // Кочевая цивилизация Великой степи: современный контекст и историческая перспектива: мат. междунар. науч. конф. и междунар. науч. форума. — Элиста, 2002. С. 43-51.
- GAJDUKEVIC V.F. Das Bosporanische Reich. B. Amsterdam, 1971.
- MIELCZAREK M. The Army of the Bosporan kingdom. — Lodz, 1999.
- ROBINSON H.R. The armour of Imperial Rome. — London. 1975.

Балахванцев А. С.

АХЕМЕНИДСКОЕ ВЛИЯНИЕ НА БОСПОРЕ В СВЕТЕ ИКОНОГРАФИИ РАННИХ МОНЕТНЫХ ВЫПУСКОВ ПАНТИКАПЕЯ

Balakhvantsev A.

Achaemenid Influence on the Bosphorus and Iconography of the Early Coin Issues of Panticapaeum

В арсенале аргументов, используемых сторонниками теории ахеменидского влияния или протектората на Боспоре, не последнее место занимают данные нумизматики, а именно, иконография и метрология некоторых монетных выпусков Пантикапея [Анохин 1999: 7; Завойкин 2015: 245, 248-250]. Что касается метрологии, то этому аспекту проблемы я собираюсь посвятить отдельную статью. Здесь же – во исполнение уже высказанного намерения [Балахванцев 2018: 64] – речь пойдет об использовании «ахеменидских» символов на реверсе пантикапейских монет V-IV вв. до н. э.

Так, в качестве ахеменидской эмблемы рассматривает восьмилучевую звезду Г. Р. Цецхладзе [Цецхладзе 2014: 217]. Н. Ф. Федосеев, тщательно фиксировавший следы «персидского» влияния на Боспоре, считает ахеменидским символом полумесяц [Федосеев 2014: 156-158]. Аналогично трактует звезду и полумесяц и А. А. Завойкин [Завойкин 2000: 259, 261, 263; Завойкин 2015: 245, 248, 250], который довольно скептически относится к гипотезе о политической зависимости Боспора от Ахеменидов [Завойкин 2015: 249]. И хотя идея о правомерности восприятия восьмилучевой звезды и полумесяца в качестве ахеменидских символов уже была

подвергнута критике [Борисова, Молев 2002: 273-274], обсуждаемая проблема отнюдь не может считаться решенной.

Прежде всего, есть ли основания считать восьмилучевую звезду и полумесяц ахеменидскими символами? В древней Месопотамии восьмилучевая звезда была символом богини Инанны / Иштар, а полумесяц – бога Сина [Куртик 2000: 94-96; Aruz, Benzel, Evans 2008: 350; Lawson Younger Jr. 2012: 215, 222-223; Garrison 2017: 380-381, not. 937]. В дальнейшем эти символы широко распространяются по территории Ближнего Востока [Aufrecht, Shury 1997: 58; Aruz, Benzel, Evans 2008: 116]. Так, если ограничиться только памятниками первой половины I тыс. до н.э., то полумесяц и восьмилучевую звезду можно найти на ассирийских рельефах [Smith 1938: 5, pl. II], финикийских [Bordreuil 1986: № 4, 7, 8, 10, 21, 23, 28, 31] и арамейских печатях [Bordreuil 1993: № 3, 5-9, 12, 34, 37-39], произведениях торевики [Lawson Younger Jr. 2012: 215, 222-223, fig. 1], деталях мебели [Rose 2012: fig. 11]. Важно отметить, что эти символы, судя по относящейся к 670-494 гг. до н.э. [Kerschner, Schlotzhauer 2005: 46] восточно-греческой [Cook, Dupont 1998: 77-78, 88, fig. 10.1, 12.2; Kerschner, Schlotzhauer 2005: fig. 6] и афинской чернофигурной керамике [Boardman 2012: fig. 252,1], а также геммам эпохи архаики [Boardman 1970: pl. 339, 400], были хорошо знакомы жителям Эллады, главным образом, Ионии.

Что же касается Ахеменидов, то у них использование восьмилучевой звезды и полумесяца отмечается, прежде всего, в глиптике [Dusinberre 2013: 241, 156, 157; Garrison 2017: fig. 2.1; 2.17a; 2.18a; 2.18b; 2.24; 2.26; 2.30; 2.33a; 2.33b; 2.34b; 2.41; 5.8; 5.20]. Правда, эти символы изображались и на ахеменидских рельефах, но всегда занимали там далеко не главное положение: восьмилучевая звезда украшает головные уборы божества и Дария I в Бехистуне [Garrison 2017: 380-381, not. 937], а полумесяц – всегда как часть полной луны – появляется на гробничных рельефах [Schmidt 1970: 85, pl. 19, 41, 49, 57, 63, 70].

Между тем, в прокламативном искусстве владык Ирана известен подлинный «ахеменидский символ», которым традиционно называется либо фигура божества, словно вырастающая из крылатого диска, либо сам крылатый диск [Garrison 2017: 79]. Символ изображает Ахурамазду и неодно-

кратно – в полном или редуцированном виде – встречается на рельефах царских дворцов и гробниц [Балахванцев, Яблонский 2007: 146 (с предшествующей литературой)], в глиптике [Garrison 2017: 128, 145, 151] и нумизматике [Mildenberg 1993: 75, Taf. 7,28]. Естественно, что все эти обстоятельства не позволяют считать звезду и полумесяц ахеменидскими символами *par excellence*.

Теперь рассмотрим, как представление об ахеменидском влиянии соотносится с датами чеканки пантикапейских монет со звездой и полумесяцем. Впервые восьмилучевая звезда появляется на оборотной стороне монет Пантикапея, которые относятся к сериям А-3 и П-9 по В.А. Анохину [Анохин 1986: 137] или типу VI по Н.А. Фроловой [Фролова 1996: 58]. Все исследователи датируют начало выпуска этих монет серединой V в. до н.э. [Анохин 1986: 137; Фролова 1996: 58; Завойкин 2000: 261; Коваленко, Толстиков 2010б: 48; Завойкин 2015: 245]. Закономерен вопрос: неужели после разгрома персидских флота и армии в битвах при Саламине, Платеях и Микале в 480-479 гг. до н.э., изгнания персов из Византия в 478 г. до н.э., победы эллинов при Евримедонте в 469 г. до н.э. и, наконец, заключения Каллиева мира в 449 г. до н.э., по которому все греческие города Азии получали автономию, а ахеменидским сатрапам запрещалось приближаться к побережью ближе, чем на три дня пути, персы смогли подчинить города Боспора своему влиянию?

Обратимся к полумесяцу. Он встречается лишь на оболе Левкона I, выпущенном в 389-379 гг. до н.э. [Анохин 1986: 139]. Невысокий номинал, поздняя дата выпуска, а также присутствие аналогичного полумесяца на реверсе афинских тетрадрахм, отчеканенных после окончательного изгнания персов из Аттики в 479 г. до н.э. [Коваленко, Толстиков 2010а: 48], делают невозможным воспринимать его в качестве символа персидского влияния.

Таким образом, анализ семантики звезды и полумесяца, а также история их использования не дают никаких оснований считать, что Ахемениды оказывали на Боспор хоть какое-то политическое влияние.

Библиография:

- АНОХИН В. А. Монетное дело Боспора. — Киев, 1986.
- АНОХИН В. А. История Боспора Киммерийского. — Киев, 1999.
- БАЛАХВАНЦЕВ А. С. Боспор и Ахемениды // Боспорский феномен: общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Материалы международной научной конференции. — СПб., 2018. Часть 1. С. 61-65.
- БАЛАХВАНЦЕВ А. С., ЯБЛОНСКИЙ Л. Т. Ахеменидская эмаль из Филипповки (проблема хронологии памятника) // Российская археология. — М., 2007. № 1. С. 143-149.
- БОРИСОВА В. С., МОЛЕВ Е. А. Монеты с легендой АП-АПОЛ и политическая история Боспора // Μνημα. Сборник статей памяти В. Д. Жигунина. — Казань, 2002. С. 269-274.
- ЗАВОЙКИН А. А. Афины — Боспор — Гераклея Понтийская (от Перикла до Клеарха) // Международные отношения и дипломатия в античности. — Казань, 2000. С. 249-268.
- ЗАВОЙКИН А. А. Ахемениды и Боспор (историографический аспект проблемы) // Проблемы истории, филологии, культуры. — М. — Магнитогорск, 2015. № 1. С. 240-261.
- КОВАЛЕНКО С. А., ТОЛСТИКОВ В. П. I. О начале монетной чеканки на Боспоре // Вестник древней истории. — М., 2010а. № 3. С. 31-59.
- КОВАЛЕНКО С. А., ТОЛСТИКОВ В. П. II. О начале монетной чеканки на Боспоре // Вестник древней истории. — М., 2010б. № 4. С. 23-50.
- КУРТИК Г. Е. Отождествление Инанны с планетой Венера как критерий для определения времени выделения созвездий в древней Месопотамии // Вестник древней истории. — М., 2000. № 1. С. 89-98.
- ФЕДОСЕЕВ Н. Ф. Некоторые дискуссионные вопросы организации и развития Боспорского государства // Древнейшие государства Восточной Европы. 2012 год: Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства. — М., 2014. С. 141-174.
- ФРОЛОВА Н. А. Монетное дело Боспора середины VI-V в. до н.э. // Российская археология. — М., 1996. № 2. С. 34-69.
- ЦЕЦХЛАДЗЕ Г. Р. Боспорское царство: особенности образования и развития // Древнейшие государства Восточной Европы. 2012 год: Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства. — М., 2014. С. 200-235.
- ARUZ J., BENZEL K., EVANS J. M. Beyond Babylon. Art, Trade and Diplomacy in the Second Millennium B. C. — New York, 2008.
- AUFRECHT W. E., SHURY W. D. Three Iron Age Seals: Moabite, Aramaic and Hebrew // Israel Exploration Journal. — Jerusalem, 1997. Vol. 47. P. 57-68.
- BOARDMAN J. Greek Gems and Finger Rings: Early Bronze Age to Late Classical. — London, 1970.
- BOARDMAN J. Athenian Black Figure Vases. — London, 2012.

BORDREUIL P. Catalogue des sceaux ouest-sémitiques inscrits de la Bibliothèque Nationale, du Musée du Louvre et du Musée biblique de Bible et Terre Sainte. — Paris, 1986.

BORDREUIL P. Le répertoire iconographique des sceaux araméens inscrits et son évolution // Studies in the Iconography of Northwest Semitic Inscribed Seals. — Fribourg, 1993. P. 74-100.

DUSINBERRE E.R.M. Empire, Authority, and Autonomy in Achaemenid Anatolia. — Cambridge, 2013.

COOK R.M., DUPONT P. East Greek Pottery. — London, New York, 1998.

GARRISON M.B. The Ritual Landscape at Persepolis Glyptic Imagery from the Persepolis Fortification and Treasury Archives. — Chicago, 2017.

KERSCHNER M., SCHLOTZHAUER U. A new classification system for East Greek pottery // Ancient West East. — Leiden, 2005. Vol. 4. P. 1-50.

LAWSON YOUNGER JR. K. Another Look at an Aramaic Astral Bowl // Journal of Near Eastern Studies. — Chicago, 2012. Vol. 71(2). P. 209-230.

MILDENBERG L. Über das Münzwesen im Reich der Achämeniden // Archäologische Mitteilungen aus Iran. — Berlin, 1993. Bd. 26. S. 55-79.

ROSE C.B. Fieldwork at Gordion 1950-2012 // Archäologischer Anzeiger. — München, 2012. P. 231-254.

SCHMIDT E.F. Persepolis. Vol. III. The Royal Tombs and Other Monuments. — Chicago, 1970.

SMITH S. Assyrian Sculptures in the British Museum from Shalmaneser III to Sennacherib. — London, 1938.

Букатов А. А., Дюженко Т. В., Варлагин В. В.

ПОДВОДНЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СТРОИТЕЛЬНЫХ ОСТАТКОВ В КАРАНТИННОЙ БУХТЕ

Bukatov A., Dyuzhenko T., Varlagin V.

Underwater Archaeological Research
of Construction Remains in Quarantine Bay

Порт Херсонеса являлся важным транспортным узлом Таврики. Задачу точной локализации его месторасположения в Карантинной бухте осложняет целый комплекс взаимосвязанных природных факторов, среди которых колебания уровня моря, изменение очертаний береговой линии, процессы аккумуляции донных наносов и изменение глубины акватории. Эти процессы не могли не повлиять на устройство системы обороны порта, отражая изменения в прибрежной части бухты в разные периоды существования города [Антонова, 1990: 22-23].

История исследований подводных строительных остатков у западного берега Карантинной бухты насчитывает уже около 60 лет. В 1960 году, под руководством профессора В. Д. Блаватского, здесь проводились работы по обследованию «остатков средневекового города» на площади около 0.25 га. Затопленные водой кладки и их развалы были выявлены вдоль берега на протяжении 52 м с севера на юг. В восточном направлении, вглубь бухты, они были зафиксированы до удаления 40-45 м. Глубины, указанные в отчете, составляли до 2.7-3 м у восточного края занимаемого строительными остатками участка [Блаватский 1960: 9].

В августе 1962 года экспедиция отряда ленинградских подводников из клуба туристов Дворца Культуры им. Ленсовета проводила визуальное обследование в западной части Карантинной бухты, где прослеживались

остатки строений и развалы камня. Северная и южная часть акватории была загромождена судами служебного отряда, что не позволило полностью исследовать этот район. По мнению С.Ф. Стржелецкого, обследованные ими в Карантинной бухте остатки сооружений являлись портовыми постройками [Стржелецкий 1962: 10].

В 1964-1966 гг. объединенная археологическая экспедиция Уральского, Харьковского университетов и Херсонесского музея производила подводные исследования в Карантинной бухте. В результате работ экспедиции были освобождены от донных осадков и нанесены на план два объекта, интерпретированные В.И. Кадеевым как оборонительные башни средневековой системы обороны Херсонеса (XXVI и XXVII башни) [Кадеев 1965: 109; Антонова 1971: 103, 108-109]. В 1966 году, примерно в 30 м от берега на участке к северу от XX башни, была выявлена т.н. «ромбовидная башня», вероятно, так же принадлежавшая к оборонительной системе города [Кадеев 1966: 90]. Если XXVI и XXVII башни хорошо вписывались в прослеживаемую в настоящий момент линию стен, то «ромбовидную башню» пока затруднительно связать с каким-либо участком обороны.

В 2019 году экспедицией отдела подводной археологии Музея-заповедника «Херсонес Таврический» была предпринята работа по обследованию акватории, фотограмметрической съемке и фиксации строительных остатков в Карантинной бухте (рис. 1). Была проведена разведка и в районе «ромбовидной башни» с прилегающим участком акватории.

По данным В.И. Кадеева, стены «ромбовидной башни» состоят из двух поясов: внешнего, облицовочного, сложенного из крупных блоков и внутреннего, состоящего из камней меньших размеров. От башни на момент исследования в 1966 г. сохранились два ряда кладки. Исследователь датировал её строительство IV-V вв., по аналогии с башней «В» четвёртой куртины западной оборонительной стены Херсонеса. Позже этот участок обороны города был передатирован на IX-X вв. [Антонова 1990: 22-23]. Керамический материал, собранный в 2019 г. при разведке и шурфовке в районе затопленных строительных остатков, аналогичен находкам предыдущих полевых сезонов и представлен фрагментами керамид, амфор, посуды, датирующихся в пределах всего периода существования Херсо-

неса. Материал сильно окатан морем. Среди строительных материалов количественно выделяются три группы: фрагменты позднеантичной черепицы импортного и местного производства первых веков н.э., фрагменты красноглиняной шамотированной черепицы IX-X вв. и фрагменты керамид XIII в. Тарные находки представлены единичными фрагментами амфор с зональным рифлением, амфор-кувшинов IX-XI вв., импортных глобулярных амфор с дуговидными ручками и плоскодонных амфор местного производства XIII–п. пол. XIV в. Обилие разновременного археологического материала в переотложенном виде не помогает в определении времени строительства и функционирования затопленных сооружений.

В условиях ограниченной видимости в воде, была проведена фотограмметрическая съёмка «ромбовидной башни», на основе которой выполнен чертеж объекта (рис. 2). При разведке фасады не обнажались. На фасировках стен наносились только те каменные блоки, которые уверенно соотносились с кладкой, вываленные камни не прорисовывались. Размеры объекта по данным фотограмметрической съёмки составляют: ширина 7,1-7,25 м, длина 9,6-9,7 м. Толщина двойных стен около 1,5 м. Отклонение от прямого угла: ~15 (13-17) градусов. Сохранившаяся к настоящему времени высота кладки над уровнем донного грунта составляет до 58 см. Ниже в грунте ряды кладки визуально не фиксируются, для их выявления необходимо проведение раскопочных работ. Хуже всего сохранились остатки западной и восточной стены. Северный фасад сооружения хорошо прослеживается на всем протяжении. Начиная от восточного угла, сложенного для лучшей прочности и устойчивости из массивных, подтесанных на торцах под углом камней, эта стена на две трети длины представляет собой двухпанцирную кладку без внутреннего заполнения. Только уже ближе к западному углу уложены блоки меньшего размера, между которыми сохранились остатки забутовки из мелкого камня.

Максимальная глубина бухты у восточного фаса сооружения составляет от 1.80 м до 2.08 м по Балтийской системе высот. Это самое большое значение глубины моря у фиксируемых к настоящему времени строительных остатков в Карантинной бухте. Западная стена, ближайшая к берегу, залегает на глубине 1.75-1.85 м.

Аэрофотосъемка с квадрокоптера позволила выявить южнее «ромбовидной башни» остатки еще одного сооружения, прежде неизвестного. Вероятно, находящееся до 90-х годов в непосредственной близости от этого места учебно-тренировочное судно школы водолазов препятствовало его обнаружению. Судно присутствует на фотографии, датируемой 1960 г., запечатлевшей работы экспедиции В. Д. Блаватского в Карантинной бухте [Ольховский, Кочкаров 2019: 444, рис. 5]. Строительные остатки, выявленные на дне бухты в 2019 г., находятся у границы территории водолазного полигона (рис. 1). Это скопление каменных блоков прямоугольной в плане формы (условно названное «башня 2») и расположенный между «ромбовидной башней» и «башней 2» небольшой фрагмент кладки (?) из крупных блоков, выступающий из песка. Была предпринята фотограмметрическая съёмка и на этих объектах.

«Башня 2» сильно разрушена, явно фиксируется только небольшой сохранившийся участок кладки протяженностью около 5.3 м. Промеренные блоки имели размеры около 1×0.5×0.5 м. Работы на участке осложнил аварийный сброс ливневой канализации, не позволивший завершить очистку от водорослей и съёмку. Глубины на грунте по Балтийской системе высот составляют 1.66 м у западного конца стены и 1.99 м у восточного.

Таким образом, максимальное зафиксированное в настоящее время значение глубины моря у затопленных строительных остатков в Карантинной бухте составляет около 2 м по Балтийской системе высот. Окончательная интерпретация и датировка этих сооружений требует продолжения исследований и раскопок.

Библиография:

- АНТОНОВА И. А. Оборонительные сооружения Херсонесского порта в средневековую эпоху // АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 102-118.
- АНТОНОВА И. А. Рост территории Херсонеса (по данным изучения оборонительных стен) // АДСВ. 1990. Вып. 25. С. 8-25.
- БЛАВАТСКИЙ В. Д. Отчет подводной археологической экспедиции 1960 года. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 775.

КАДЕЕВ В.И. Отчет о подводных исследованиях в Портовом районе. 1964 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 1160/1.

КАДЕЕВ В. И. Отчет о подводных археологических исследованиях в Херсонесе в 1965 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 1189.

КАДЕЕВ В.И. Отчет о подводных исследованиях в Портовом районе. 1966 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 1606.

ОЛЬХОВСКИЙ С.В., КОЧКАРОВ У.Ю. Кинодокументы 1959-1960 гг. научно-отраслевого архива Института археологии РАН как источник по истории подводной археологии в СССР. КСИА, 2019 г. Вып. 257. С. 438-444.

СТРЖЕЛЕЦКИЙ С. Ф. Научный отчет о работе археологической экспедиции туристов-подводников Клуба Туристов Дворца Культуры им. Ленсовета в районе Херсонеса в августе 1962 года. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 819.

Булкин И. Ю.

ВЛИЯНИЕ ПРИРОДНЫХ ФАКТОРОВ НА РАЗМЕЩЕНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РИМСКИХ ГАРНИЗОНОВ В КРЫМУ

Bulkin I.

The Influence of Natural Factors on the Location
and Functioning of Roman Garrisons in the Crimea

Реконструкция исторического прошлого предполагает комплексный поход к восстановлению событий, включая и факторы природных условий того времени. Появление римских воинских контингентов на Крымском полуострове сопровождалось созданием здесь ряда военных объектов, размещение которых определялось не только военно-стратегическими задачами, но и спецификой географических реалий. Сопоставление природной обстановки первых веков нашей эры и уже известных римских памятников позволяет рассмотреть систему римского военного присутствия в Крыму-Таврике.

Природные условия полуострова сегодня значительно отличаются от римского периода, хотя климатические показатели обеих эпох представляются почти идентичными. Антропогенное воздействие на природу Крыма за последние 200 лет и естественные исторические колебания климата существенно изменили облик полуострова.

В первую очередь – это уменьшение площади, занимаемой лесами, и его последствия. Современные крымские леса ни количественно, ни качественно не восстановились, частично выродились в шибляк, а часть территорий практически полностью утратила свой лесной покров. В античное время северо-западная равнинная часть Крыма и южнобережные яйлы представляли собой лесостепь, с достаточно богатой флорой и фауной [Олиферов 2011: 44; Кутайсов 2010: 307]. Сокращение площади лесов

в Крыму крайне неблагоприятно отразилось на водном балансе территории, и как следствие – произошло значительное уменьшение водостока и полноводности рек [Ведь 1967: 72].

Эти факторы необходимо учитывать для восстановления системы размещения римских военных объектов, так как хорошо известна приуроченность римских оборонительных линий к естественным природным рубежам, например, к рекам. На современном этапе изучения римского военного присутствия в Крыму подобная структура обороны зафиксирована в районе Херсонеса, где цепь небольших укреплений, выполнявших дозорно-наблюдательную функцию, располагалась вдоль границы Геракелейского полуострова по краю Сапун-Горы. А Балаклаве находился крупный укрепленный пункт, вероятно контролировавший правый фланг этой линии обороны и военно-морскую базу в удобной бухте [Сарновски, Савеля 2000: 17-20].

Римская крепость на мысе Ай-Тодор (Харакс) оказывается в стороне от основных мест расположения римских войск, а ее функции чаще всего определяются как охрана морского судоходства вдоль Южного берега Крыма и навигационный пункт [Новиченкова 2015: 151].

Особенность местных метеоусловий не давала возможности обеспечить безопасность корабельной стоянки, так как хорошо защищенной бухты около крепости нет. Специфика южнобережного климата делает плавание в здешних водах затруднительным в осенне-зимнее время, хотя этот район самое теплое место Южного берега Крыма зимой [Бабков 1961: 72]. Здесь преобладают северный и северо-западный ветра [Климатический атлас Крыма 2000: 69, рис. 69; Репетин, Белокопытов, Липченко 2003: 13-28]. Специфика этого района – бора, холодный западный ветер, часто возникающий на ЮБК и представляющий серьезную опасность для судоходства [Справочник по климату Черного моря 1974: 91, 92]. Таким образом, гарнизон крепости не располагал своей корабельной стоянкой и не мог препятствовать на море разбою.

Наравне с прекращением навигации по погодным условиям, метели и снежные бури делали перемещение по яйлам практически невозможным. В таких условиях крепость оставалась изолированной от основной

римской базы на значительное время. Возникает ряд вопросов: для каких целей здесь была построена мощная крепость с крупным римским гарнизоном; как обеспечивается связь и снабжение Ай-Тодорской вексиляции в осенне-зимний период?

Несколько другая ситуация складывается с римской крепостью на Алма-Кермен у с. Заветное. Римский гарнизон расположен примерно на 50 км от главной штаб-квартиры римских войск, без прямой визуальной связи. Можно предположить, что подобная схема расположения двух указанных пунктов является частью крупной системы обеспечения охраны и контроля всех сухопутных и морских коммуникаций в юго-западном Крыму по линии устье реки Альма – Алушта.

Главной осью рубежа римской обороны Таврики могла быть река Альма, которую можно рассматривать, как естественную границу между подконтрольными Риму территориями и варварскими землями. В верхнем течении Альма пересекает все три гряды Крымских гор, в среднем и нижнем течении река имеет равнинный характер [Подгородецкий 1988: 80 сл.]. Однако ее левый берег, т.е. обращенный к морю, крутой и холмистый, а в сторону равнинной части полуострова – пологий [Рухлов 1915: 203 сл.].

Специфика рельефа местности юго-западного Крыма оставляет только три направления пути к Херсонесу по суше. Один маршрут путь вдоль моря через яйлы Южного берега [Новиченкова 2015: 142-144]; второй путь близок современным автомобильным и железнодорожным трассам Симферополь-Севастополь; третий – вдоль побережья Каламитского залива.

Крепость на мысу Ай-Тодор оказывалась вблизи сухопутного пути вдоль Южного берега. Вполне возможно, что в ее округе располагалось несколько небольших укреплений с задачей наблюдения за окрестностями. Ряд перевалов-богазов ведет с ЮБК на яйлу, в том числе Шайтан-Мердвень, который, мог использоваться римлянами. Соответственно, Харакс был центром обороны этой части Таврики, запиравшим пересечение традиционных сухопутных коммуникаций, контролировавшим местных горцев и препятствующим прибрежному пиратству.

Для этого требовались наблюдательные пункты на самой яйле, в пределах визуальной связи с Ай-Тодором. Есть данные о возможном базировании римлян в районе Алушты, например, у с. Лучистое, на территории Ялты [Орлов 1984: 309-310; Мыщ 1989: 77-78; Фирсов 1990: 63].

Для постоянной связи и возможности вызвать оттуда военные корабли или сухопутные части для помощи, следует предполагать наличие цепочки дозорных пунктов вдоль побережья или по горным хребтам между крепостью в Балаклаве и Хараксом.

Алма-Кермен, в свою очередь, может быть одним из звеньев цепи укреплений (или ее крайней западной точкой) вдоль другой дороги на Херсонес. Предполагается размещение римских отрядов в районе сел Репное и Долинное Бахчисарайского района [Сидоренко 2009: 542, 544; Пиоро, Герцен 1974: 81-90].

На этом пути небольшие реки, протекающие почти параллельно друг другу, вкупе с римскими крепостями образовывали серию естественных и рукотворных препятствий, затруднявших быстрое продвижение противника к Херсонесу. Дозорные пункты должны были успеть сообщить в штаб-квартиру римских войск о появлении противника.

Третий путь из степного Крыма на Гераклейский полуостров выходил на побережье Каламитского залива. Есть основания полагать расположение римского поста на Сакской пересыпи [Ланцов 2003: 39 сл.], а основным опорным пунктом здесь могло быть Усть-Альминское укрепление, замыкавшее этот сектор обороны дальних подступов. Предполагается существование цепи дозорных пунктов в устьях Качи, Бельбека, Черной и на Северной стороне Севастополя.

Предложенная схема обороны, в которой римлянами были максимально использованы особенности рельефа местности, позволившие создать несколько эшелонов защиты подступов к главному центру римского присутствия в Таврике – Херсонесу, представляется логичной и обоснованной [Рис. 1].

Библиография:

БАБКОВ И.И. Климат Крыма. Л., 1961.

ВЕДЬ И.П. Роль наземных гидрометеоров в водном балансе крымского нагорья // Метеорология и гидрология, 1967. № 4. С. 68-72.

Климатический атлас Крыма / Авт.-сост. И.П. ВЕДЬ. Симферополь, 2000.

КУТАЙСОВ В.А. Природа северо-западного Крыма в античную эпоху // Боспорские исследования. Вып. XXIV. 2010. С. 291-320.

ЛАНЦОВ С.Б. Античное святилище на западном берегу Крыма. Киев, 2003.

МЫЦ В.Л. Позднеантичные памятники Алуштинской долины // Скифия и Боспор. Новочеркасск, 1989. С. 77-78.

НОВИЧЕНКОВА Н.Г. Горный Крым: II в. до н.э. — II в. н.э. По материалам раскопок святилища у перевала Гурзуфское Седло. Симферополь, 2015.

ОЛИФЕРОВ А.Н. Яйла. География, лес, вода. Симферополь, 2011.

ОРЛОВ К.К. Работы Ай-Тодорского отряда // АО за 1982 г. М., 1984. С. 309-310.

ПИОРО И.С., ГЕРЦЕН А.Г. Клад антонинианов из с. Долинное Крымской области // Нумизматика и сфрагистика. 1974. Вып. 5. С. 81-90.

ПОДГОРОДЕЦКИЙ П.Д. Крым: Природа: Справ. изд. Симферополь, 1988.

РЕПЕТИН Л.Н., БЕЛОКОПЫТОВ В.Н., ЛИПЧЕНКО М.М. Ветры и волнение в прибрежной зоне юго-западной части Крыма // Экологическая безопасность прибрежной и шельфовой зон и комплексное использование ресурсов шельфа. 2003. Вып. 9. С. 13-28.

РУХЛОВ Н.В. Обзор речных долин горной части Крыма. Птг., 1915.

САРНОВСКИ Т., САВЕЛЯ О. Балаклава. Римская военная база и святилище Юпитера Долихена. Варшава, 2000.

СИДОРЕНКО В.А. Клад римских денариев из окраины с. Репное Бахчисарайского р-на // МАИЭТ. Вып. XV. 2009. С. 534-549.

Справочник по климату Черного моря / Под ред. А.И. СОРОКИНОЙ. М., 1974.

ФИРСОВ Л.Б. Очерки истории средневековых крепостей Южного берега Крыма. Новосибирск, 1990.

Горбунов П.А.

СЛЕДЫ СРЕДНЕВЕКОВЫХ КОРАБЛЕКРУШЕНИЙ И ЯКОРНЫХ СТОЯНОК В АКВАТОРИИ СУДАКСКОЙ БУХТЫ: ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Gorbunov P.

Remains of Medieval Shipwrecks and Anchorage
in the Sudak Bay's Water-area: Problems of Identification

Одним из интересных и перспективных районов для проведения подводных археологических исследований является акватория обширной Судакской бухты в Крыму. Выгодное географическое положение региона Сугдеи, находившейся в одной из самых обширных долин Юго-Восточной Таврики, прикрытой со стороны степи горным массивом и имевшей удобную корабельную стоянку, а также стратегическое расположение на промежутке морского пути между крупнейшими, известными с античных времен центрами Крыма – Херсонесом и Боспором, дали толчок историческому развитию этого района и определили экономический, административный и политический статус города.

За время своего существования Судак (Сугдея, Сурож, Солдайя), основанный предположительно в III в. н. э., несколько раз переживал периоды своего расцвета и упадка. Время основания города до сих пор вызывает споры среди исследователей. Сам морской порт упоминается в источниках как Судак-Лимен, и начинает функционировать со второй половины VII в., о чем свидетельствуют находки свинцовых подвесных печатей (моливдовулов) византийских чиновников, торговых пломб, весовых гирь и мелкой свинцовой византийской пластики, обнаруженные при подводных исследованиях на дне бухты [Майко, Джанов, 2015, 26].

X-XIII вв. – период наивысшего развития города, который становится значительным портовым и торговым центром Таврики и всего Северного Причерноморья. Здесь сходились торговые пути между Востоком и Западом. Кроме того, XIII в. является началом итальянской колонизации Причерноморья. Сугдея–Солдайя становится важным опорным пунктом, в котором отмечается присутствие венецианского торгового населения.

На морском дне Судакской бухты имеются разнообразные археологические свидетельства – следы кораблекрушений и якорных стоянок, а также следы функционирования портовой части средневекового города. Археологический материал представлен, прежде всего, керамикой и скоплениями якорей.

Следует учитывать, что находки средневекового керамического материала в акватории Судакской бухты хотя и свидетельствуют о возможных кораблекрушениях, однако говорить о конкретных объектах пока приходится мало, поскольку гидрофизическое и биологическое влияние на малых глубинах приводит к полному разрушению деревянных конструкций корпусов кораблей. Проблемы идентификации кораблекрушений как объектов подводного археологического наследия весьма актуальны.

Одним из немногих, наиболее точно идентифицированных, является место средневекового кораблекрушения XIII в., на дне бухты поселка Новый Свет (западная часть большой Судакской бухты). Письменные итальянские источники и археологический материал дают все основания считать, что на дне бухты найдены остатки торговой галеры из г. Пиза. Известно сообщение документа из геновского архива, в котором описывается сожжение и гибель пизанского судна после морского сражения с геновцами, которое произошло 14 августа 1277 г. на виду у жителей Солдаи [Зеленко, 2008, 143].

Поскольку Новосветовское кораблекрушение находится на достаточно малых глубинах (до 14 м), вследствие действия природных факторов деревянные конструкции корпуса корабля не сохранились. Во время исследований в предшествующие годы были обнаружены лишь отдельные небольшие фрагменты древесины, сопутствующие фрагменты такелажа и корабельных гвоздей. Однако, относительно хорошо сохранился груз

судна, представленный керамическим материалом, преимущественно амфорной тарой, столовой поливной посудой и другими предметами материальной культуры, оставшимися от кораблекрушения. Многочисленный материал разбросан по поверхности морского дна, а также находится в слое грунта. Доступная глубина позволила на протяжении последних 20 лет проводить систематические подводные исследования этой акватории. Новосветовское кораблекрушение широко известно в научном сообществе и является одним из самых интересных и значимых памятников подводного археологического наследия.

Однако следует отметить, что керамический материал, разбросанный на дне бухты, относится к разным хронологическим периодам. Условно можно выделить три хронологических периода, а керамический материал соответственно отнести к трем разным кораблекрушениям. Исследователями выделяются участки – ареалы распространения археологического материала с данных кораблекрушений. Необходимо отметить, что все три ареала соприкасаются друг с другом. Керамический материал разных хронологических периодов порой встречается вперемешку.

Помимо известного кораблекрушения пизанской галеры XIII в., в Новосветовской бухте также выделяется кораблекрушение X-XI вв., расположенное мористее, ближе к центру бухты. Археологический материал здесь дает основание предполагать, что это кораблекрушение византийского судна X-XI вв. Наконец, третье кораблекрушение IX-X вв. расположено ближе к выходу из бухты под скалой Парус. Материал дает основание предполагать, что это кораблекрушение местного небольшого торгового судна IX-X вв.

Данный объект (условно место третьего кораблекрушения) вызывает наиболее оживленные споры по его идентификации. Археологический материал на участке представлен каменными жерновами и заготовками, разбросанными по поверхности морского дна вдоль прибрежной подводной скалы. Всего было локализовано 36 штук. Такие жернова в Крыму хорошо известны. Они часто встречаются единичными экземплярами на месте кораблекрушений и использовались как кухонный инвентарь для обработки зерна. Учитывая, что найдено большое количество

и практически рядом с центром их производства под горой Перчем, на южном склоне которой располагалась средневековая жерновичная мастерская [Майко, Джанов, 2015, 148], можно утверждать, что данные жернова были грузом судна и предназначались для продажи. Так как жернова были тяжелыми, и сухопутные коммуникации не столь развиты для таких массивных грузов, то предпочтение по перевозке между прибрежными городами и поселениями Крымского полуострова отдавалось местным небольшим кораблям.

Существует версия, что данные каменные жернова могли быть балластом на судне. Стоит упомянуть ещё одну точку зрения, согласно которой – это разновидность древних каменных якорей – просверленные каменные кольца, нанизывающиеся на деревянное веретено с крестовиной. Но, в пользу версии о кораблекрушении говорит само расположение данных жерновов. В большинстве своём они расположены на достаточно небольшой площади, ареалом 21 x 12 м, с ориентацией по линии север-юг, рядом с подводной скалой. Сопутствующим грузом на этом судне могла быть местная керамическая тара: амфоры-кувшины таманского типа и амфоры «причерноморского типа», фрагменты которых встречаются здесь же на дне в районе исследований.

На морском дне Судакской бухты находится еще один интересный объект – место скопления средневековых железных якорей, обнаруженное в 650 метрах к югу от берега напротив горы Крепостной [Иванов, Горбунов, 2019, 35-40]. Якоря лежат на каменной гряде, тянущейся почти параллельно берегу на глубинах около 20 м. Всего было зафиксировано 5 якорей, расположенных на небольшой площади размерами 5 x 8 м. Якоря находятся достаточно близко друг к другу, на расстоянии не превышающем полутора метров между собой. Данные якоря – Y-образного типа, то есть по форме напоминающие перевернутую латинскую букву – Y. В литературе также встречается название – «виллообразный» тип. Рога у якорей данного типа опущены вниз относительно веретена под углом от 100° до 125°. Хронологические рамки бытования Y-образных якорей достаточно широки – они относятся к византийско-арабскому периоду средневековья и датируются VIII-XII вв. [Van Doorninck, 1982, 9f].

Примечательно, что все 5 якорей данного скопления имеют примерно одинаковый размер. Длина веретена – 1,6 метра, размах между рогами – 1,1 метра. Угол отгиба рогов – приблизительно 115° – 120° .

Идентификация вышеописанного скопления якорей также вызывает немало вопросов. Одна из версий – это часть якорной стоянки средневекового Судака. Скопление расположено как-раз напротив портовой части средневекового города. Но вторая версия, которую нельзя исключать – эти якоря являются частью кораблекрушения. Скопление нескольких однотипных и одинаковых по размерам якорей, расположенных на небольшой площадке и без видимых зацепов о гряду, говорит в пользу данной версии. Исследуемое скопление имеет аналогии с находками якорей на таких известных кораблекрушениях как Ясси-Ада и Серче Лимани, у берегов Турции. Более тщательное исследование судакских якорей в будущем, должно в конечном итоге подтвердить или опровергнуть версию о кораблекрушении.

Библиография:

ЗЕЛЕНКО С.М. Подводная археология Крыма. — Киев, 2008.

ИВАНОВ С.В., ГОРБУНОВ П.А. Локализация скопления средневековых якорей в акватории Судакской бухты // Парадигмы истории и общественного развития. Вып. 15-16, — Севастополь, 2019

МАЙКО В.В. ДЖАНОВ А.В. Археологические памятники Судакского региона Республики Крым. — Симферополь, 2015

VAN DOORNINCK F.H. JR. An 11th century shipwreck at Serce Liman, Turkey: 1978-81 // IJNA. — 1982. — 11.1.

Днепровский Н. В.

**НЕКОТОРЫЕ
АРХИТЕКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
ПЕЩЕРНОГО ХРАМА «ТРЕХ ВСАДНИКОВ»
И МАЛОИЗВЕСТНОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО
Д.М.СТРУКОВА
О СИРИЙСКОЙ ЛИТУРГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ**

Dneprovsky N.

Some Architectural Features of the «Three Horsemen»
Cave Church and the Inconspicuous Evidence
of D. M. Strukov about the Syriac Liturgical Practice

Отсутствие протезиса в храме «Трёх Всадников» существенно затрудняет его интерпретацию, а для совершения в нём проскомидии и вовсе приходится использовать северную арку темплона – хотя назначение алтарной преграды должно, напротив, состоять именно в отделении профанного от сакрального, а верующих от клира. Однако во всю высоту этой преграды под её северным окном в стене алтаря, действительно, имеется цилиндрическая выборка овальной в плане формы (рис. 1, 2), которая создавалась именно для человека, а не для столика жертвенника – ведь последнему пришлось бы придавать столь же сложную овальную форму. Возникает вполне резонный вопрос о её назначении.

В этой связи интересно описание одного из пещерных инкерманских храмов (рис. 3), данное Д. М. Струковым: «Алтарная преграда имеющая по середине вход в алтарь, а по бокам на высоте от полу 1 арш. 6 верш, два отверстия высотой 11/2 арш., шириною 9-12 в. Отверстие к левой стороне находится над самым жертвенником, помещенным в алтаре. С наружной стороны по стене преграды выдолблены три ступени, удобные для невзрослых при приобщении Св. Таин. Отверстие с правой стороны, над седалищем для священнослужящего, здесь он принимал исповедь» [Струков 1876: 27].

Это описание повторяется с небольшими вариациями и в ряде архивных материалов художника, а в одном из них имеется и уточнение: «обычай существующий в Сирии как объяснил Сирийский грек бывший в храме во время моих работ)» [Струков б.д.: л. 2, оборот].

Ясно, что примыкающий к алтарной преграде «жертвенник» мешал бы преподавать Св. Дары через узкое окошечко алтарной преграды. Трудно представить себе и «невзрослого», карабкающегося к этому окошечку по зацепам наружной стены алтарной преграды. А вот применительно к храму «Трёх Всадников» допущение о возможности причащения мирян через северные врата объясняло бы сразу несколько особенностей его литургического устройства:

1) Алтарная преграда храма «Трёх Всадников» низкая (высотой 0,76м южнее царских врат и 0,89м – севернее их) и не ни препятствовала бы ни причащению через северное окно, ни исповеди через южное.

2) Широкая верхняя поверхность алтарной преграды в северном окне позволяла надёжно утвердить на ней чашу со Св. Дарами, исключая её опрокидывание от случайного толчка.

3) Устойчивее было бы положение самого священника, стоящего в специальной выемке под прикрытием преграды, бокового пилона и стены.

4) Верующие проходили бы к причастию над могилой человека, ради спасения души и отпущения грехов которого была написана фреска с тремя святыми мучениками и с ним самим [Днепровский 2013]. Утраченная ныне часть надписи под фреской постоянно напоминала его имя. Направление движения причастников совпадало с направлением «движения» святых воинов и их седока к райским вратам – они как бы сопровождали туда душу покойного, и каждая литургия превращалась в поминальную службу.

Однако символика царских врат, казалось бы, ясно указывает, что Царь Славы должен выходить к верующим под видом св. Таин именно через них.

Поскольку Д.М. Струков не упомянул ни имени своего информатора, ни того, откуда он прибыл и что делал в инкерманском храме, я обратился за консультацией непосредственно в Антиохийский Патриархат. Но ясности это не прибавило. Письмо Патриаршего Секретаря, Директора Медиа-офиса Антиохийского Патриархата брата Джозефа Бали (Fr. Joseph Bali)

гласило: «Я бы хотел сообщить Вам, что я попытался найти некоторые ответы на Ваш запрос, но, похоже, что здесь требуется специалист.

В настоящий момент я не знаю с точностью, кто мог бы Вам помочь, но я бы предложил Вам связаться с высокопреподобным братом Роджером-Юссефом Акрассом (Very Rev. Fr. Roger-Youssef Akhrass), Директором Департамента <Древне>сирийских¹ Исследований нашего Патриархата».

Однако и от последнего я получил ответ следующего содержания: «По Вашим вопросам требуется ответ специалиста.

Вот список лиц, работавших в области археологии сирийских церквей
<.....>

Надеюсь, что некоторые из них, возможно, ответят на Ваши вопросы».

Из упомянутого списка лиц на мои вопросы с обстоятельным письмом любезно откликнулся Президент Канадского общества <древне>сирийских исследований и издатель «Журнала Канадского общества <древне>сирийских исследований», профессор Факультета ближне- и средневосточных цивилизаций Университета Торонто Амир Харрак (Amir Harrak). Он сообщил следующее:

1. «Дополнительное помещение к северу или северо-востоку может использоваться в качестве мартирия, что засвидетельствовано в планах церквей по крайней мере для второго тысячелетия».

2. «Топография этой пещеры необычна. В сирийских православных церквях аналой для Евангелия (лекционарий) является обязательным, но он помещается по центру алтаря, как и показано на Вашей фотографии. Возможно, что в пещерном храме считалось допустимым держать Евангелие в нише по причине того, чтобы всегда иметь Христа присутствующим в алтаре (Евангелие в <древне>сирийском христианстве представляет Христа). Иконостас не является частью сирийской архитектуры».

¹ В англо-русском словаре Мюллера слово «Syriac» (имеющее в действительности множество значений и не имеющее точного эквивалента в русском языке) переводится именно как «древнесирийский». Я лишь беру его первую часть в угловые скобки, чтобы указать на условность данного термина и более широкий контекст его реального употребления применительно к церковной практике. Англоязычные названия соответствующих организаций здесь и далее – «Department of Syriac Studies», «Syriac Orthodox Patriarchate of Antioch», «Syriac Orthodox Patriarchate» и «Canadian Society for Syriac Studies».

3. «Преподавание причастия через северные врата может быть инициативой священника, хотя, насколько я знаю, буквальных указаний относительно того, где должно преподаваться причастие, не существует. Однако, основываясь на сирийском богословии, это должно осуществляться через центральные врата, именуемые «Царскими Вратами»: алтарь символизирует небо, а наос – землю, и небо открывается земле только через Евхаристию, бескровную жертву Христа, и отсюда причастие должно быть принято, так сказать, из небесных врат».

Эта информация позволяет сделать следующие выводы.

Сирийское влияние на храм «Трёх Всадников» если и имеется, то лишь в плане основных архитектурных объёмов, но не литургической планировки. Если в древних сирийских церквах алтарные преграды отсутствовали как таковые, снимается вопрос и о количестве врат в этой преграде, и о месте для священника в момент причащения верующих. Следовательно, литургическая планировка храма «Трёх Всадников» соответствовала византийскому канону, в то время как конфессиональная принадлежность храмов, на которые ссылался Д.М. Струков, остаётся неясной.

Вместе с тем ни высший орган Сирийской Церкви, ни один из ведущих мировых специалистов по археологии сирийских церквей не решились отрицать принципиальную возможность причащения верующих через северные врата алтарной преграды. Практика причащения через центральные врата основывается только на богословских соображениях, а не на прямых инструкциях. Следовательно, вопрос о доверии свидетельству Д.М. Струкова нуждается в дальнейшем изучении.

Интерпретация северного придела как мавзолея прекрасно согласуется как с наличием в данном компартименте фрески с тремя мучениками, так и с предположением о том, что погребённый в этом приделе и изображённый в качестве седока на крупе правого всадника человек принял мученическую кончину.

В этой связи особенное устройство северного окна алтарной преграды может объясняться требованиями удобства совершения определённых действий, необходимых по ходу проводимых в северном приделе служб. Не исключено, что действия эти носили евхаристический характер, а сами службы – характер поминальный.

Библиография:

ДНЕПРОВСКИЙ Н.В. К вопросу о каноническом смысле росписи пещерного храма «Трёх всадников» // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. — Севастополь — Тюмень, 2013. — Вып. V. — С. 108-138.

Доступно по ссылке: <http://maiask.ru/data/documents/MAIASK5-2013.pdf>

МОГАРИЧЕВ Ю.М. Пещерные церкви Таврики. — Симферополь: «Таврия», 1997. — 384 с.

[СТРУКОВ Д.М.] Древние памятники христианства в Тавриде. Художника Д. Струкова. — М.: Университетская типография, 1876. — 51 с.

[СТРУКОВ Д.М.] Записка об Археологических изысканиях в Крыму в 1868 и 1871 г. Художника Дмитрия Струкова. Б.д. 30л. Отдел рукописей Российской Государственной Библиотеки, ф.293, папка 24, ед.хр. 2.

Иллюстрации к статье

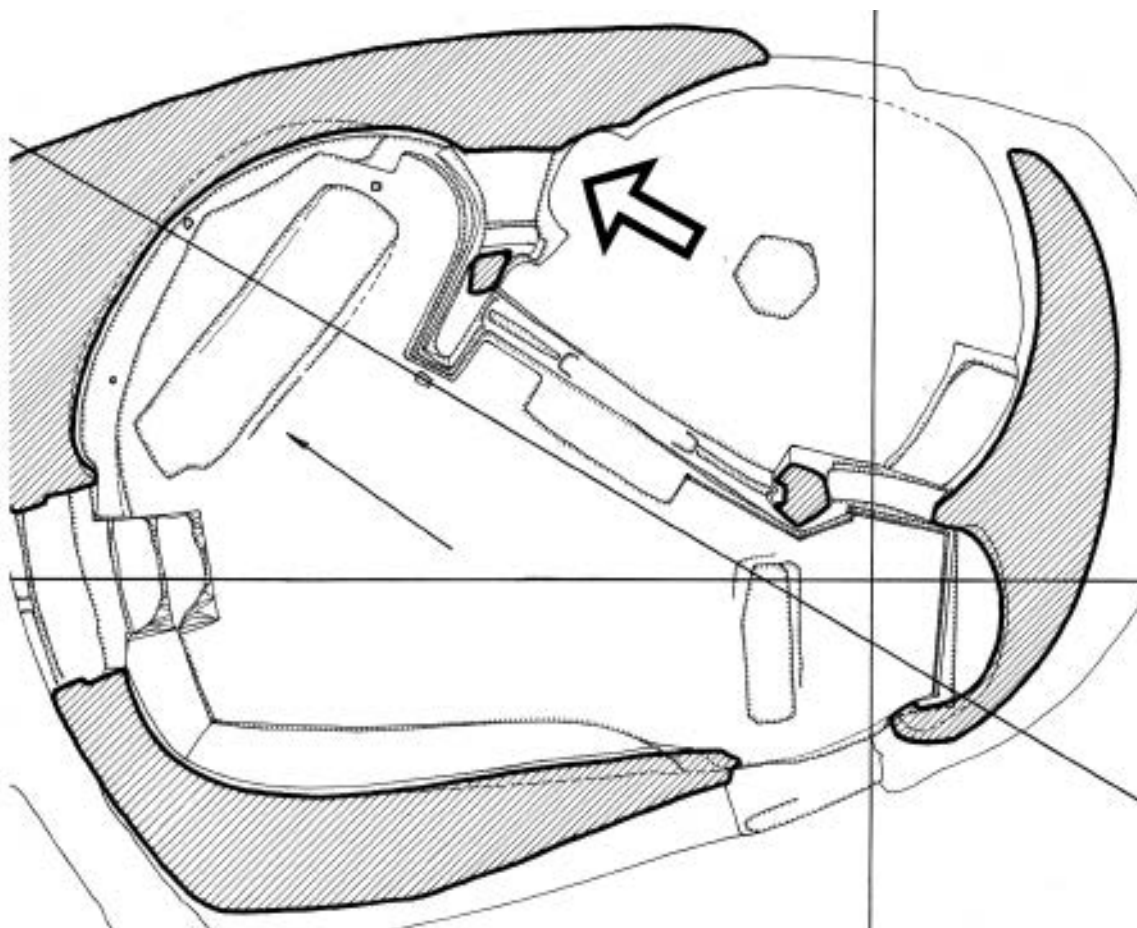

Рис. 1. План храма «Трёх Всадников» [Могаричев 1997: 256, рис. 190].
Стрелкой указана цилиндрическая выборка в стене алтаря.

Днепровский Н.В. | Следы средневековых кораблекрушений и якорных стоянок
Некоторые архитектурные особенности пещерного храма
«Трех Всадников» и малоизвестное свидетельство
Д.М.Струкова о сирийской литургической практике

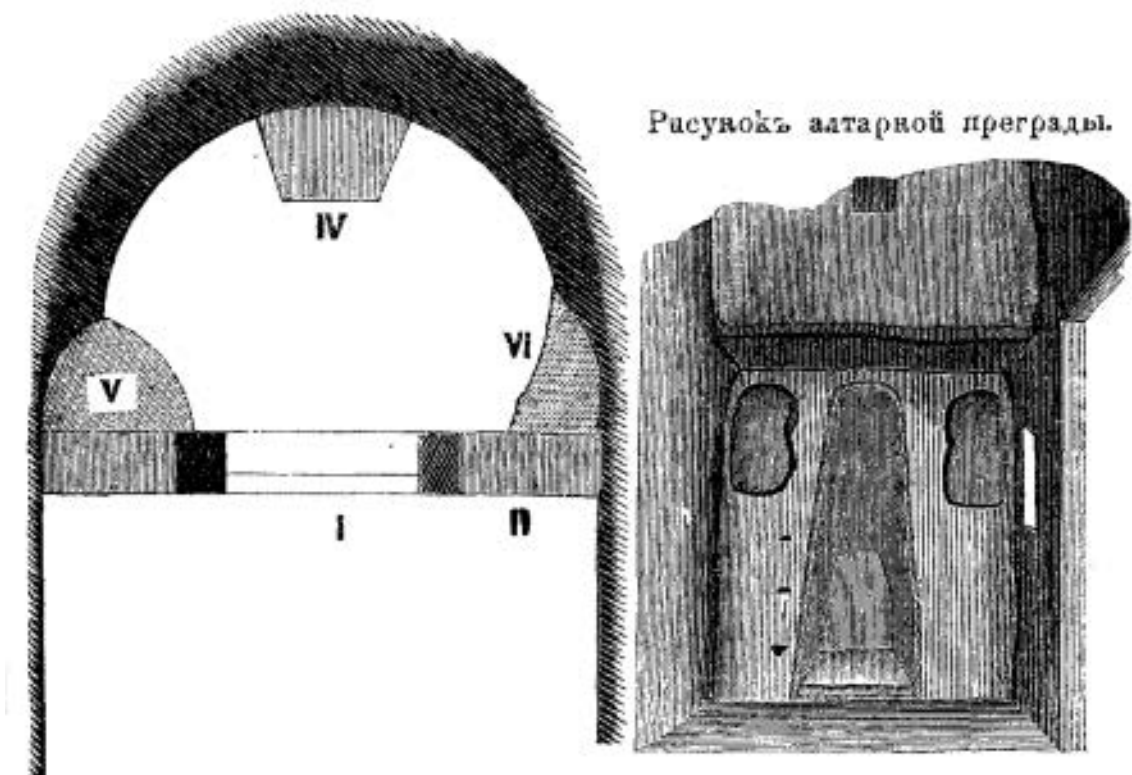

Рис. 3. Пещерный храм св. Андрея Первозванного в Инкермане по Д.М.Струкову [Струков 1876: 27].

Жилина Н. В.

ПОЯСНАЯ ГАРНИТУРА VI–IX вв. ПО СЛАВЯНСКИМ И КРЫМСКИМ МАТЕРИАЛАМ

(СТИЛИСТИЧЕСКОЕ СРАВНЕНИЕ)

Zhilina N.

Belt Garniture of 6th – 8th Centuries
According to Slavic and Crimean Materials
(Stylistic Comparison)

Средневековый археологический материал Крыма показывает не только широту и богатство культурных и художественных связей, но и их непосредственное осуществление. Материал восточноевропейских славянских культур, скорей, лишь частично отражает эти связи.

Типология и хронология ременных наборов изучена подробно [Амброз, 1971, Ковалевская 1979; Айбабин 1990; Щеглова, 1990; Гавритухин 1996; Айбабин, Хайрединова, 2008; 2014]. Но стилистическая характеристика орнаментации практически не дается, хотя необходимость ее осознается [Ковалевская 1979: 13; Гавритухин 1996: 25, 35].

Крымская поясная гарнитура развивает европейские стили художественного оформления: реликты звериных, резной, перегородчатой инкрустации; евразийский полихромный стиль. Характерно смешение стилистических элементов. В Крыму есть образцы ременных деталей в стиле перегородчатой инкрустации и полихромном VII в. [Амброз 1971: рис. 6: 30, 31, 33; Ковалевская, 1979: табл. IV: 6].

Общая композиция орлиноголовых пряжек сохраняется: в центре щитка – крупная вставка, орнаментальные бордюры по периметру пластины и рамки, реликты зооморфных элементов на концах рамки и щитка. В VI – первой четверти VII в. характерны одиночные бордю-

ры завиткового орнамента, геометрический орнамент в композиции розетки или сетки на зоне шеи птичьей головы (рис. 1: 1-4, 14). В первой половине VII в. композиция орнаментации перегружена: центральная вставка – центр крестообразной розетки, подчеркнута завитковыми мотивами; двойные бордюры завиткового орнамента; завитковые бордюры на клюве и в зоне шеи, заполненной абстрактно-криволинейным орнаментом (рис. 1: 5, 6, 8, 13, 15). Зооморфные дополнения схематизируются или атрофируются. После 630 г. появляется растительный крionoобразный орнамент (рис. 1: 7, 12). Во второй половине VII в. композиция далее усложняется, на бордюры делится и зона шеи, геометрический орнамент редок (рис. 1: 9-11, 16).

Миниатюрные орлиноголовые пряжки с линейным орнаментом – местное воспроизведение популярного художественного образа, единично известны в Крыму и на славянской территории (рис. 1: 17, 18).

Комбинация тех же стилей и сходная тенденция развития орнаментации характерна для крымских пряжек с ромбическим и прямоугольным щитком. Крупная пряжка с прямоугольным щитком и зооморфным оформлением из Поднепровья аналогична пластинам из клада в Мартыновке [Приходнюк 1998: 39, 58, 59; рис. 67: 1], а по поверхностному завитковому орнаменту – крымским орлиноголовым пряжкам.

Крымский материал полно отразил воздействие византийской орнаментации. Пряжки с изображением льва, как полагают, местного производства [Айбабин, Хайрединова 2008: 27]. Мотив идущего четвероногого зверя сохраняет позднеантичную близость натуре, схематизируется, дополняясь элементами полихромного стиля: детали морды передаются круглыми элементами. В VI – начале VII в. грива льва показана косыми линиями или вертикальными зубцами. В начале VII в. новая манера изображения пасти передает ее в виде длинной петли с параллельными краями. Во второй четверти VII в. пасть изображена в виде полукруглой ячейки.

Во второй половине VII – первой половине VIII в. лировидные пряжки несут аналогичное изображение четвероногого животного в свободной манере без детализации [Айбабин, Хайрединова 2008: табл. 36: 10; 112: 3].

Сходны, представленные в крымском и славянском материале, пряжки VII в. с отходящими в стороны звериноголовыми окончаниями на дугообразных шеях (тип «Папа»). Вероятно, это прототипы для деталей поясных наборов абстрактно-криволинейной формы и орнаментации («геральдических»).

О проявлении зооморфных византийских мотивов в славянском материале свидетельствует пряжка из клада IX в Железницы Рязанской губ. [Жилина, 2014. № 8/7].

Пряжки византийских типов производились в Крыму, в частности, в Херсонесе [Амброз 1971: 116-118, рис. 7: 2; Ковалевская, 1979: 23, 24, 30-32]. Лировидные пряжки с растительным орнаментом (тип «Сиракузы») в VII-VIII вв. единообразны. В контуры щитка вписан кринообразный (лилиевидный) мотив из двух полукринов и центрального петлевидного элемента с двумя полукринами. Около середины VII в. заметна схематизация: замена и дополнение растительных элементов геометрическими и абстрактно-криволинейными (кружками, треугольниками, линиями, сердцевидными).

Ажурные пряжки с трилистным фигурным мотивом внутри щитка конца VII-VIII в. (тип «Бал-Гота») показывают тенденцию к криволинейности и дают пример фигурного щитка в виде трилистника.

Некоторые пряжки сохранили орнамент типа виноградной лозы. В VIII в. листья отображаются в виде сложных половин аканта, грозди – подтреугольными фигурами. В VIII-IX вв. применяется сердцевидный раппорт.

В растительном орнаменте крымских пряжек разных типов к VIII в. ощутима ритмизация и схематизация за счет использования кружковых и завитковых элементов; есть и тенденция к фигурно-орнаментальным очертаниям пластины.

В Среднем Поднепровье найден бронзовый штамп для бляшки с трилистником – ориентировочно VII в. [Корзухина 1996: табл. 92: 4]. Но ременные детали с растительным орнаментом там не характерны.

От конца VII по начало IX в. в Крыму известны ажурные пряжки с геометрическим орнаментом (тип «Коринф» – с треугольным завершением

щитка). Щитки пряжек первоначально завершаются овальным выступом, затем – диском, в VIII–IX вв. – прорезным диском, прорезная орнаментация ритмизуется.

Часть пряжек с христианскими крестами могла изготавливаться в Херсонесе. Изображение креста в центре крупных пряжек конца VI – первой четверти VII в. имеет тенденцию к равноконечности [Амброз 1971: 116–118; Айбабин, Хайрединова 2008: 20, 27, рис. 15; Ковалевская 1979: 32]. К рубежу VII/VIII вв. изображение креста орнаментально-умножается (Суук-Су). В VII в. фигуру креста включают лировидные пряжки. Во второй половине VII–VIII в. распространены пряжки со щитком в форме христианского креста, а в VIII–IX вв. – кресты приобрели орнаментальную форму.

По крымским и славянским материалам (анты) известны поясные наборы с деталями абстрактно-криволинейных очертаний с аналогичным прорезным орнаментом, очерченным циркулярными кривыми. Абстрактно-криволинейной орнаментацией продиктованы формы изделий: «В»-образные пряжки, «З»-образные бляшки, «пламенеvidная» или «рогатая» фигурная форма щитков.

Полагают, что стиль сложился в полуварварской среде под византийским влиянием. Простые по форме изделия с однообразными прорезами второй половины VI в. развиваются к большей декорированности в VII в. [Амброз 1971: 118; Гавритухин 1996: 31]. В Крыму во второй половине VI – первой четверти VII в. преобладают геометрические формы изделий и элементов орнаментации (круг, крест, линия, дуга). Парные элементы почти не связаны единой композицией. В VII в. складываются четкие ритмичные композиции, соответствующие фигурному контуру бляшки и ее членениям. В VIII в. многочисленные криволинейные прорезы имеют фигурную форму.

Хронологическому разделению ременных деталей из славянских кладов способствуют их аналогии с орнаментацией фибул. Более ранний пласт сходен с пальчатыми фибулами и соотносится концом VI – началом VII в. [Жилина 2019]. Характерны реликты зооморфных изображений, лаконичность и геометричность орнамента (линия, дуга, круг), отсутствие четких

симметричных композиций. Тенденция идет к созданию регулярных композиций: розетка, бордюры, симметрия относительно оси (рис. 2: 1-23).

С середины VII в. проявился стиль, соответствующий антропоморфным фибулам, черты перегородчатого стиля ушли в прошлое; орнамент стал более разнообразен: завитковый, схематически-растительный, передача человеческой личины с элементами реализма (рис. 2: 24-29).

Вероятно, первоначально простая и геометричная ременная гарнитура изменилась под воздействием стиля перегородчатой инкрустации, воплощенном мастерами разных регионов в упрощенном варианте. Стилистические тенденции более сходны, чем различны. В славянском материале более заметно проявление византийской завитково-растительной орнаментации и своеобразных зооморфных и антропоморфных мотивов.

Итак, сравнение показывает, что Крым в рассматриваемое время был средоточием основных художественных воздействий времени, материал многочислен и многообразен. Славянский материал (в основном антской группировки) отразил эти воздействия лишь частично. Византийское влияние пока связано не с христианизацией, а с орнаментальной культурой.

Библиография:

АМБРОЗ А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // РА. — 1971. № 2. С. 96-123.

АЙБАБИН А.И. Хронология могильников Крыма позднеантичного и раннесредневекового времени // МАИЭТ. — Симферополь: «Таврия», 1990. Вып. I. С. 5-85, 175-241.

АЙБАБИН А.И., ХАЙРЕДИНОВА Э.А. Могильник у села Лучистое. Раскопки 1977, 1982-1984 годов. Том I / Боспорские исследования. Supplementum 4. — Симферополь; Керчь: Издательский дом «АДЕФ-Украина», 2008. 335 с.

АЙБАБИН А.И., ХАЙРЕДИНОВА Э.А. Могильник у села Лучистое. Раскопки 1984, 1986, 1991, 1993-1995 годов. Том II / Боспорские исследования. Supplementum 14. — Симферополь; Керчь: Издательский дом «АДЕФ-Украина», 2014. 400 с.

ГАВРИТУХИН И.О. Детали ременной гарнитуры // И.О. Гавритухин, А.М. Обломский. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст / Раннеславянский мир. Вып. 3. — М.: ИА РАН, 1996. С. 22-36.

ЖИЛИНА Н.В. Древнерусские клады IX-XIII вв. Классификация, стилистика и хронология украшений. — М.: URSS; 2014. 400 с.

ЖИЛИНА Н.В. Славяно-русский убор из украшений как объект истории прикладного искусства (VI–IX вв.) // Балканы, Подунавье и Восточная Европа в римское время и в раннем средневековье / ред. И.О. Гавритухин, С. Трифунович. Материалы I сербско-российской археологической конференции. — Нови Сад: Институт археологии РАН, Музеј Војводине. С. 443-475.

КОВАЛЕВСКАЯ В.Б. Поясные наборы Евразии IV–IX вв.. Пряжки // САИ Е1-2. — М.: Наука, 1979. 112 с.

КОРЗУХИНА Г.Ф. Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье. Каталог памятников // МАИЭТ. — Симферополь: Таврия. 1996. Вып. V. С. 352-435; 586-705.

ПРИХОДНЮК О.М. Пеньковская культура. Культурно-хронологический аспект исследований. — Воронеж: Воронежский университет, 1998. 170 с.

СЕДОВ В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. / Археология СССР. — М., 1982. 328 с.

ЩЕГЛОВА О.А. О двух группах «древностей антов» в Среднем Поднепровье // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Сборник научных трудов / ред. Р.В. Терпеловский. — Курск: Курское областное отделение Всероссийского фонда культуры. С. 162-204.

Список сокращений

МАИЭТ — Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии

РА — Российская археология

САИ — Свод археологических источников

Иллюстрации к статье

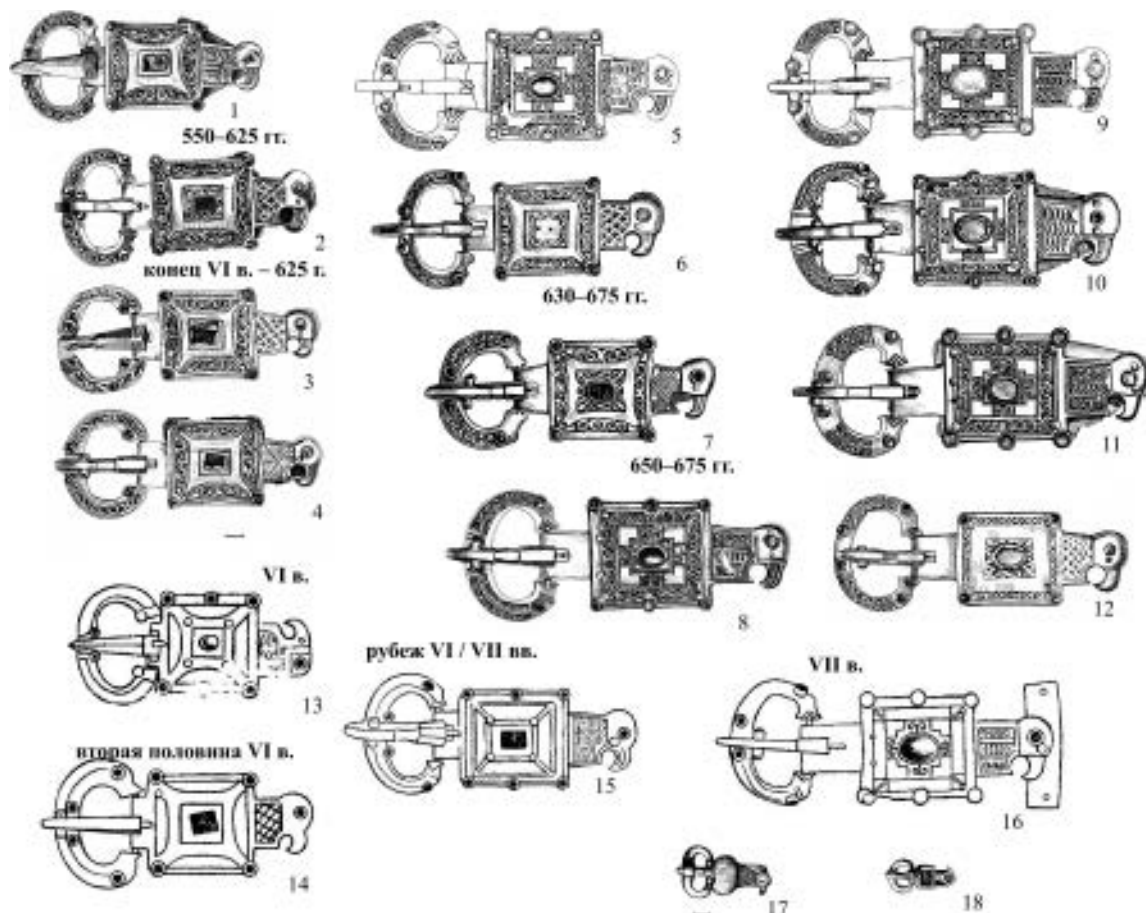

Рис.1: Орлиноголовые пряжки VI—VII вв.: могильник Лучистое — 1, 3, 4, 8, 12 — [Айбабин, Хайрединова 2014: табл. 170, 37, 36, 8: 4, 59]; 2, 5, 9 — [Айбабин, Хайрединова 2008: табл. 178, 43, 140: 1, 158, 39, 131, 134]; 13 — Керчь; 14— 16 — могильник Суук-Су (Амброз 1971: рис. 3: 9, 11, 15, 17 — масштаб не указан); 17 — Бакла [Ковалевская 1979: таб XX: 18]; 18 — Хмельна Киевской губ. [Корзухина 1996: табл. 91: 18].

Рис.2. Ременная гарнитура по славянским материалам VI–VII вв.: 1–11 — Зимно [Седов 1982: табл. II: 1-11,18,19); 12–28 — Мартыновка 29 — Среднее Поднепрорье [Корзухина 1996: табл. 19: 1–16, 91: 26].

Журавлев Д. В., Костромичев Д. А.

О НЕСКОЛЬКИХ СВЕТИЛЬНИКАХ ИЗ НЕКРОПОЛЯ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК Р.Х. ЛЁПЕРА)

Zhuravlev D.V., Kostromichev D.A.

About Several Lamps from the Necropolis
of Tauric Chersonesos
(Based on the Excavations of R. Kh. Loeper)

Античные глиняные светильники – массовая, но очень информативная категория находок. Светильники Херсонеса сравнительно хорошо известны – изданы материалы из Эрмитажа (Вальдгауер 1914) и Исторического музея (Chrzanovski, Zhuravlev 1998; Журавлев, Хршановски 2003), им были посвящены специальные исследования В.И. Кадеева и С.Б. Сорочана, обращались к ним и другие исследователи (Кадеев 1970; Сорочан 1982; Сорочан, Шевченко 1983; Кадеев, Сорочан, 1985; 1989).

В рамках целевого проекта, финансируемого РФФИ (№ 15-31-10168(ц)), нами были исследованы и подготовлены к печати материалы раскопок Р.Х. Лёпера на некрополе Херсонеса, в которых встречены ювелирные изделия, попавшие в Исторический музей (Пятышева 1956; Журавлев и др. 2017). Часть материалов погребальных комплексов была уже опубликована (Журавлев, Костромичев 2017а), остальные готовятся к печати. В большинстве этих могил в составе инвентаря присутствовали глиняные светильники, которым мы решили посвятить наше небольшое сообщение.

В общей сложности нами рассмотрено более 200 предметов. Наиболее представительны в изученных материалах «рубчатые» светильники. Эта группа светильников очень разнообразна, а многие экземпляры сделаны из различной глины (большинство – из светло-коричневой глины с вклю-

чениями блесок, и покрыты красным или коричневым лаком (Журавлев, Костромичев 2017а: 21)). Автор базовой классификации «рубчатых» светильников С.Б. Сорочан отмечает, что на основании анализа декора рожка можно выделить не менее 64 вариантов оформления этих светильников (Сорочан 1982: 44).

Несмотря на то, что эта группа осветительных приборов многократно описана в литературе, среди специалистов до сих пор нет единого мнения о месте их изготовления. Эти светильники получили широкое распространение в городах Северного Причерноморья в III-IV вв., а в Херсонесе они составляют около трети всех ламп (Сорочан 1982: 43 (с литературой); см. также: Chrzanovski, Zhuravlev 1998: 133, note 466; Журавлев, Костромичев 2017а: 20-21). Не вызывает сомнения их понтийское происхождение, высказывались идеи об их изготовлении в южной части Западного Причерноморья (Kostova, Dobrova 2008: 163).

Традиционно считается, что «рубчатые» светильники появляются во второй четверти III в. н. э., и продолжают пользоваться популярностью вплоть до конца IV в. н. э. (Chrzanovski, Zhuravlev 1998: 133-135), но анализ наших комплексов позволяет отодвинуть дату их появления в начало III в. н. э. (Журавлев, Костромичев 2017: 21).

Небольшая группа светильников украшена рельефными буквами ΧΡΥ на щитке, и COY на доньшке. Находки этих светильников за пределами Херсонеса пока неизвестны, что может косвенно свидетельствовать в пользу их локального происхождения. Но все существующие варианты расшифровки – и Χρυσοῦς («Золотой») (Щеглов 1961), и Φῶς χρ[ι]στοῦ φαίνει πᾶσι («свет Христа сияет для всех») (Залесская 1988: 236; 1998: 24-25) не вполне убедительны и вопрос о расшифровке аббревиатур на двух сторонах лампы остается открытым (Журавлев 2007: 343-344; Журавлев, Костромичев 2017а: 108).

Большая группа светильников II-III вв. н. э. относится к типу Loeschke VIII – это лампы круглой формы, с различной формой рожка, с ручкой или без нее. Часто на щитке имеется рельефное изображение – мифологических персонажей, людей или животных. Отметим малоазийский светильник с изображением Гелиоса/Сола (рис. 1, 3) из склепа 21/1909

(Журавлев, Костромичев 2017, табл. 2, 5; ср. Bailey 1988: 16-17, Q1565, Q1945, Q2449), который ранее считался изображением Мена (Кобылина 1978: 43-44, рис. 27).

Совершенно уникален светильник производства Тарса из склепа 11/1910 с изображением поглощения пророка Ионы, сброшенного с корабля, морским чудовищем, известным как κῆτος (рис. 1, 1), которому уже были посвящены предварительные публикации (Журавлев, Костромичев 2017б; Белоусов, Журавлев, Костромичев 2018). Однозначная интерпретация этого сюжета подтверждается не только иконографическими параллелями, но и буквами ιω, расшифровываемыми как Ἴω[νᾶς]. Важность этого светильника для изучения религиозной жизни Херсонеса позднеантичного времени не только в уникальности (нам известен лишь один небольшой фрагмент светильника подобного типа из Ольвии – Шейко 2017: 119-120, рис. 4, 1)), но и хронология склепа, материал из которого не выходит за первую половину III в. н. э., что ставит херсонесский памятник в один ряд с изделиями из Рима и восточных провинций.

Редкий светильник найден в склепе 26/1910 (Журавлев, Костромичев 2017а: табл. 35, 12). На его щитке изображена фигура стоящего Сераписа, а с двух сторон от него – два урея – змеи с коронами на голове и закрученными хвостами (рис. 1, 2). Фрагменты такого же светильника найдены в склепе 113/1912. Аналогичный херсонесский светильник с клеймом ΜΑΡ/ΚΟΥ хранится в собрании Государственного Эрмитажа (Вальдгауер 1914: табл. XXXIII, № 312). Традиционно их считали изображениями Сераписа, Исида и Осириса (Кобылина 1978: 113, 126, рис. 9; Журавлев, Костромичев 2017: 88-89, табл. 35, 12; ср. Bailey 1988: 22, 250, Q2048), но не исключено, что в центре представлено изображение Тюхе в башенной короне, с тирсом в левой руке, а по бокам – Сарапис-Агатодемон (ἀγαθοδαίμων) и Исида-Агате Тюхе (Αγαθή Τύχη). В Британском музее хранится египетский светильник с изображением Гарпократа и двух уреев (Bailey 1988: 249, pl. 43, Q2043), датированный 150-250 гг. Интересно, что в отличие от светильника, хранящегося в Эрмитаже, на экземплярах из раскопок Р.Х. Лёпера в правом нижнем углу представлена не небольшая человеческая фигурка, а лист.

Аттический импорт второй половины III – первой половины IV в.н.э. представлен простыми экземплярами из склепа 21/1909 (Журавлев, Костромичев 2017а, табл. 3, 6) (рис. 2, 1), 139/1910 (Журавлев, Костромичев 2017а, табл. 43, 1). Аналогичные светильники во множестве представлены в Херсонесе (Кадеев 1970, рис. 20, 2; Chrzanovski, Zhuravlev 1988, N 63; и др.). Светильник из могилы 5в/1912 украшен по плечам гирляндами (рис. 2, 2). Интересен светильник с изображением двух гладиаторов (рис. 2, 3) из могилы 22/1912 (Соколов 1999, 510, илл. 157). Этот светильник, наряду с мраморным рельефом (Античная скульптура Херсонеса 1976, Кат. № 502, илл. 200), дал основание А.Н. Щеглову говорить о возможности существования гладиаторских игр в Херсонесе (Щеглов 1976). С гладиаторской темой связан и еще один затертый экземпляр первой половины IV в.н.э. (рис. 2, 4) из склепа 139/1910 – венатор (бестиарий), прыгающий через медведя (Журавлев, Костромичев 2017, табл. 42, 13; ср.: Perlzweig 1961: 125, pl. 19, No. 862, 864).

Из могилы 31/1911 происходят три однотипных светильника, два из которых, с гладким щитком и сердцевидным рожком, имеют на донце трехстрочное клеймо $\Theta\epsilon\omicron\delta\omega\rho/o/v$ (рис. 2, 5), близкие экземплярам из Антиохии (Waagé 1941: 65, fig. 88, 5). Всего на территории Херсонеса найдено более 10 светильников, относящихся к продукции мастерской Феодора (Кадеев, Сорочан 1985; Журавлев 2007).

Отметим два светильника из могилы 1/1910 (Журавлев, Костромичев 2017а, табл. 22, 1) и склепа 65/1911, украшенные изображением ветви от отверстия для заливания масла к рожку (рис. 1, 4), возможно, связанные с иконографией меноры (Chrzanovski, Zhuravlev 1998: 151, No. 91). Из могилы 31/1911 происходит светильник в виде головы сатира или актера в маске раба новой комедии (рис. 1, 5), аналогии которым известны на Боспоре (Журавлев, Быковская, Желтикова 2010: 266, № 924).

Представленные в докладе светильники не исчерпывают всего многообразия осветительных приборов Херсонеса, но дают новую важную информацию о торговых связях города в позднеримское время, а также о религиозных воззрениях херсонеситов.

Библиография:

Античная скульптура Херсонеса. 1976. Киев.

БЕЛОУСОВ А.В., ЖУРАВЛЕВ Д.В., КОСТРОМИЧЕВ Д.А. 2018. Светильник с изображением Ионы из Херсонеса Таврического // Международная научная конференция. XIX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Традиции и инновации. Симферополь-Керчь. 2018. 40-50

ВАЛЬДГАУЕР О.Ф. 1914. Императорский Эрмитаж. Античные глиняные светильники. СПб.

ЖУРАВЛЕВ Д.В. 2007. Сиро-палестинские светильники и их имитации римского и византийского времени из Херсонеса // Проблемы истории, филологии, культуры. XVII. 2007. М.-Магнитогорск. 339-355.

ЖУРАВЛЕВ Д.В., БЫКОВСКАЯ Н.В., ЖЕЛТИКОВА А.Л. 2010. Импортные эллинистические светильники. Боспорские светильники III в. до н.э. — IV в.н.э. Коллекция светильников из собрания Керченского историко-культурного заповедника. Том 2. Киев.

ЖУРАВЛЕВ Д.В., КОСТРОМИЧЕВ Д.А. 2017а. Комплексы с ювелирными изделиями из Херсонесского некрополя. Часть 1. Материалы раскопок Р.Х. Лепера в 1909-1910 гг. М.

ЖУРАВЛЕВ Д.В., КОСТРОМИЧЕВ Д.А. 2017б. Светильник с ветхозаветным сюжетом из херсонесского некрополя // Международная научная конференция «Исторические, культурные, межнациональные и религиозные связи Крыма с Сирией и государствами Ближнего Востока. Севастополь, 6-8 июня 2017 г. Севастополь. 39-42.

ЖУРАВЛЕВ Д.В., НОВИКОВА Е.Ю., КОВАЛЕНКО С.А., ШЕМАХАНСКАЯ М.С. 2017. Золото Херсонеса Таврического. Ювелирные изделия из собрания Государственного исторического музея. М.

ЖУРАВЛЕВ Д.В., ХРШАНОВСКИ Л. 2003. Римские светильники из Херсонеса в собрании Государственного Исторического музея (I). ХСб. Вып. XII. Севастополь. 69-88.

ЗАЛЕССКАЯ В.Н. 1988. Два раннесредневековых глиняных светильника из Северного Причерноморья // СА. № 4. 233-237.

ЗАЛЕССКАЯ В.Н. 1998. Христиане на Востоке. Мелькиты. Монофиситы. Несториане // Христиане на Востоке. Каталог выставки в ГЭ. СПб. 12-21.

КАДЕЕВ В.И. 1969. Импортные светильники I-IV вв. из Херсонеса // СА. № 3. 159-170.

КАДЕЕВ В.И. 1970. Очерки истории экономики Херсонеса в I-IV веках н.э. Харьков

КАДЕЕВ В.И., СОРОЧАН С.Б. 1985. Египетские и сирийские светильники первых веков нашей эры из Херсонеса // Вестник Харьковского университета. № 268.

КАДЕЕВ В.И., СОРОЧАН С.Б. 1989. Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н.э. — V в.н.э. (на материалах Херсонеса). Харьков.

КОБЫЛИНА М.М. 1978. Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века н.э. М.

ПЯТЫШЕВА Н.В. 1956. Ювелирные изделия Херсонеса. Конец IV века до н.э. — IV век н.э. Тр. ГИМ. Памятники культуры. Вып. 18. М.

- СОКОЛОВ Г.И. 1999. Ольвия и Херсонес (ионическое и дорическое искусство). М.
- СОРОЧАН С.Б. Про так звані рубчасті світильники з Херсонеса // Археологія (Київ). 1982. № 38. 43-50
- СОРОЧАН С.Б., ШЕВЧЕНКО А.В. 1983. Западнопонтійские светильники II-IV вв. из Херсонеса // Вестник ХГУ. Вып. 238. 94-100.
- ШЕЙКО І.М. 2017. Коринфські світильник перших вікі в з Ольвії // Н.О. Гаврилюк (Ред.), Північне Причорномор'я за античної доби. На пошану С.Д. Крижицького. Київ. 116-121.
- ЩЕГЛОВ А.Н. 1961. Светильники с клеймом ХРΥСОΥ // Сообщения Херсонесского музея. II. Симферополь. 45-51.
- ЩЕГЛОВ А.Н. 1976. К вопросу о гладиаторских боях в Херсонесе Таврическом // Eirene. V. Praha. 99-105.
- BAILEY D.M. 1988. A Catalogue of the Lamps in the British Museum. III. Roman Provincial Lamps. London.
- KOSTOVA K., DOBREVA D. 2008. Roman, Late Roman and Early Byzantine lamps from National Archaeological Reserve "DEULTUM—DEBELT" // С. — А. Roman, N. Gudea (Eds.). Trade and Local Production of Lamps from the Prehistory until the Middle Age. Lychnological Acts 2. Acts of the 2nd International Congress on Ancient and Middle Age Lighting Devices (Zalău — Cluj—Napoca, 13th — 18th of May 2006). Cluj—Napoca. 161-169.
- PERLZWEIG J. 1961. Lamps of the Roman Period. The Athenian Agora. VII. Princeton.
- WAAGÉ F.O. 1941. Lamps // Antioch on-the-Orontes. III. The excavations of 1937-1939. Princeton.

Иллюстрации к статье

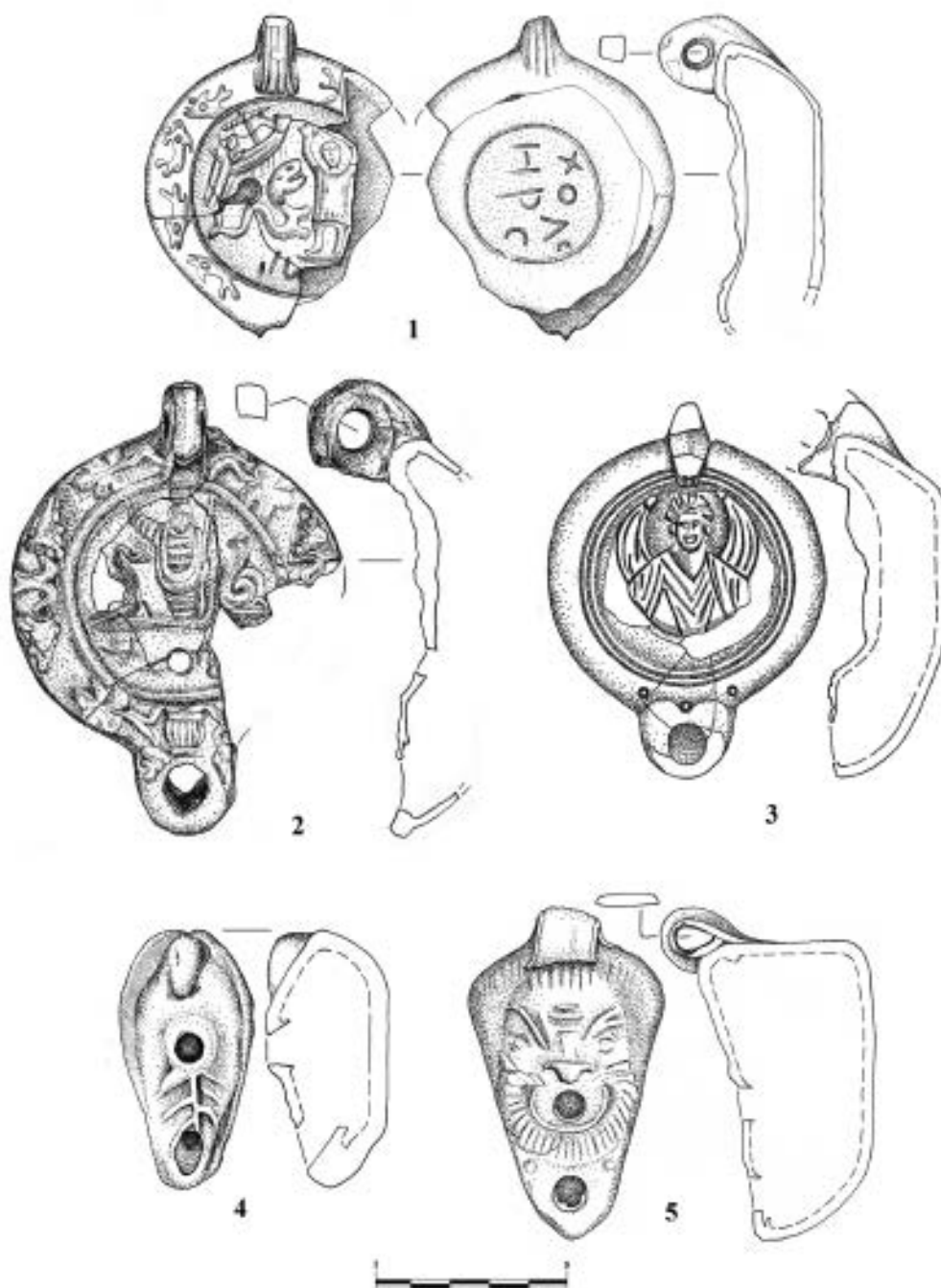

Рис. 1. Светильники из раскопок Р.Х. Лёпера: 1 — склеп 11/1910; 2 — склеп 26/1910; 3 — склеп 21/1909; 4 — могила 1/1910; 5 — могила 31/1911.

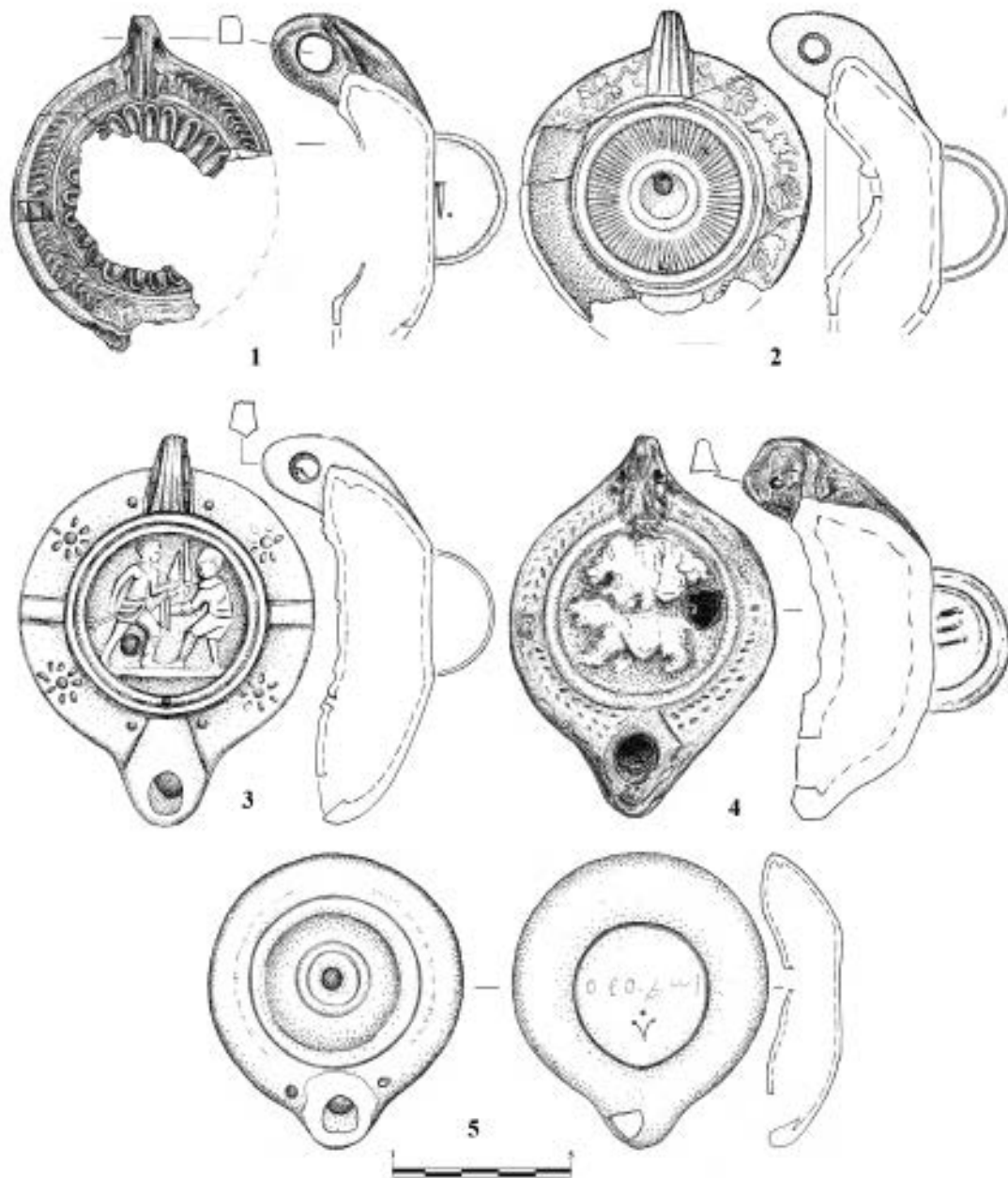

Рис. 2. Светильники из раскопок Р.Х. Лёпера: 1, 4 — склеп 139/1910; 2 - 5в/1912; 3 — могила 22/1912; 5 — могила 31/1911.

Зайцев Ю.П., Крол А.А.

БРОНЗОВЫЙ СОСУД С АРАБСКОЙ НАДПИСЬЮ ИЗ ПОЛОВЕЦКОГО ПОГРЕБЕНИЯ В КРЫМУ

Zaitsev Ju., Krol Alexei

Bronze Kettle with Arabic Inscription
from a Polovtsian Burial in the Crimea

Летом 2017 г, в процессе строительства федеральной трассы «Таврида» экспедицией историко-археологического музея-заповедника «Неаполь Скифский» было исследовано богатое средневековое погребение. Курган, в котором оно было совершено, входил в группу из 14-ти курганов, расположенную на перевале Аджилар, в 6,2 км к северо-востоку от г. Белогорска.

На дне могилы был зачищен костяк взрослого мужчины головой на северо-запад и сопровождающий инвентарь. На груди погребенного была расчищена сложенная железная кольчуга, за черепом – железный шлем-мисюрка и костяная пластина от лука, вдоль туловища с двух сторон – шелковые (?) ленты, вдоль правой руки – железная сабля, железный нож и обрубок витой серебряной гривны, справа у таза – скрученное в рулон кожаное изделие и кожаный колчан со стрелами, в районе стоп – остатки кожаной обуви, в ногах – круглодонная амфора с приподнятыми ручками, железный инструмент в виде тесла, железные оковки деревянного сундучка (?) и бронзовый котелок с железной ручкой. Предварительно погребение может быть определено как половецкое и датировано XIII в. н.э.

Наиболее интересной находкой из него оказался бронзовый сосуд цилиндрической формы с подвижной железной дужкой. При расчистке его поверхности была выявлена гравированная надпись, которой и посвящен настоящий доклад.

Зиганьшин Р.М.

ВЗАИМОВЛИЯНИЯ ЭЛЛИНСКИХ И ВАРВАРСКИХ ТРАДИЦИЙ В ИСТОРИИ КРЫМА IV–III вв. ДО Н.Э.

Ziganshin R.

Mutual influence of Hellenic and barbarian traditions
in the history of Crimea IV-III centuries BC.

Крымский полуостров с античных времен являлся перекрестком многих морских транзитных дорог, соединявших различные государства, племена и народы. Это в сочетании с благоприятными климатическими условиями всегда делало Крым привлекательным для переселения различных народов, завоевания, устройства транзитных перевалочных пунктов в виде, например, морских портов и сооружений наподобие восточных караван-сараев. Впервые греки появились в Крыму, как считается, в середине VIII в. до н.э., как и в Причерноморье вообще. Основывать же города-колонии стали двумя веками позже.

Этой колонизации способствовала нехватка пахотных земель и месторождений металлов, политическая борьба в полисах – греческих городах-государствах и неблагоприятная демографическая обстановка. Древнегреческие племена ионийцев первыми открыли богатый природой Крым греческому миру. Плавать по Черному морю могли только очень опытные моряки, которыми и были ионийцы. После разгрома Милета персами в 494 году до н.э. колонизацию Северного Причерноморья продолжили греки-дорийцы. В конце V века до н.э. был основан Херсонес Таврический. Город был построен на месте уже существовавшего поселения и среди всех жителей города – тавров, скифов и греков-дорийцев, поначалу было равноправие. К концу V века до н.э. греческая колонизация Крыма и берегов Черного моря была завершена. Поселения греков появлялись там, где была возможность регулярной торговли с местным

населением, обеспечивавшей сбыт аттических товаров. Греческие эмпории и фактории на черноморском побережье достаточно быстро превратились в крупные города-государства, Основными занятиями населения новых колоний, вскоре ставшим греко-скифским, было торговля и рыболовство, скотоводство, земледелие, ремесла, связанные с производством металлических изделий [Андреев, сс. 13-14].

По образному выражению И. Ю. Шауба, греки-колонисты, преимущественно из Ионии, принесли на берега Понта огонь эллинского духа и, как могли, поддерживали его горение. Фактором, который определяет значимость Северного Причерноморья в истории античного мира, является наличие у греческих колоний разноплеменного варварского окружения, с которым им волей-неволей приходилось вступать в контакты на самых разных уровнях на протяжении всего своего существования. Политическая ситуация, экономическое положение, культурный облик, более того – само существование городов Северного Понта во многом зависели от характера этих контактов. При рассмотрении проблемы греко-варварских взаимовлияний в Северном Причерноморье одним из наиболее сложных, интересных и спорных ее аспектов является вопрос о контактах греков и варваров в сфере религии. Поскольку религия являлась существеннейшим фактором формирования и развития духовной культуры древних обществ [Шауб, сс. 5-6].

Бесспорно, что религиозный фактор является значительным при столкновениях и взаимовлияниях различных культурных традиций, как и в жизни архаических обществ вообще. Из истории мы знаем, что религиозные культы и божества легко перенимались древними народами друг у друга. Причем, эти самые культы и божества, как собственные, так и заимствованные, со временем трансформировались и видоизменялись согласно самому историческому развитию этих народов. Известно, например, заимствование древним Римом в процессе своего развития греческих культов и богов, а также этрусских и египетских... Вообще, процесс экспансии какой-либо религиозно-мифологической системы – это вопрос очень сложный. Исследователям этой темы часто бывает трудно, а порой просто невозможно какие-либо свои выводы и догадки научно обосновать.

вать ссылками на источники материальной и нематериальной культуры. С другой стороны, это дает им более широкую возможность для полета их мысли и фантазий. В своей крайней форме это выражается, например, в учении/псевдоучении о древних украх, как якобы основателях всей европейской цивилизации. Или о древней легендарной Гиперборее, якобы (а может и действительно) находящейся на территории нынешней Сибири или около российского Заполярья...

Проблема реконструкции религиозных верований населения северопричерноморских государств крайне осложнена разнородностью этого населения, поскольку в его состав входили не только разноплеменные варвары, но и разноплеменные греки, выходцы из разных малоазийских полисов, весьма отличавшихся друг от друга своей культурой, в том числе пантеонами, что подчас было обусловлено степенью включения в состав жителей того или иного города представителей народов, которые обитали в Малой Азии до прихода греков. Нельзя забывать о хеттских корнях некоторых мифов и религиозных представлений ионийцев, а главное – о наличии минойско-карийского субстрата в тех малоазийских городах и областях, выходцы из которых колонизовали Сев. Причерноморье [Шауб, с. 11]. Еще более сложной эта задача становится вследствие скудости письменных источников, по которым можно судить о религии греков-колонистов, и почти полном отсутствии таковых относительно населявших Причерноморье варваров (за исключением скифов), основную информацию об их религиозной жизни приходится извлекать из весьма ограниченных и фрагментарных (кроме тех, которые происходят из Ольвии) археологических источников, прежде всего из памятников искусства, в подавляющем большинстве созданных греками. В силу вышеуказанных трудностей, И. Ю. Шауб считает, что интерпретация имеющегося в нашем распоряжении материала зачастую не может претендовать на однозначность, а тем более на окончательность. Сходные явления у метрополии и колонии зачастую оцениваются как основные, а несходные отбрасываются как вторичные и несущественные. Внимание исследователя как бы заморожено категорией сходства. В результате применения такого метода вместо анализа получается некая стилизация явления; то, что было

методологической предпосылкой такого подхода, оказывается его результатом: религиозная жизнь населения припонтийских колоний объявляется по сути аналогичной религии греков метрополии. Схожая ситуация наблюдается и в скифологии, когда исследователи стремятся во что бы то ни стало отыскать аналогии скифским богам и ритуалам в индоиранском мире [Шауб, сс. 12-13].

Принято считать, что более развитая религиозно-мифологическая система легко завоевывает культурное пространство вокруг себя, поглощая (порой уничтожая или нивелируя) религиозные традиции менее развитых обществ в лице варварской периферии. Во многом с этим можно согласиться, но такое взаимодействие не остается бесследным и для доминирующей культуры. Она также в процессе своей экспансии подвергается воздействию других, пусть и «примитивных» по сравнению с ней культур. Кроме того, бывшие религиозно-мифологические представления у местного населения не исчезают бесследно. В качестве примера можно привести распространение христианства в древней Руси, которое вынуждено было принять в себя некоторые элементы местного язычества, чтобы легче прижиться на местной почве. Можно также вспомнить принятие ислама на Ближнем и Среднем Востоке, когда он также вбирал в себя элементы местного язычества, прежде всего зороастризма. Это также делалось для лучшей адаптации на местной почве, чтобы быть более понятным и усваиваемым для местного населения.

В контексте этой темы интересен также пример распространения буддизма в Китае, где он столкнулся с такими мощными учениями как конфуцианство и даосизм, до этого без труда захватывающий культурное пространство. Буддизм показал здесь себя весьма гибким и живучим учением, умеющим приспособливаться к самым разнообразным, порой очень враждебным, условиям и ситуациям, учением с гибкой доктриной и эффективной стратегией проникновения в иные культуры. Академик Г.М. Бонгард-Левин называет это «стратегией поглощения». В ходе этой стратегии местная мифология сначала усваивалась буддизмом, а затем трансформировалась и подчинялась им себе вместе с уже сложившимися культами и всей системы традиций общества, куда он проникал. В результате в Китае он

трансформировался в чань-буддизм, очень сильно по форме, да и по сути, отличающийся от изначального буддизма [Зиганьшин, сс. 78-103].

Следует полагать, что в значительной мере обладала пластичностью и восприимчивостью к другим учениям также и греческая религиозно-мифологическая система. Что показывает ее взаимоотношение с религиозными системами народов Северного Причерноморья, в т.ч. и Крыма. Основное население Крыма, как известно, в рассматриваемый период составляли скифы, принадлежащие к индоиранскому миру, который уже на общеарийском этапе создал развитую мифологическую систему. Поэтому, было бы ошибочно рассматривать такие взаимоотношения как исключительно отношения «гегемона-доминанта», в культурном плане, с примитивными варварами. И.Ю. Шауб отмечает, что факт влияния античной культуры (в том числе и религии) на негреческое население Северного Причерноморья неплохо изучен и никем не оспаривается. Спорят исследователи лишь о степени этого влияния. Несравненно более сложной задачей является вычленение местных элементов в религии населения северопричерноморских городов [Шауб, с. 7]. По его мнению, в связи с вопросом о религиозном влиянии варварского окружения на греко-колонию исключительный интерес представляет Боспор, где в результате активного взаимодействия греков-переселенцев с местными племенами сложилась оригинальная культура, в которой эллинская основа органически соединилась с целым рядом варварских элементов, причем, одной из наиболее своеобразных областей этой греко-варварской культуры была религия. Греки, с одной стороны, мыслили одних и тех же богов властвующими повсюду, с другой – опыт свидетельствовал о чуждости иноплеменных богов, откуда делался вывод о господстве конкретных богов над определенными землями и их населением [Шауб, сс. 8-9].

Представление о тесной связи божества с его местом обитания вообще характерное для верований древних, породило эллинский обычай, находясь в чужих краях, чтить местных богов. Стремление сохранить связь с отеческими богами и одновременно заручиться поддержкой богов местных приводило при переселении к объединению культов. отождествление отнюдь не означало полного слияния образов; именно поэтому могли

существовать различные отождествления, а образы богов – объединяться и разъединяться [Свенцицкая, с. 44]. Желание добиться покровительства со стороны туземных богов являлось причиной того, что эти боги занимали центральное место в пантеоне колонии. Таковыми были: в Херсонесе – богиня Дева, в Ольвии – Аполлон Врач и Ахилл, на Боспоре – Аполлон Врач, Дионис и Великое женское божество, которое греки отождествили с рядом своих богинь, но прежде всего с Афродитой Уранией, и которую почитали в святилище с негреческим названием Апатур [Шауб, с. 9].

То, что нам известно об особенностях менталитета эллинов, позволяет предположить, что при соприкосновении с этим миром их историческая память, или, пользуясь терминологией К.Г. Юнга, архетипы их коллективно-бессознательного, резко активизировались. Это была встреча не просто с давно пройденной стадией исторического развития, но с мифологической реальностью своего героического прошлого. В современной научной литературе часто ссылаются на мифологию как на серьезный фактор обоснования права греков-колонистов на владение северопричерноморскими землями. Психологической основой уверенности и самих греков в своем праве на обладание той или иной территорией и убедительным аргументом для варваров должно было быть наличие в верованиях как греков, так и персонажей варваров, со схожими функциями. [Шауб, с. 13].

Процесс проникновения варварских культурных элементов носит постоянный характер с самого начала существования греческих апоекий. На Березани, в Ольвии, городах Боспора везде наблюдается постоянная диффузия варварских компонентов в эллинские общины; происходит постоянная подпитка культуры, остающейся в своей основе греческой, варварскими традициями. Даже додорийский Херсонес так же, как и большая часть других причерноморских эллинских общин, был более открытым по отношению к местному варварскому населению. Впоследствии в Херсонесе, несмотря на присутствие здесь определенного количества варваров, их влияние на культуру полиса проявляется очень слабо. Здесь не существовало субкультуры варваров, способной наложить отпечаток на культуру коренного населения города. Недаром Плиний писал, что Херсонес Таврический «был самым блестящим пунктом на всем этом пространстве

благодаря сохранению греческих обычаев». При этом верховным божеством херсонеситов всегда оставалась варварская в своих истоках богиня Дева (Артемида – Р.З.). [Шауб, с. 10]. Характерно, что на Боспоре в период до Спартокидов, несмотря на весьма активные экономические и политические контакты, влияние со стороны варваров было гораздо менее значительным, чем то, которое наблюдается с начала IV в. Этот факт, вероятно, объясняется тем, что в VI-V вв. социально-политической организационной формой греческих поселенцев на Боспоре (равно как в Херсонесе и Ольвии) был полис, т.е. такой общественный организм, который активно противодействовал чуждым культурным влияниям. Приход к власти варварской (скорее всего, фракийской или скифской) династии Спартокидов способствовал не только закреплению связей между греческой аристократией и выходцами из местной племенной знати, не только резкому повышению роли варваров в экономической и политической жизни Боспора, но также значительным изменениям в его культуре и идеологии, что нашло отражение в самых разнообразных памятниках [Там же].

Несомненно, что на Боспоре идеологический вакуум, возникший вследствие ослабления, а затем и падения полисной структуры и упадка соответствующей идеологии, побуждал к введению культов новых богов и объединению греческих и местных культов с целью найти идеологическую основу в разных слоях населения, как это было характерно для эллинистических монархий [Свенцицкая, с. 41].

Библиография:

АНДРЕЕВ А.Р. История Крыма: краткое описание прошлого Крымского полуострова. М: Межрегион. центр отраслевой информатики Госатомнадзора России, 1997, 251 с.

ЗИГАНЬШИН Р.М. Духовно-религиозные основы боевых искусств традиционного Китая. Дисс... канд. филос. наук. М.: 1996, 149 с.

СВЕНЦИЦКАЯ И.С. Некоторые особенности религиозного синкретизма в эпоху эллинизма // Причерноморье в эпоху эллинизма. Материалы III Всесоюз. симпоз. по древ. истории Причерноморья. Тбилиси: 1985. Сс. 41-49.

ШАУБ И.Ю. Эллинские традиции и варварские влияния в религиозной жизни греческих колоний Северного Причерноморья (VI-IV вв. до н.э.). Дисс. ... доктора исторических наук: 07.00.06. — СПб.: 2010, 483 с.

Исаченко Т.А.

**ФЕНОМЕН ОДНОВРЕМЕННОСТИ.
О ДВУХ ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЯХ
«СЛУЖБЫ ОБРЕТЕНИЯ В ХЕРСОНЕСЕ
МОЩЕЙ КЛИМЕНТА ПАПЫ РИМСКОГО»
КИРИЛЛА СОЛУНСКОГО**

Isachenko T.

The Phenomenon of Synchronism.
About Two Parallel Discoveries of «A Service of Finding
of Saint Clement of Rome Relict in Chersonese»
of Saint Cyril from Thessalonica.

Как хорошо сегодня известно, гимнографический корпус Киевской Руси, строясь по образцу византийского, не являлся его простым воспроизведением.

На славянской и, в частности, на древнерусской почве шел придирчивый отбор материала для переводов с греческого, это считалось делом государственной и церковной политики. В отдельных случаях возникала необходимость устанавливать свои, славянские церковные праздники и ломать при этом сопротивление греков. При этом гимнография – богатейший источник исторических сведений, а в текстах гимнов прочитываются имена и события далеких эпох.

Вопреки отрицанию некоторых западных исследователей, не признающих факт херсонесской ссылки св. Климента, с конца 80-х гг. прошлого века мы имеем надежный источник в виде литературной фиксации, вышедшей из-под пера Кирилла Философа. Сегодня не вызывает сомнения то, что служба («свиток гимна») на обретение и перенесение мощей папы Климента – раннее творение Константина Философа, переведенное на славянский

язык уже в первые годы моравской миссии (возможно, что ещё до поездки солунских братьев и их учеников в Рим) (Турилов 2015:133). По неполному и дефектному списку «Драгановой минеи» текст был издан впервые в 1931 г. Й. Ивановым (Иванов 1931: 387-391), но в полном виде он был явлен миру лишь после эпохального открытия М.Ф. Мурьянова¹, который обнаружил богослужбное последование на 30 января, включавшее гимн Обретенской службы (Мурьянов 1991: 69-143; Мурьянов 2003: 253-332). Текст присутствует в Праздничной минее XII-XIII вв., хранимой в РГАДА (ф.382. Синод.тип., № 98), и несомненно, это тот гимн, о котором писал епископу Гаудериху Анастасий Библиотекарь (Православная энциклопедия 2014).

Анастасия, как известно, очаровала гимнодия, сочиненная св. Кириллом. Она, по всей видимости, появилась еще до написания краткой повести (*brevis historia*), известной в русской историографии под названием «Корсунской», а в западной – под именем «Итальянской» легенды (лат. *Legenda italica*)². Одним из ее источников стало сочинение равноап. Кирилла «Слово на перенесение мощей преславного Климента», которое по просьбе епископа Гаудериха перевел для него с греческого на латинский Анастасий Библиотекарь.

Открытый в процессе работы над докторской диссертацией М.Ф. Мурьяновым, текст службы Обретению мощей св. Климента сразу же привлек внимание медиевистов. Работавший параллельно Е.М. Верещагин был очарован гимном св. Кирилла не менее Анастасия Библиотекаря. Ученый не только опубликовал выявленный рукописный источник, но и выполнил дальнейшее исследование текста в исторических условиях его появления

¹ Михаил Федорович Мурьянов (21.XI 1928 — 6.VI 1995) – автор более двухсот исследований по романо-германскому, византийскому и славянскому средневековью, герменевтике русской литературы (с древнейших времен по начало XX в.), этимологии, исторической лексикологии русского языка, фольклористике, археографии, иконографии. Его докторская диссертация 1985 г., посвященная гимнографии Киевской Руси, издана спустя 18 лет после защиты (Мурьянов 2003).

² Обширная литература о житиях Климента, археологических раскопках в Херсонесе и повести об обретении мощей приведена во вступительной статье С.А. Беляева к первой книге «История Русской Церкви» митрополита Макария (Булгакова) (Макарий 1994: 54–55, 70–71).

(Верещагин 1993: 34-45; 2001: 94-148; 2003). По мнению Е.М. Верещагина, Служба была изначально написана св. Кириллом по-славянски (М.Ф. Мурьянов считал Службу на обретение мощей св. Климента переведенной с ненайденного греческого текста). Ученый пишет: «Анастасия очаровал гимн, и хотя он был опытным переводчиком с греческого на латынь, приступить к переводу поэтического произведения ему не доставало отваги» (Верещагин, 1996:179). По словам ученого, свиток гимна, который Философ издал «во славу Божию и блаженного Климента», он не решился перевести, потому что «в латинском переводе, если бы вышло то слишком мало, то слишком много, не было бы складной, ладящей с напевом гармонии» (Верещагин, 1996:179).

Открытие, удвоенное авторитетом ученых, тем более значимо, что за святым Кириллом в историографии издавна числился неразысканный «гимн», и других претендентов на его авторство известно не было. Содержание гимнодии прямо соотносится с херсонесским культом св. Климента. Его поэтическое наполнение превосходно. И хотя славянский текст имени автора не содержит, является несомненным то, что составление текста, прославляющего перенесение святых мощей Климента Римского – дело рук константинопольской миссии, прибывшей в Херсонес и учредившей культ этого святого, что было доказано блестящими исследованиями двух русских византологов.

Гимн Кирилла Солунского чествует св. Климента как «светоча народов». Климент – просветитель, причем с такой духовной мощью, что ему дано просвещать самую церковь: Прими просвещника, церкви, тебе просвещающая Климента... «Конечно, – комментирует текст Мурьянов, – не то освященное свыше установление, которое, по мысли богословов, само просвещает всех и каждого, но конкретный херсонесский храм, архитектурное сооружение, куда организованная Кириллом процессия внесла останки св. Климента» (Мурьянов 2003: 323).

*Все морское побережье
Златозарным светом мощей твоих,
Пребывающих в Херсонской церкви,
Озарено, Климент.
Народ же тебя хвалит и радуется.*

Археологические раскопки пока не дали ответа на вопрос, в каком храме «сияли светозарным светом» мощи св. Климента. Известно, однако, что этот храм был посвящен апостолам, и гимн упоминает о том, что Климент общался со св. апостолами Петром и Павлом, будучи четвёртым епископом на римском престоле.

В христианизированной Руси, при возведении на митрополию Климента Смолятича (1147), в обход диктата Константинополя, собор епископов принял предложение епископа Онуфрия Черниговского и применил при возведении в качестве символа освящающей реликвии честную главу св. равноапостольного Климента, хранящуюся в Десятинной церкви. Так Собор уравнивал величайшую святыню христианства – Десницу Предтечи Господня Иоанна, крестившую Самого Христа – честным мощам священномученика Климента, придав последним приоритет, имеющий значение специально для Руси. Эти мощи прибыли в Киев в качестве первой святыни при кн. Владимире и покоились в первом храме государства – в Десятинной церкви. Доставлены они были из Херсонеса, где были открыты первоучителем славян Кириллом Солунским и где принял христианство креститель Руси св. князь Владимир Святославич. Традиция считала св. Климента учеником и преемником апостола Петра и все знали, что римская кафедра – апостольская. Чего нельзя было сказать о константинопольской кафедре, основанной лишь в 315 г. Поэтому избрание Климента Смолятича большинству киевского собора представилось правильным, подобающим действием, хотя это и было отчасти нарушением субординации и церковной дисциплины по отношению к Константинополю.

В дальнейшем возникновение подобных конфликтных ситуаций на Руси, утвердившей автокефалию, и в России, стало принципиально невозможным. Активное перемещение святынь из сакральных центров христианского мира в Московию сегодня хорошо изучено и описано. Ковчежцы с мощами апостола Андрея, честной главой Иоанна Златоуста, частью Ризы Спасителя и Богородицы, перемещение Иверской иконы в правление царя Алексея Михайловича, наконец, перемещение в пределы России при Павле I Десницы Крестителя Господня Иоанна (1799 г.), наполнили страну историческим реликварием, наделенным имперскими освящающими функциями.

В свете исторических перемещений контекст религиозно-эпического гимна Кирилла Солунского на перенесение мощей св. Климента Римского, наполняет наше знание вселенским смыслом, имеющим решающее значение как для всей территории Имперской России.

Библиография:

БЕЛЯЕВ С.А. История христианства на Руси до равноапостольного князя Владимира и современная историческая наука // Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви. Кн. 1. М.: Изд-во Спасо-Преображен. Валаам. монастыря, 1994. С. 33-80.

ВЕРЕЩАГИН Е.М. Вновь найденное богослужбное последование обретению мощей Климента Римского—возможное поэтическое произведение Кирилла Философа / К XI Международному съезду славистов в Братиславе (отд. оттиск). М., 1993.

ВЕРЕЩАГИН Е.М. Последование под 30 января из Минеи № 98 (ф. 381) РГАДА (Москва) — предполагаемый гимн первоучителя славян Кирилла // *Palaeobulgarica*. № 1. С. 5-20.

ВЕРЕЩАГИН Е.М. Христианская книжность Древней Руси. М., 1996 (на с. 92-150, 176-193 адаптированный древнерусский текст Псевдо-Климентин и легенды об обретении мощей св. Климента).

ВЕРЕЩАГИН Е.М. Программа действий, изложенная... в богослужбном каноне // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2003. № 1(11). С. 39-47.

ИВАНОВ И. Български старини из Македония. София, 1931.

МУРЪЯНОВ М.Ф. Страницы гимнографии Киевской Руси // Традиции древнейшей славянской письменности и языковая культура восточных славян. М., 1991.

МУРЪЯНОВ. М.Ф. Гимнография Киевской Руси / М.Ф. Мурьянов. М.: Наука, 2003.

МУРЪЯНОВ М.Ф. История книжной культуры России: Очерки. М., 2008. Т. 2. С. 162-167.

ФЛОРЯ Б.Н. Кирилл // Православная энциклопедия. Т. 34: «Кипрская православная церковь — Кирион, Вассан, Агафон и Моисей», Т. 34. С. 186-225.

ТУРИЛОВ А.А. К изучению великоморавского литературного наследия: промежуточные итоги, спорные вопросы и перспективы // Вестник славянских культур. 2015. № 1 (35). С. 130-152.

Калинина Т.М.

АКВАТОРИЯ СРЕДИЗЕМНОГО И ЧЕРНОГО МОРЕЙ ПО ПРЕДСТАВЛЕНИЯМ АРАБСКИХ ГЕОГРАФОВ IX–X вв.

Kalinina T.

The Waters of the Mediterranean and Black Seas
According to the Representations of Arab Geographers
of the 9th – 10th Centuries

Описания Земли были восприняты арабскими учеными из переводных трудов Гиппократ, Галена, Аристотеля, Птолемея. Информация о Средиземном море, его проливах и островах, о связи с водными бассейнами Восточной Европы были актуальны для ученых ислама вследствие военных и политических отношений Халифата с государством ромеев, почтовых и торговых связей в IX-X вв. с Поволжьем, Севером Европы.

В 20-х гг. X в. ученый ал-Баттани (828-929) сообщил о Средиземном, Черном и Азовском морях, описав выход моря Рума и Мисра из Окружающего океана вблизи острова Гадира напротив ал-Андалуса, течение его к Тиру и Сидону, Лионском заливе, Адриатике; названы острова Корсика, Сардиния, Кипр, Сицилия и Крит. При отдельном описании Азовского (Майутис=античный Меотис) и Черного (Бунтус=античный Понт) морей сказано о соединении последнего с проливом близ Константинополя, который, в свою очередь, связывался с морем Мисра. Это описание Средиземного и Черного-Азовского морей, с отчетливым влиянием античной традиции, было повторено затем рядом последующих исламских писателей.

Картографические работы не зависели от античных предшественников, здесь использовались сведения, полученные от торговцев, почтовых служащих, моряков, паломников. Исламская картография возникла в IX в., когда

халиф ал-Ма'мун приказал составить карту мира. С этой инициативой связывают сохранившуюся «Книгу картины Земли» Мухаммада ал-Хорезми (ок. 783-ок. 850). Сохранились несколько карт (в их числе *ал-Батиха*, т.е. Азовское море), которые скорее напоминают иллюстрации. Однако таблицы координат береговых линий морей, рек, очертаний гор и топонимов указывают на подготовку карты, или не сохранившейся, или по какой-то причине неначертанной [Kitāb Ṣūrat al-arḍ 1926; Крачковский 1957: 94-97; Калинина 1988: 12-14]. Координаты «Книги картины Земли» и реконструкции частей карты ал-Хорезми показывают береговую линию Средиземного моря: от Гибралтара, через моря Магриба, Египта, Сирии до *моря Барики и Лазики*, т.е. Черного моря (термин *Понт=Бунтус* не используется); при этом оно не соединено с Азовским (*ал-Батихой*). Такая картина водного бассейна, являющего собой Средиземное и Черное моря, а также Азовское море, была уникальной.

В начале X в. появилась школа «Атласа ислама» [Крачковский 1957: 194-218; Tibbets 1992: 108-129] с круглыми картами мира, ориентированными на юг, и описаниями областей с картами регионов. Тексты в этих сочинениях посвящались наземным маршрутам, прибрежным землям, некоторым городам.

Основоположителем был Абу Зайд ал-Балхи (ок. 850-934), написавший трактат «Изображение семи климатов» с картой мира и 21 региональной картой [Tibbetts 1992: с. 60-124]. Считалось, что труд не сохранился. Однако, по мнению Р.Б. Кумековой, в Институте арабских рукописей Лиги арабских стран в Каире имеется подлинная рукопись с картами ал-Балхи «Упоминание о расстояниях и изображение климатов» [Кумекова 2009: 63-65]. Недавно под именем ал-Балхи была опубликована недатированная круглая карта мира из Стамбула [Българските земи 2011: 268]. Эта карта очень схожа с картой мира Ибн Хаукала, рукопись сочинения которого относится к 1086 г.

Однако сначала о картах ученика ал-Балхи – ал-Истахри (ум. ок. 951/52). На его круглой карте мира (ориентированной на юг) Средиземное море (*бахр ар-Рум*) показано выходящим из Окружающего океана через пролив (Гибралтар), оно минует на юге Магриб, на севере – «за-

ливы» вблизи Испании и Франции, Апеннинский п-ов, делает круг близ Египта и Сирии и продолжает течение вниз (к северу) мимо Константинополя и земель славян, впадая в северную часть Окружающего океана, где показаны области Йаджудж и Маджудж (библейские Гог и Магог); иногда северное положение их рассматривают как намек на знание скандинавов (*Viae regnum* 1870: 68-71). В тексте книги ал-Истахри есть сведения о некоторых прибрежных городах Марокко, Испании, Галисии, франков, Сирии, Египта, Византии. Черного и Азовского морей ал-Истахри не знал.

Региональная карта Средиземного моря в книге ал-Истахри (ранняя датируется XII в., есть довольно много вариантов более поздних веков) имеет западную ориентацию – так, как будто автор рассматривал Средиземноморье со своей позиции, находящейся на востоке [Pinto 2004: 225]. Сверху обозначен выход из Окружающего океана, само же море представлено вытянутым кругом. В начале его показан треугольный остров *Джабал ал-Килал*, который можно идентифицировать с известной скалой в Гибралтаре. Внутри моря изображены круглые острова Кипр, Крит и Сицилия; на южной стороне у дельты Нила показаны как острова города Тиннис и Дамьетта. Справа видно начала пролива, который в тексте назван Константинопольским (Рис. 1).

Младший современник ал-Истахри Ибн Хаукал (X в.) изменил и дополнил, с согласия последнего, его труд. Круглая карта мира, как было сказано выше, очень схожа с картой, приписываемой ал-Балхи. Кроме этой карты, в рукописи сочинения Ибн Хаукала, датирующейся 1086 г., имеется глава о море Рума и карта, а в главе о Магрибе есть еще одна карта этого моря. На них береговая линия моря Рума подробна: она проходит мимо Андалуса, Италии (названа Калабрией), показана Адриатика (названа заливом Венеции); поворачивает мимо Египта и Сирии и уходит к северу – это Константинопольский пролив, проходящий мимо Македонии, Константинополя, земель славян и уходящий, вблизи земель Йаджудж и Маджудж, в северную часть Окружающего океана. Черное и Азовское моря, как у ал-Истахри, не отмечены. Но здесь показано и описано в тексте, что в низовьях пролива имеется соединение с рекой Итиль, впадающей

в Каспий, по берегам которой представлены хазары, болгары, буртасы, русы и др. Таким образом обрисована картина соединения Средиземного моря с Каспием.

В главе о море Рума на карте не изображены острова, но на большой трехчастной карте главы о Магрибе они есть (Кипр, Крит, Сардиния, Сицилия, Корсика, Пантеллерия, Майорка, Мальта). Среди островов, видимо, по недоразумению, названы Генуя и Фраксинет; также необычным является местоположение Рима – не в Италии, а в области за франками, галисийцами и басками (?). Изображения и тексты о маршрутах от одного населенного пункта до другого, информация об областях (например, Анталии, Тарсе); об островах (населении на них, завоеваниях и потерях, состоянии хозяйства при византийцах и мусульманах) свидетельствует об обширной индивидуальной информации Ибн Хаукала, который много путешествовал и многое знал о странах (*Opus geographicum* 1938: с. 191-194, 201-204, 288).

Как писали востоковеды, и ранее встречались сочинения со схожими или аналогичными названиями, где автором был указан ал-Балхи. Однако при тщательном анализе оказывалось, что труд аналогичен трудам и картам последователей ал-Балхи – ал-Истахри и Ибн Хаукала [De Goeje 1871: 42-58;. Kramers 1932: 9-30]. Вопрос о подлинности сочинения и карт ал-Балхи по-прежнему требует дальнейшего изучения.

В целом информация арабских географов о Средиземном море отвечает исторической картине постепенного знакомства ислама со Средиземноморьем: от завоеванной части Аналузии, отношениях с франками, торговых городов Дамиетты, Анталии, городка Ламис, где происходили обмена пленных византийцев, до знаний о речных путях и народах Восточной Европы.

Рассмотрев подобную информацию, я присоединяюсь к точке зрения М. Ломбарда (Lombard M. 1948: 188-199): мусульманские завоевания способствовали возрождению и расширению средиземноморской торговли, которая постепенно открывала золотодобычу в Африке, пути к Индийскому океану, дороги по рекам на восток Европейской части, к Каспийскому морю, к северу Европы.

Библиография:

Българските земи в средновековната арабописмена картографска традиция (IX-XIV в.): Атлас / С. Кендерова, А. Стаматов. София, 2011.

КРАЧКОВСКИЙ И.Ю. Арабская географическая литература // *Idem*. Избр. труды. М.; Л, 1954. Т. IV.

КАЛИНИНА Т.М. Сведения ранних ученых Арабского халифата: тексты, пер., коммент. М., 1988.

КУМЕКОВА Р.Б. Карта мира Абу Зайда ал-Балхи (X в.) как источник по истории Казахстана // *Вестник Казахского национального университета*. 2009. № (54). С. 63-65.

DE GOEJE M. Die Iṣṭakhrī-Balkhī Frage // *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*, 1871, Bd. 25. S. 42-58.

Kitāb Ṣūrat al-arḍ des Abū Ġaʿfar Muḥammad Ibn Mūsā al-Ḥuwārizmī /
H. von Mžik. Leipzig, 1926.

KRAMERS J.H. La question Balkhi-Iṣṭahri-Ibn Hawkal et l'Atlas de l'Islam // *Acta Orientalia*. Leiden, 1932. T. 10. P. 9-30.

LOMBARD M. Mahomet et Charlemagne. Le problème économique // *Annales. Économies, Sociétés, Civilisations*. 1948, 3 (2): 188-199.

TIBBETS G.R. The Balkhī School of Geographers // *History of Cartography*. Chicago; London, 1992. Vol. 2. Book 1.

Opus geographicum: secundum textum et imagines codicis constantinopolitani conservati in bibliotheca antiqui palatii No. 3346 cui titulus est "Liber imaginis terrae", auctore Ibn Haukal (Abū 'l- āsim Ibn Hauḳal al-Nasībī) / Kramers J. Leiden, 1938. Vol. 1.

PINTO K. C. "Surat Bahr al-Rum" (Picture of the Sea of Byzantium): possible meanings underlying the forms // *Eastern Mediterranean Cartographies: International conference on the history of cartography*. Athens, 2004.

SAVAGE-SMITH E. Cartography // *A Companion to Mediterranean History*/Horden P., Kinoshita Sh. 2014. P. 184-200.

Viae regnorum. Descriptio ditionis moslemicae, auctore Abu Ishāk al-Fārisī al-Iṣṭakhrī / De Goeje M. Leiden, 1870.

Иллюстрации к статье

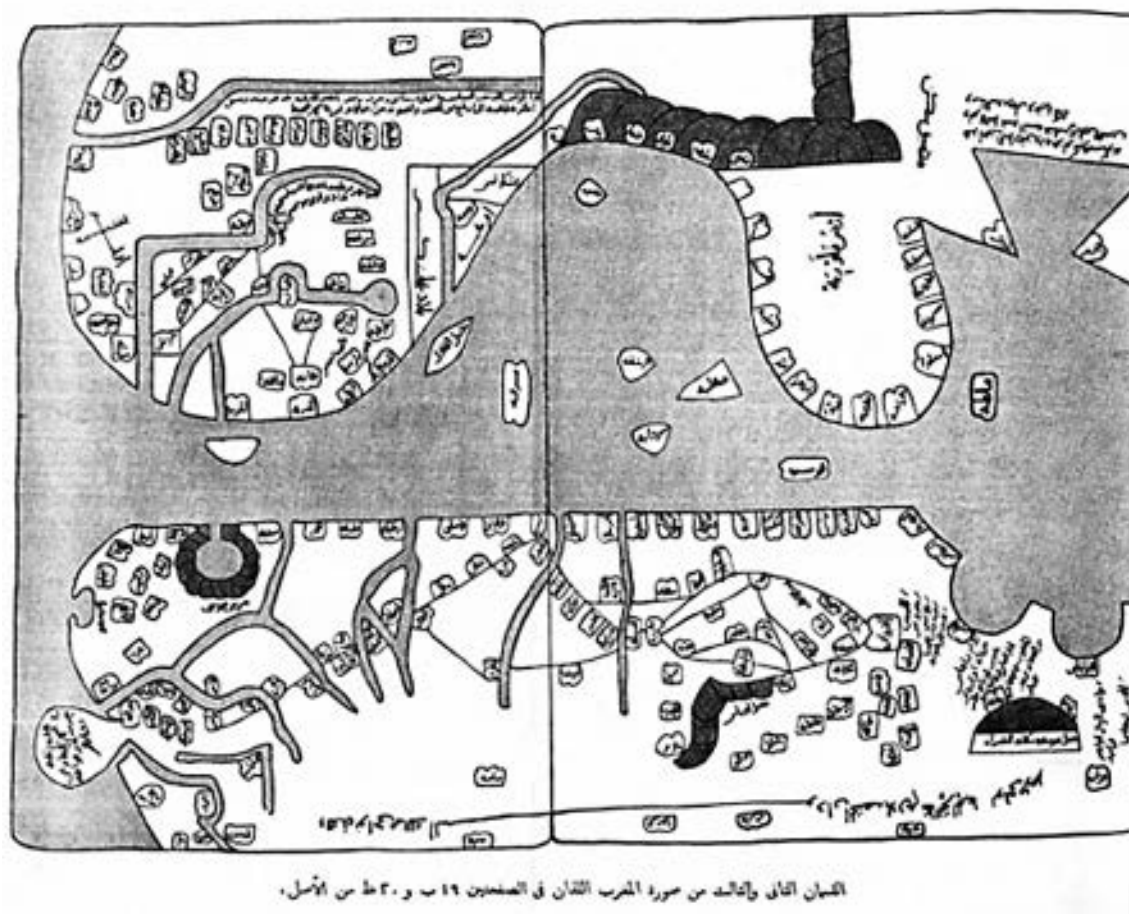

Рис. 2. Часть карты Средиземного моря из главы о Магрибе в рукописи Ибн Хаукала 1086 г. [Opus geographicum 1938: между сс. 77—78]

Коваль В. Ю.

О НОВЕЙШЕМ «ОТКРЫТИИ» ВИЗАНТИЙСКИХ ГЛАЗУРОВАННЫХ КУВШИНОВ В ИТАЛИИ

Koval V.

About the Latest «Discovery»
of Byzantine Glazed Jugs in Italy

В недавно вышедшей статье М.Г. Крамаровского [Крамаровский 2009: 333-345], продублированной в виде главы монографии [Крамаровский 2012: 292-303] на основе изучения ряда изображений сюжета «Свадьбы в Кане» в составе знаменитой алтарной иконы «Maesta», написанной в Сиене мастером Дуччо ди Буонинсенья, было высказано предположение, что все 3 имеющиеся в этом сюжете кувшина (fig. 1. 1-4) являются по своему происхождению византийскими, декорированными в так называемом «палеологовском стиле» (сочетание «сграффито» и выемчатой техники под темно-желтой глазурью)¹. Самое общее внешнее сходство между живописными изображениями и реальными археологическими артефактами действительно имеется. Оно прослеживается как по форме кувшинов – с округлым туловом, высоким цилиндрическим горлом и высоким поддоном («пьедестальной ножкой» по М.Г. Крамаровскому), так и по орнаментальным схемам, близким так называемому «шахматному» оформлению поверхности многих византийских кувшинов «палеологовского стиля». Приведенное М.Г. Крамаровским сопоставление живописных изображений и реальных керамических сосудов (fig. 1. 2-5) на первый взгляд столь велико, что в целом можно понять логику исследователя, предположившего византийскую атрибуцию сосудов, показанных на иконном

¹ Эта разновидность керамики в европейской научной литературе обычно именуется «Elaborate Incised Ware» (EIW).

сюжете. Правда, из 3 кувшинов только 2 имеют сходство с византийскими изделиями, а третий (fig. 1. 4) заметно от них отличается по форме – у него более широкая горловина и не видно высокого поддона. Однако подобные формы известны и среди византийских кувшинов, приведенных в качестве аналогий (рис. 1. 5). При всем том аргументация в пользу византийского происхождения сосудов, представленная М.Г. Крамаровским, весьма лаконична и укладывается в 5-6 строк. Кувшины описаны им как изготовленные «из желтоватой обожженной глины ... украшены в линейной манере вполне различимыми узорами, и несложно понять, что оригиналы, которые использовал мастер, были выполнены в технике сграффито» [Крамаровский 2009: 339]. К сожалению, автор гипотезы не раскрыл, по каким таким признакам стало «несложно понять», что мастером были изображены именно сосуды, орнаментированные «сграффито», а не в иной технике, например, красочной росписи. При всей своей краткости, описание кувшинов оказалось крайне противоречивым и путаным. Например, формовочная масса сосудов описана как «желтоватая глина». Но на картине видна только поверхность сосудов с орнаментацией. Как в этом случае можно было установить цвет глины глазурованного сосуда – не понятно. Но самое забавное то, что если бы эти кувшины действительно были изготовлены из желтоватой глины, то можно было бы априори исключать их византийское происхождение, поскольку ни одного кувшина или миски из глины такого цвета среди византийской керамики «сграффито» не известно. В X-XIII вв. в Византии изготавливали белоглиняную поливную керамику, однако вся она украшалась только росписью красками, а уже с XII в. подавляющая масса глазурованной посуды формовалась из красножгущихся глин, которые облицовывались белым ангобом, что, собственно, и позволяло наносить на них декор «сграффито». При этом большинство сосудов «палеологовского стиля» (EIW) имели темно-желтый цвет поверхности, но не за счет цвета глины, а из-за окраски глазури, положенной на слой белого ангоба, прикрывавшего красноглиняную основу. По-видимому, М.Г. Крамаровский имел в виду вовсе не глину, а глазурь, поскольку несколькими строками ниже, при описании уже археологических находок византийских кувшинов в Причерноморье,

он указывает, что они были покрыты «желтоватой» глазурью. Правда, он называет ее почему-то «оловянной», хотя при добавлении в глазурь окиси олова, она становится непрозрачной и никакой декор «сграффито» в этом случае уже невозможен, потому что он стал бы просто не виден (красная основа черепка не просвечивалась бы сквозь глухую глазурь).

Но дело даже не столько в этих, возможно, случайных, оговорках, а в самом подходе к интерпретации изучаемых изображений. Ни о какой «желтоватой» поверхности кувшинов в данном случае речь вообще не может идти, поскольку все изображения на «Maesta» имеют такой цвет (fig. 1. 1). В данном случае неважно, был ли он сознательно применен художником или является результатом естественного «старения» красочного изображения на деревянных досках за прошедшие 700 лет, – важно то, что мастер никак не выделил цвет кувшинов по отношению к фону, так что они не выглядят «более желтыми», нежели другие изображения. Скорее наоборот – они светлее фона и даже цвета рук людей (рис. 1. 2-4), а потому в момент создания иконы выглядели скорее как *белые с темно-коричневой орнаментацией*. Поэтому ни о каком их цветовом сходстве с темно-желтыми кувшинами EIW говорить вообще не приходится.

Все перечисленные небрежности описания и первичной интерпретации не позволяют в полной мере доверять определениям и выводам автора, для которого не столь важны состав глазури или цвет глины изделия, сколько общее художественное восприятие сосуда как произведения декоративно-прикладного искусства. Но для верной атрибуции керамических изделий (включая те, что изображены на картинах) важно не художественное «видение», а набор точно установленных признаков, позволяющих проводить идентификацию изделия.

Однако вернемся к существу выдвинутой гипотезы, из которой с неизбежностью вытекало, что византийские сосуды попали в мастерскую итальянского художника по путям международной торговли [Крамаровский 2009: 339] и стали тем реквизитом, который был им живописно воспроизведен в одном из сюжетов иконы. Поскольку шедевр Дуччо ди Бунинсеня был создан в интервале между 1308 и 1311 гг., М.Г. Крамаровский сделал вывод, что сосуды подобного облика уже производились

в Византии во второй половине XIII – начале XIV в. и стали столь широко распространены, что смогли оказаться в далекой итальянской Сиене [Крамаровский 2009. С. 340, 342; 2011. С. 101]. И этот вывод был бы справедлив, если бы удалось показать, что, во-первых, византийская EIW отложилась в археологических контекстах второй половины XIII в. на территории Византии, а, во-вторых – что византийская керамика была в это время предметом импорта в Италию. Однако М.Г. Крамаровский не привел никаких подобных доказательств. Нет их и у других исследователей.

Известные (опубликованные) археологические находки «Elaborate Incised Ware» из Византии и Причерноморья практически не имеют узких дат в рамках поздневизантийской эпохи, а потому в основной своей массе не могут быть привлечены для решения этой задачи. Правда, в цитированных работах М.Г. Крамаровского упомянута находка в землянке конца XIII в. в Солхате «упрощенного варианта подобного сосуда, свидетельствующего о возникновении местных подражаний» [Крамаровский 2009: 340], но поскольку ни сама эта находка, ни вмещавший ее комплекс, не опубликованы, а ее датировка не доказана, рассматривать ее как серьезный аргумент не приходится. Вторая ссылка на сосуд из Константинополя, найденный в слое XIII века, еще более сомнительна, поскольку эта находка происходила из раскопок первой половины XX века, когда хронология византийских древностей еще только начинала разрабатываться и деление материала по векам проводилось интуитивно.

На этом фоне существенное значение имеют многочисленные находки EIW из Азова, датировка которых проведена А.Н. Масловским на основании изучения десятков комплексов, содержащих монеты и разнообразные импорты. Рассматриваемая керамика появляется в средневековом Азаке только в первой половине XIV в. [Белинский, Масловский 2005: 162] В Херсонесе она зафиксирована в комплексах, датированных не ранее XIV в. [Романчук 2003: 89, табл. 73-76] Подобную хронологию имеют и некоторые находки с территории Руси, куда эта керамика попадала из Северного Причерноморья [Грибов, Коваль 2007: 221]. Таким образом, предлагаемое удревнение всей группы византийских изделий расходится с имеющимися достоверными археологическими фактами.

Если обратиться к Италии, то там известно большое число находок византийской поливной посуды, но они относятся к более ранним эпохам – начиная с V в. н.э. Самые поздние образцы византийского керамического импорта принадлежат группе «Zeuxippos Ware», производство которой относится не позже чем к XIII в. [Gelichi 1993: 5-45; Saccardo 1998: fig. 4-16] Возможно, византийская поливная посуда продолжала ввозиться в Италию и на протяжении XIV века, но она здесь потеряла популярность и превратилась в большую редкость. Если посмотреть на одежду персонажей «Свадьбы в Кане», архитектуру, интерьер, то там трудно заметить изобилие экзотических предметов. Поэтому гораздо более вероятно, что в качестве реквизита им использовалась та посуда, которая была хорошо знакома жителям Сиены и могла быть куплена в любой посудной лавке.

Всё это заставляет усомниться в предложенной М.Г. Крамаровским атрибуции и обратиться к собственно итальянской керамике XIII – начала XIV вв., как наиболее вероятному источнику использованного художником реквизита. И такое обращение позволяет увидеть, что аналогичные по формам и декору кувшины изготавливались во многих городах Италии XIII в., исследователи относят их к группе «*maiolica Archaica*», которая украшалась не «сграффито», а подглазурной росписью красками. При этом формы кувшинов с небольшим округлым туловом и высоким цилиндрическим горлом (которые как раз и имеют сходство с поздневизантийскими) нельзя назвать самыми распространенными в Италии того времени, они встречаются реже, чем кувшины со слабо выделенной горловиной, незаметно переходящей в тулово (fig. 1. 4). Однако такие формы стабильно встречаются среди итальянской керамики: они известны в ранней (XIII-XIV вв.) майолике центральной Италии – в Тоскане, Умбрии, Лацио, Марке [Blake 1980: fig. 2, 15; Cristofani 1971; Palumbo 1971: tav. LXXVII. e; Portoghesi 1972: fig. 14; Francovich 1993: fig. 123. 1; Constantini 1994: tav. 5. 3, 7.1; Berti 1997: fig. 120, 121; Ricci, Vendittelli 2010: 115, tav. II. 19-21] (fig. 2).

Что касается клетчатых и ромбических схем орнаментации поверхности кувшинов, то они нередко использовались в Италии XIII-XIV вв.: их можно видеть на кувшинах Пизы [Berti 1997: fig. 120, 121, 141, 142], кувшинах

и альбарелло Фаэнцы (Inv. 11359 и 25171 Музея керамики Фаэнцы), кувшинах Ареццо [Francovich, Gelichi 1983: fig. 4] и многих других изделиях Центральной и Северной Италии (fig. 2. 1, 3, 6, 12) [Ricci, Vendittelli 2010: 113, fig. 24]. Среди иных рисунков, которые можно заметить на кувшинах, изображенных Дуччо де Буонинсенья, выделяются вертикальные и горизонтальные пояса с цепевидным орнаментом, имевшим самое широкое распространение на «*maiolica Archaica*» (fig. 2. 2), а также птица в геральдической позе, вызвавшая удивление у М.Г. Крамаровского, справедливо заметившего, что на византийской керамике подобные изображения не известны [Крамаровский 2009: 344]. Но зато такие мотивы широко представлены именно на итальянской майолике XIII-XIV вв. (fig. 2. 7, 8) [Blake 1980: fig. 3, 12; Francovich 1993: fig. 4, 26-28; Francovich, Gelichi 1983: tav. 1].

Наконец, следует обратить внимание на очевидно яркую деталь декора кувшинов – плотно размещенные горизонтальные или наклонные линии, показанные художником на ручках всех 3 сосудов, фигурирующих в сюжете «Свадьбы в Кане» (fig. 1. 2-4). Такой декор ручек начисто отсутствует в византийской EIW, где линии «сграффито» всегда размещались вдоль ручки сосуда. Зато он является едва ли не обязательным в украшении итальянской майолики XIII-XIV вв. (fig. 2. 1-3, 6, 8) [Blake 1980: fig. 2-4, 12; Francovich 1982: fig. 2, 7; Constantini 1994: tav. 5; Berti 1997: fig. 120, 121]. Уже по одной только этой детали можно уверенно отвергать византийскую атрибуцию кувшинов с «*Maesta*» и констатировать их итальянское происхождение. Это тот редкий случай, когда всего один, но очень характерный, элемент декора надо воспринимать как надежный индикатор происхождения сосуда.

Следует заметить, что М.Г. Крамаровский был отнюдь не первым исследователем, внимание которого привлекли кувшины, изображенные в сюжетах «*Maesta*», эти сосуды неоднократно и подробнейшим образом анализировались крупнейшими западноевропейскими специалистами (Х. Блэйком, Р. Франковичем и др.), причем все они неизменно рассматривали их именно как образцы местного гончарства [Blake 1980: tav. XIV. a, b, c; Francovich 1993: 52-54, fig. 42-47]. Для этих кувшинов неизменно указывались только итальянские аналогии, причем все такие исследования проводились не в отрыве от других сюжетов «*Maesta*», а в комплек-

се с ними. Комплексное же рассмотрение источника позволяет увидеть в других сюжетах (например, «Тайной вечери») воспроизведенные мастером иные формы также типично итальянских кувшинов [Francovich 1993: fig. 41]. Поэтому не было и нет никакой необходимости искать византийские аналогии сосудам, совершенно типичным для итальянской майолики времени создания «Maesta». Соответственно, нет никаких оснований пересматривать хронологию византийской керамики первой половины – середины XIV века и удревнять ее на полстолетия.

Дальнейшее обсуждение этой темы представляется излишним, а вопрос о «византийских» кувшинах на итальянской иконе следует считать закрытым – их там попросту не было, а изображены были итальянские кувшины группы «maiolica Archaica».

Однако замеченное М.Г. Крамаровским сходство форм итальянских кувшинов XIII-XIV веков с византийскими кувшинами EIW, *датирующимися не ранее первой половины XIV в.*, заставляет задуматься о происхождении последних. Ведь их форма совершенно необычна для керамической продукции Балкан и Малой Азии, а ее происхождение до сих пор осталось невыясненным. Сравнение форм кувшинов EIW с итальянскими позволяет предполагать, что истоком совершенно новой для Византии разновидности кувшинов могли стать именно эти итальянские образцы. О том, что итальянская посуда импортировалась на территорию Византии в XIII в., свидетельствуют археологические находки из Коринфа, отложившиеся в контексте, датированном до 1312 г., среди которых разнообразные кувшины составляют большинство, причем среди них имеются как раз такие формы, которые близки более поздним византийским сосудам EIW [Williams 1993: pl. 3. 24, 4. 18-22].

Поэтому гораздо более правдоподобной кажется мысль о том, что именно итальянская керамика могла воздействовать на выработку новых форм византийской поливной посуды, что гораздо лучше согласуется с более ранней догадкой М.Г. Крамаровского о формировании керамики «палеологовского стиля» в результате культурного взаимодействия греческих гончаров с латинянами [Крамаровский 1996: 102]. Кроме того, нельзя не согласиться с мыслью о возможном влиянии на поздневизантийскую

керамику форм металлической посуды. Гравированный декор, темно-желтая (цвета латуни) глазурь и некоторые детали оформления «палеологовских» кувшинов (например, резкие переломы стенок, круглые налеты-«таблетки» (похожие на заклепки) на ручках и стенках этих сосудов явно свидетельствуют о том, что они имитировали прежде всего металлическую (скорее латунную или бронзовую, чем золотую) посуду.

Само появление в палеологовской Византии новых форм глазурованной посуды, не имеющей корней в местном гончарстве, можно связывать с последствиями Четвертого крестового похода и значительной сменой населения крупнейших городов Византии, когда произошло смещение во вкусах и запросах потребителей гончарной продукции. Распространение в Византии и регионах, отторгнутых от нее латинянами, европейской керамики (южноитальянской протомайолики, испанского люстра, североитальянской майолики) должно было также оказывать давление на вкусы греческого населения. Эпоха Палеологов стала периодом заметных трансформаций в византийском керамическом производстве, которое оказалось под сильным влиянием европейского (прежде всего, итальянского) гончарства.

Библиография

- БЕЛИНСКИЙ И., МАСЛОВСКИЙ А. Н. Импортная поливная керамика Азака (XIV в.) // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X-XVIII вв. — Киев: «Стилос», 2005. — с. 160-177.
- ГРИБОВ Н. Н., Коваль В. Ю. Восточная керамика из окрестностей Нижнего Новгорода // КСИА. — Вып. 221. — М., 2007. — с. 216-227.
- КОВАЛЬ В. Ю. Керамика Востока на Руси. IX-XVII вв. — М.: Наука, 2010. — 269 с.
- КРАМАРОВСКИЙ М. Г. Три группы поливной керамики из Северного Причерноморья // Византия и византийские традиции. СПб., 1996. — с. 96-116.
- КРАМАРОВСКИЙ М. Г. «Свадьба в Кане» Дуччо ди Буонинсеня (библейские контексты и археологический комментарий) // Лазаревские чтения. Искусство Византии, Древней Руси, Западной Европы. — М.: Издательство МГУ, 2009. — с. 333-345.
- КРАМАРОВСКИЙ М. Г. Добруджа и Восточный Крым во второй половине XIII — начале XIV в. по данным археологии // Труды Государственного Эрмитажа. Т. LVII (Балканский сборник). — СПб., 2011. — с. 88-106.
- КРАМАРОВСКИЙ М. Г. Человек средневековой улицы. Золотая Орда, Византия, Италия. — СПб.: Евразия, 2012. — 496 с.

РОМАНЧУК А.И. Глазурованная посуда поздневизантийского Херсона. Екатеринбург: НПП «Волот», 2003. — 224 с., 229 табл.

BERTI G. Pisa. Le “Maioliche Arcaiche”. Secc. XIII-XV (Museo Nazionale di San Matteo). — Firenze, 1997.

BLAKE H. The archaic Maiolica of north-central Italy: Montalcino, Assisi and Tolentino // Faenza. — An. LXVI. — Faenza, 1980. — p 91-152.

CAIGER-SMITH A. Lustre pottery. London: Faber and Faber, 1985. — 246 p.

CONSTANTINI R. Le ceramiche medievali rivestite: le produzioni smaltate e la ceramica graffita // Ad mensam. Manufatti d’uso da contesti archeologici fra tarda antichità e medioevo. Udine: Del Bianco Editore, 1994. — p. 263-318.

CRISTOFANI M. Ceramiche medievali da Volterra // Faenza. — An. LVII. — Faenza, 1971. — p. 3-19.

FRANCOVICH R. La ceramica medievale a Siena e nella Toscana meridionale (secc. XIV-XV). Firenze, 1982. — 170 p.

FRANCOVICH R., GELICHI S. La ceramica medievale nelle raccolte del museo medievale e moderno di Arezzo. — Firenze, 1983.

GELICHI S. La Ceramica nel mondo Bizantino tra XI e XV secolo e i suoi rapporti con l’Italia. — Firenze, 1993. — p. 5-45.

PALUMBO G. Vasi medievali ad Assisi // Faenza. — An. LVII. — Faenza, 1971. — P. 83-93.

PORTOGHESI L. Ceramica medievale in Tuscania // Faenza. — An. LVII. — Faenza, 1972. — P. 58-67.

RICCI M., VENDITTELLI L. Ceramiche medievali e del primo rinascimento (1000-1540). — Milano, 2010. — 318 p.

SACCARDO F. Venezia. Le importazioni ceramiche tra XII e XIII secolo // Ceramiche, città e commerci nell’Italia tardo-Medievale. — Mantova, 1998. — p. 49-74.

WILLIAMS II C. Italian imports from a church complex in Ancient Corinth // Gelichi, 1993. — P. 263-282.

Переводы географических названий:

Ассизи – Assisi

Вольтерра – Volterra

Монтальчино – Montalcino

Сиена – Siena

Фаэнца – Faenza

Иллюстрации к статье

Fig. 2. «Maiolica Archaica» из разных городов Италии (XIII-XIV вв.). 1, 2 — Пиза (Berti 1997: fig. 120, 121); 3 — Монтальчино (Francovich 1982: fig. 123. 1); 4 — Тоскана (Francovich 1982: 125); 5 — Ассизи (Blake 1980: fig. 15); 6 — Вольтерра (Cristofani 1971: fig. 3); 7-10 — Сиена (Francovich 1982: fig. 27, 2, 6, 7); 11 — Тоскана (Portoghesi, 1972: fig. 14); 12 — Фаэнца (Музей Фаэнцы, Inv. 11359)

Козлов М. Н.

К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ ВИЗАНТИЙСКОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В ХРИСТИАНСКИХ ОБЩИНАХ ДРЕВНЕЙ РУСИ ДОХРИСТИАНСКОЙ ЭПОХИ

Kozlov M.

On the Formation of the Byzantine System of Education
in the Christian Communities of Ancient Rus
of the Pre-Christian Era

Процесс становления и развития византийской образовательной системы в Древней Руси в дохристианский период – одна из самых сложных и малоизученных проблем в отечественной гуманитарной науке. Между тем, византийская система образования, используемая первыми христианскими общинами Древней Руси, самым существенным образом оказывала влияние на социально-экономические, политические и культурно-религиозные процессы, происходящие в древнерусском обществе. Появление грамотных людей в древнерусском государстве способствовало активизации международной торговли и развитию ремесленного производства в Древней Руси. Быстрое становление и распространение христианской системы образования в купеческой и воинской среде в конце I тыс. способствовало постепенному сокращению влияния древнерусского жречества и, в конечном итоге, привело к христианизации восточнославянских земель.

Во второй половине XX в. – начале XXI в. в восточнославянских землях было обнаружено значительное количество артефактов дохристианской эпохи с надписями, сделанными на кириллице. Особенно важное

значение имело открытие древнейшего из дошедших до наших дней учебного пособия – Новгородской псалтыри, используемой для обучения детей-христиан во второй половине X – начале XI вв.

Артефакт был найден 13 июля 2000 г. в Людином конце Софийской стороны древнего Новгорода. Книга состояла из трех деревянных (липовых) дощечек размером 19x15x1 см. Каждая дощечка имеет прямоугольное углубление (15 x 11.5 см), залитое воском; на средней дощечке такие углубления сделаны с двух сторон. Таким образом, кодекс содержит четыре восковых страницы, так называемые церы. Радиоуглеродный анализ воска из данного артефакта показал временной интервал, вычисленный с надежностью 68.2% – 860-1010 гг. [Зализняк, Янин 2001: 202-203].

На внешних сторонах Новгородской псалтыри были обнаружены многочисленные царапины и надрезы, заметны общая потертость дерева, закругленность углов. Кроме того, обнаружены следы ремонта книги. По мнению В.Л. Янина, прежде чем попасть в землю, книга использовалась на протяжении многих десятилетий [Янин 2008: 348-349].

Если предположить, что Новгородская псалтырь попала в землю в начале XI в., то период ее активного использования должен был прийтись на вторую половину X в. Таким образом, она является важнейшим источником изучения древнерусской письменности и системы образования наших предков дохристианской эпохи.

Данный факт позволяет поставить под сомнение господствующую уже на протяжении нескольких веков в отечественной исторической науке точку зрения, согласно которой система образования возникла в Древней Руси после 988 года [Иловайский 1905: 169], [Тихомиров 1975: 261].

Исторический анализ византийской системы образования в христианских общинах Древней Руси языческой эпохи – главная цель данной статьи.

Во второй половине X в., христианство быстро начало распространяться среди дружинно-купеческого сословия Древней Руси. Византийская империя видела в первых древнерусских христианах агентов своего влияния. По этой причине в русские земли отправляли хорошо подготовленных специалистов – учителей и немалые средства для воспитания

и обучения детей в первых христианских общинах. Система воспитания детей-христиан включала обучение грамоте: чтению и письму на нескольких языках, а также языкам и основам арифметики. Дети, получившие образование в христианских общинах, в будущем оказывались рьяными сторонниками христианства и главной опорой христианского духовенства.

Усилия византийского духовенства совпали с интересами усилившейся в X в. восточнославянской воинской и торговой знати. Для управления княжескими владениями, боярскими и купеческими усадьбами были необходимы грамотные люди. Крупные древнерусские города, стоящие на пути «из варяг в греки», вели оживленную международную торговлю. Для осуществления торговых операций также были необходимы люди, владеющие основами счета, грамотой и иностранными языками.

Согласно данным археологии, в Древней Руси второй половины X в. в крупных городах и боярских усадьбах появилось значительное количество людей, владеющих искусством кириллического письма. Так, исследователи неоднократно фиксировали в археологических слоях X в. древнего Новгорода специальные инструменты для письма – стилосы, изготовленные из кости или бронзы [Медведев 1960: 63-88], [Овчинникова 2000: 61].

Эти инструменты первые русские христиане обычно использовали для нанесения текста на восковые таблички. Подобные предметы, относящиеся ко второй половине X в., были найдены также при раскопках древнерусских городов по реке Неман, а также летописного Бужска на западе Руси [Гуревич 1973: 28-34], [Довгань 2009: 27].

В настоящее время найдено свидетельство того, что христианские общины крупных древнерусских городов уже во второй половине X в. осуществляли обучение кириллической грамоте русских детей. Так, единственная дошедшая до нашего времени древнерусская книга X в. – Новгородская псалтырь, оказалась славянским переводом греческого евангелия, используемого в раннехристианскую эпоху обычно в качестве образца для обучения детей грамоте. Артефакт оказался одновременно учебником и функциональным аналогом грифельной доски. Автор, показав ученикам написанный текст, затирает его, а затем на «зачищенном» месте писал новый текст [Конявская 2000: 119-120].

Филологическая экспертиза установила, что все записи в древнейшей восточнославянской книге вел один и тот же человек, мастер своего дела, русский по происхождению. По мнению А.А. Зализняка, автор древнейшей восточнославянской книги был из числа тех детей, которых князь Владимир отправил учиться грамоте [Зализняк 2001: 205].

Вместе с тем, элементарные подсчеты указывают на тот факт, что автор Новгородской псалтыри никак не мог получить образование после 988 г. Так, если предположить, что в начале XI в. первая из дошедших до нас древнерусских книг попала в мусорную кучу, значит, самый поздний период ее функционирования пришелся на конец X в., то есть как раз то время, когда Владимир отправил первых детей учиться. Учебу в Древней Руси XI-XII вв. начинали в возрасте 7 лет. В таком случае, по мнению А.А. Зализняка, автором Новгородской псалтыри был ребенок! Между тем, по мнению филологов, все записи в Новгородской псалтыри вел мастер письма. Сейчас можно с уверенностью утверждать, что автор первой дошедшей до нас древнерусской книги писал на восковых табличках своей церы во второй половине X в., и образование свое получил он задолго до крещения Киева.

Таким образом, можно предположить, что в древнем Новгороде еще до образования князем Владимиром христианской школы существовал образовательный центр, в котором неизвестный древнерусский писец-мастер обучал грамоте детей. Центр этот, скорее всего, существовал при поддержке Византии и обучение там осуществляли византийские учителя.

Обучение в христианских школах X в., скорее всего, было подобным тому, что существовало в школе древнего Ростова, организованной святым Леонтием Ростовским (греком по происхождению) в середине XI в. Так, и школа Леонтия Ростовского, и первые восточнославянские христианские школы функционировали в среде язычников и имели общую цель – обращение как можно большего количества молодых людей в христианскую веру.

Из текста Жития Леонтия Ростовского мы узнаем о том, что святой обучал своих маленьких учеников грамоте (вероятно, имелось ввиду умение читать, писать и считать), а также русскому, мерьскому и греческому

языкам [Титов 1892: 7]. Епископ Леонтий проводил свои занятия первоначально в самом Ростове при соборной церкви Успения Богородицы, а затем недалеко от города на потоке Брутовщина при церкви Михаила-Архангела. Обучение было групповым (в источнике говорится, что ростовский епископ обучал «детей младых»). Система обучения в древнерусских школах дохристианской эпохи, очевидно, была аналогичной той, что существовала в восточнославянских христианских школах XI-XIII вв. Так, согласно берестяным грамотам, написанных мальчиком Онфимом, дети обычно заучивали буквы кириллического письма и фиксировали их на глиняных табличках, покрытых воском, или бересте. Из этих букв составляли слова и цифры [Иванов 2015: 155-158].

Существование определенных правил написания цифр (с помощью сочетания букв) подразумевало изучение в христианских школах простейших арифметических действий.

Воспитанники святого Леонтия жили при церкви и, вероятно, содержались за счет своего учителя. Так, в третьей редакции Жития говорится о том, что после изгнания Леонтия из Ростова он набирал себе новых учеников из числа детей-бродяжек, страдающих от голода [Воронин 1964: 25]. Сам же Леонтий должен был получать материальную поддержку от православной церкви и местных князей.

Атмосфера в первых древнерусских христианских школах, очевидно, была доброжелательной и вполне соответствовала рисунку, нацарапанному на одной из берестяных грамот (№ 26) маленьким новгородцем Онфимом, проходившим обучение в древнерусской школе XIII в. Так, на рисунке мальчика были изображены семь человечков: один с краю – побольше (учитель), а остальные шестеро – поменьше (ученики). Все изображённые на рисунке держатся за руки и выглядят веселыми [Иванов 2015: 156].

Вместе с тем, первые ученики христианских школ и их учителя постоянно подвергались опасности физической расправы со стороны соотечественников-язычников. Так, согласно «Посланию епископа Симона Владимирского и Суздальского к Поликарпу, черноризцу Печерскому» святого Леонтия Ростовского во время очередного антихристианского выступления жители Ростова сильно избили и изгнали из города: «много

мучивше бивше» [Киево-Печерський патерик 1991: 102]. В третьей редакции жития говорится о том, что ростовский епископ, изгнанный из города, набирал себе новых учеников [Воронин 1964: 25].

Судьбу первых учеников Леонтия Ростовского неожиданно прояснили археологические раскопки Успенского собора города Ростова. Так, в 2015 г., здесь в раскопе у Воскресенских ворот были найдены детские захоронения второй половины XI в., совершенные по христианскому обряду. Останки имеют явные признаки насильственной смерти. Примечательно, что данные детские захоронения не положили начала кладбищу, и оказались перекрыты в будущем языческими захоронениями [Леонтьев 2015: 47].

О том, что преподаватели первых христианских школ в крупных древнерусских городах дохристианской эпохи вели жесткую бескомпромиссную борьбу с язычниками, свидетельствует текст уникальной клятвы, нацарапанной на одной из табличек Новгородской псалтыри: «Да будем работниками ему (Иисусу Христу), а не идольскому служению. От идольского обмана отвращаюсь. Да не изберем пути погибели. Всех людей избавителя Иисуса Христа, над всеми людьми приявшего суд, идольский обман разбившего и на земле святое свое имя украсившего, достойны да будем» [Зализняк 2001: 208].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что уже второй половине X в. в Древней Руси при христианских общинах существовали центры образования византийского образца. В данных образовательных центрах обучали основам счета и письма.

Библиография:

ВОРОНИН Н. Н. «Житие Леонтия Ростовского» и византийско-русские отношения второй половины XII в. // Византийский временник. — Т. XXIII. — М.: Издательство Академии наук СССР, 1964. — С. 23-44.

ГУРЕВИЧ Ф. Д. Грамотность горожан древнерусского Понеманья // Краткие сообщения Института археологии. — М.: Наука, 1973. — Вып. — 135. — С. 28-34.

ДОВГАНЬ П. М. Особливості північно-східної площадки городища літописного Бужська // Вісник інституту археології. — 2009. — Вип. 4. — С. 22-45.

ЗАЛИЗНЯК А. А. Янин В. Л. Новгородская псалтырь начала XI века — древнейшая книга Руси // Вестник российской академии наук. — 2001. — Том 71. — № 3. — С. 202-209.

ИВАНОВЕ В. О педагогическом содержании новгородских берестяных грамот // Вестник новгородского государственного университета. — 2015. — № 84. — С. 155-158.

ИЛОВАЙСКИЙ Д. История России. В 5 томах. — Том 1. Становление Руси. — М.: Типография Кушнарева, 1905. — 860 с.

КИЄВО-ПЕЧЕРСЬКИЙ ПАТЕРИК / під ред. Д.І. Абрамовича. — Київ: Час, 1991. — 230 с.

КОНЯВСКАЯ Е. Л., Конявская С. В. Новгородские открытия 2000 года. Редакционный отчет о поездке в Новгород 4-6 августа 2000 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — 2000. — № 1 (1). — С. 119-124.

ЛЕОНТЬЕВ А. Е., Археологические данные к истории Ростовской епархии // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура. — Москва-Вологда: Древности Севера, 2015. — С. 45-52.

МЕДВЕДЕВ А. Ф. Древнерусские писала X-XV вв. // Советская археология. — 1960. — № 2. — С. 63-88.

ОВЧИННИКОВА Б. Б. Писала-стилосы древнего Новгорода X-XV вв. (свод археологического источника) // Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие. — Екатеринбург: Банк культурной информации, 2000. — С. 45-105

ТИТОВ А. А. Житие св. Леонтия епископа Ростовского. Со списка, сделанного О. М. Бодянским из рукописи XV века, принадлежащей Кириллову Новоозерскому монастырю. — Ярославль: Типография Я. Строева, 1892. — 121 с.

ТИХОМИРОВ М. Н. Древняя Русь / М. Н. Тихомиров. — М.: Наука, 1975. — 427 с.

ЯНИН В. Л. Очерки истории средневекового Новгорода / В. Л. Янин. — М.: Языки славянских культур, 2008. — 400 с.

Краснодубец Е. М.

СТЕКЛЯННАЯ ВСТАВКА С ЗОЛОТОЙ ИНКРУСТАЦИЕЙ ИЗ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО

Krasnodubets E.

Glass Insert with Gold Inclusion from Tauric Chersonesos

В 1902 г. при раскопках склепа № 1206 Херсонесского некрополя в Карантинной балке под руководством К.К. Косцюшко-Валюжинича была совершена редкая находка стеклянной вставки с инкрустацией в виде виноградного листа (рис. 1) [Косцюшко-Валюжинич 1904: 4, 5; НАО ГМЗХТ Ф. 1. Д. 1.: 61 (об.), 62].

Вставка уплощенно-цилиндрической формы (d 14, h 2,5 мм) состоит из двух слоев кобальтового (2 мм) и непрозрачного молочно-белого стекла (0,5 мм). Контур виноградного листа, расположенного на синем фоне, образуют витки уплощенной золотой проволоки (b менее 0,5 мм), закрепленной в слое стеклянной пасты (ныне полностью ирризованой), менее плотной структуры, нежели основа. Плохая сохранность массы заполнения фигуры листа обусловила нестабильность фиксации золотой проволоки и, как следствие, ее частичную утрату. Стоит заметить, что повреждения листка были отмечены еще самим Карлом Казимировичем при составлении отчета о раскопках [Косцюшко-Валюжинич 1904: 5]. Причина тому, вероятно, в долгом периоде функционального использования украшения, преодолевшего значительные расстояния и сменившего многие поколения владелиц.

Подобные вставки, созданные во второй половине I в. до н.э. – первой половине I в. н.э. как правило, служили украшениями золотых подвесок. По неизвестным нам причинам, техника изготовления этих изысканных украшений не получила широкого распространения [Konkin 2012: 49], хотя по уровню технологической сложности уступает изделиям, выпол-

ненным в технике “gold sandwich glass”. В собраниях крупных музеев аналогичных вставок известно менее двадцати [Froehner 1903: 88, 89, № 604, 605, 609, pl. 66.2,3,7; Konkin 2012: 48, II.3.5; Nesbitt 1871, P. 15, № 77, 78; Neuburg 1949: № . 23, pl. VIII; Pannuti 1983: 169, nos. 326, 327; Sangiorgi 1914: 76, № 283; Smith 1949: 49; Whitehouse 1997: 24, № 17; Zwierlein-Diehl 1991: 232, 233, № 2530-2534]. Среди инкрустированных изображений виноградные листья, ящерица, дельфин, петух и попугай; форма плакеток округлая или прямоугольная; пастовое стекло из заполнения фигур имеет окраску белого, желтого, зеленого и красного цвета. Большинство украшений попало в музеи из частных коллекций, а потому особенно важными в качестве датирующих реперов являются находки вставок с инкрустациями в виде виноградных листьев при раскопках Помпей [Pannuti 1983: 169, № 326, 327]. В качестве места изготовления этих вставок в историографии традиционно указывается Египет, впрочем, без локализации мастерских. В то же время, находки четырех вставок из Сидона, хранящихся в Британском Музее [Konkin 2012: 49], говорят нам о другом возможном центре производства.

Судя по описанию, составленному в отчете для Императорской Археологической комиссии, среди погребального инвентаря было множество стеклянных пронизей, четыре пары золотых серег, пять золотых индикаций, оттиснутых с римских императорских монет, сердоликовая гемма с вырезанной ящерицей, железный перстень, два серебряных детских браслета, поясные пряжки и детали сбруи, глиняные кувшинчики и кубки, масляные светильники с рельефными изображениями и лучевой орнаментацией, стеклянные бальзамарии, подвески, амулеты, десять херсонесских монет периода второй элевтерии и одна римская «неразборчивая» (бюст императора – Геракл с палицей) [Косцюшко-Валюжинич 1904: 4, 5].

К сожалению, большинство предметов из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича депаспортизированы. Тем не менее, некоторым находкам автор раскопок уделил особое внимание, сопроводив текст фотоиллюстрациями [Косцюшко-Валюжинич 1904: 4]. Речь идет о золотой серьге с гранатовой вставкой, аналогии которой, также происходящие из некрополя Херсонеса, датируются III в. н.э. [Журавлев 2017: 46, № 87] и паре

агатовых камней с женскими изображениями (ГЭ, инв. № 1902.12, 1902.13) из рассыпавшихся серебряных медальонов [Косцюшко-Валюжинич 1904: 4]. Согласно определению О.Я. Неверова, на обеих камнях в профиль изображена супруга императора Гелиогабала, Юлия Паула [Неверов 1988: 121, 122, № 276, 277]. Однако, ввиду схематичности представленных черт лица, мы не можем с уверенностью разделить это мнение. Стиль прически, представленный на камнях, характерен для правящих императриц династии Северов: на основании одного лишь этого сходства портрет в той же мере возможно связать с Юлией Домной, Юлией Маммеей, Саллюстией Орбианой. Массовое производство подобных камней (особенно между 160-180 и 200-230 гг.н.э.) характерно для дунайских провинций, которые из-за своего стратегического положения были объектом особого внимания имперской пропаганды [Dimitrova-Milcheva 1980: 18, 96, № 296-298; Tassinari 2008: 288]. Центр их изготовления предположительно локализуется в Виминациуме [Поповић 1989: 11; Milovanović 2018: 111, fig. 5], где отмечена наибольшая концентрация таких находок, в том числе, золотого медальона с камеей с идентичным женским изображением, датированного вторым десятилетием III в.н.э. [Raičković, Milovanović 2010: 97-98, fig. 46].

Значительный хронологический разрыв между предполагаемым временем изготовления вставки с виноградным листом и датировкой комплекса погребения лишает нас возможности уточнить время ее проникновения в Херсонес. Тем не менее, эта находка дополняет немногочисленный ряд известных науке украшений с комбинированными инкрустациями из золотой проволоки и цветного стекла.

Библиография:

ЖУРАВЛЕВ Д.В. Золото Херсонеса Таврического (Ювелирные изделия из собрания Государственного исторического музея) / Д.В. Журавлев, Е.Ю. Новикова, С.А. Коваленко, М.С. Шемаханская. — М., 2017.

КОСЦЮШКО-ВАЛЮЖИНИЧ К.К. Извлечение из отчета К.К. Косцюшко-Валюжинича о раскопках в Херсонесе в 1902 году (с 3 табл. И 40 рис.) // ИИАК. — СПб, 1904. Вып. 9. С. 1-62.

НЕБЕРОВ О.Я. Античные камеи в собрании Эрмитажа. — Л., 1988.

Описание древностей, найденных при раскопках Херсонесского городища и некрополя в 1902 г. НАО ГМЗХТ Ф.1. Д. 31. 80 л. с об.

ПОПОВИЋ И. Римске камеје у Народном музеју у Београду. — Београд, 1989.

DIMITROVA-MILCHEVA A. Antike Gemmen und Kameen aus dem Archäologischen Nationalmuseum in Sofia. — Sofia, 1980.

FROEHNER W. Collection Julien Gréau. Verrerie antique, émaillerie et poterie appartenant à M. John Pierpont Morgan. — Paris, 1903.

KONKIN S.V. Artistic features of Antiquity glass: aspects of combining glass and gold. Degree Paper. — Moscow, 2012.

MILOVANOVIĆ B. Jewelry as a Symbol of Prestige, Luxury and Power of the Viminacium Population // Vivere Militare Est. From Populus to Emperors — Living on the Frontier. Vol. 2. — Belgrade, 2018. P. 101-141.

NESBITT A. Catalogue of the Collection of Glass Formed by Felix Slade, Esq., F.S.A., with Notes on the History of Glass-making. — London, 1871.

NEUBURG F. Glass in Antiquity. — London, 1949.

PANNUTI U. Museo Archeologico Nazionale di Napoli: Catalogo della collezione glittica. Vol I. — Rome, 1983.

RAIČKOVIĆ A., MILOVANOVIĆ B. Development and changes in Roman fashion showcase Viminacium // Archaeology and Science. — Beograd, 2011. № 6. P. 77-107.

SANGIORGI G. Collezione di vetri antichi. dalle origini al V. sec. D.C. — Milano, Roma, 1914.

SMITH R.W. The Significance of Roman Glass // Bulletin of the Metropolitan Museum of Art. — New York, 1949-1950. № 8 (2). P. 49-60.

TASSINARI G. La produzione glittica a Roma: la questione delle officine nel mondo romano in epoca imperial // Rivista di Studi Liguri. — Bordighera, 2008. № LXXIV. P. 251-318.

WHITEHOUSE D. Roman Glass in the Corning Museum of Glass. Vol. 1. — New York, 1997.

ZWIERLEIN-DIEHL E. Die antiken Gemmen des Kunsthistorischen Museums in Wien, Band 3. Die Gemmen der späteren römischen Kaiserzeit, Teil 2. — Prestel Verlag, München, 1991.

Кузенков П. В.

СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ КАК «КУЛЬТУРНЫЙ ПЛАЦДАРМ» ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (VI–XI вв.)

Kuzenkov P.

Northern Black Sea Region as a «Cultural Bridgehead»
of Byzantine Empire (6th-11th c.)

Отношения Византии с окрестными государствами и народами в средневизантийский период выстраивались по-разному. В отношении с арабами, создавшими свою высокую культуру, упор делался на военные действия и дипломатию. В западной политике Империи на первое место вышли церковные вопросы и полемика о «римском наследии». А на севере, в отношениях с исторически «юными» народами, главным инструментом имперской политики стало культурное влияние. Оно шло по двум связанным направлениям. С одной стороны, Империя являлась богатой и высокоразвитой цивилизацией, с широким спектром притягательных предметов потребления «премиального сегмента». Приобщение к этой цивилизации было престижно и заманчиво, особенно для народов, не избалованных высоким уровнем бытовой культуры. И если даже арабы в эпоху «золотого века» Аббасидов (VIII–X вв.) расценивали греков как непревзойдённых философов и изобретателей [Джахиз 1993: 86, 91], что говорить о тюрках и славянах? Именно на этот эффект были нацелен протокол посольских приемов византийского двора, с его пышными церемониями и хитроумными диковинами (наподобие «Соломонова трона» с пневмолифтом и механическими львами и птицами) [Новиков 2006: 324-325]. Византийские предметы роскоши составляют значительный объем археологических находок в Северном Причерноморье.

Но помимо материальных ценностей Византия обладала и ценностями иного рода, которые сами ромеи расценивали как значительно более

важный ресурс. Это была христианская культура. И именно в этой сфере влияние Византии имело наиболее важные последствия. К христианской миссии византийцы подходили иначе, чем западноевропейцы: евангельскую проповедь они не мыслили вне культурного контекста [см.: Иванов 2003]. Поэтому ареал распространения христианства «греческого обряда» практически совпадал со сферой распространения византийской цивилизации.

Можно выделить несколько главных векторов и хронологических периодов в применении этой «мягкой силы». Самым ранним направлением византийского политического и культурного влияния в Северном Причерноморье следует признать северо-восточное, где опорными центрами империи с римских времен являлись Пантикапей и Херсонес (с V в. меняющие названия на Воспор и Херсон). С IV в. здесь фиксируются епископские кафедры; объектом их миссии изначально являлись готы, что отражено в причислении епископа Херсона к области «Скифия» на II Вселенском Соборе 381 г. [ДВС 1910: 123], а также в отправке готского епископа «в Воспор» в 404 г. [Jean Chrysostome 1947: 151]. После вытеснения готов направлением миссии стали гунны-утигуры. Ок. 528 г. их вождь Грод был крещен в Константинополе и признан как «архонт Воспора», но вскоре был убит. Воспор был присоединен к Империи, но в конце VI в. был захвачен тюрками, а в VII в. надолго попал под контроль Хазарского каганата.

Именно в VI в., в краткий период пребывания Воспора на острие византийской политики в Причерноморье, был задан миссионерский вектор, направленный на народ зихов, область которых связывала регион Воспора с Абасгией и Лазикой. Рефлексом этого является, на наш взгляд, номенклатура нотаций Константинопольского патриархата, относящая к «эпархии Зикхия» не только Воспор, но и Херсон, Сугдею, Никопсию (позже отошедшую к Абасгии) и, с X в., Таматарху [Darrouzès 1981: 206, 218, 232, 266, 293, 294, 346, 417]. Важно отметить, что под эпархиями в нотациях понимаются не округа церковной юрисдикции (диоцезы), а географические области.

После захвата тюрками, а затем хазарами Воспор уступил свою роль Херсону, в том числе и как центр миссии. Но даже в хазарский период

город (ставший известным как Керчь) оставался архиепископской кафедрой с апостольскими корнями (гробница Симона Кананита); в 60-е гг. IX в. зафиксирована миссионерская активность местного архиепископа среди иудеев [Кузенков 2003: 81]. С кон. X в. Воспор/Керчь затмевает Таматарха/Тматорокань, где образуется новая архиепископия. Попад в руки русских князей, этот город в XI в. стал важным центром взаимодействия Руси, хазар, горских народов и Византии, которая в конце концов и добивается контроля над ним.

Сам Херсон, к VI в. уже бывший знаменитым центром паломничества (благодаря культу св. Климента), играл роль крупнейшего миссионерского центра – о чем говорит масштабное храмовое строительство (не менее 7 базилик VI-VII вв.). В VII-VIII вв. развивается культ умершего здесь в ссылке св. Мартина Римского, гробницу которого почитали «жители Севера» [Деяния 1910: VII, 21]. По данным сфрагистики, деятельность Херсонской кафедры особенно активизируется с IX в. [Алексеев 2016]. Ок. 841 г. в Херсоне появляется стратиг фемы Климаты, которая, судя по названию, распространялась и на соседнюю горную область, известную как Крымская Готия со столицей Дори/Дорос. К этой области (τῆς Δόραντος = [страны] Дори) был отнесен Херсон уже в актах Трулльского Собора 692 г. [Mansi 1765: XI, 993D; Деяния 1910: VI, 300]. Отдельная (архи)епископская кафедра Дороса (Готии) известна с VIII в.

С Готией связан миссионерский проект, следы которого уцелели в т.н. нотиции де Бора (№ 3 у Даррузеса) [Darrouzès 1981: 241, 245; Байер 2001: 54-57]. Дорос, возведенный в ранг митрополии, получает здесь несколько епископских кафедр, названия которых (Хоциры, Астиль, Хуалис, Оногурь, Ретег, Унны, Таматарха) говорят, что миссия новой митрополии простиралась на всю Хазарию, от Крыма до Хорезма. Такой проект выглядит вполне уместным для VIII в., когда Византия и Хазария были союзниками в борьбе против арабского халифата и имели тесные династические связи. Но он не был реализован. Возможно, его неудача как-то связана с антихазарским восстанием в Готии ок. 785 г. [Могаричев и др. 2007]. Верхушка каганата перешла в иудаизм, хотя христианство и было распространено на его территории.

Одной из финальных фаз хазарской миссии стало, очевидно, посольство в Хазарию Константина Философа (будущего св. Кирилла – изобретателя славянской азбуки) в 860-861 гг. По пути в Херсоне Константин инициировал обретение мощей св. Климента Римского, что имело огромное миссионерское значение: ведь речь шла о возрождении культа ученика апостолов. Через 127 лет временно овладевший Херсоном русский князь Владимир заберет мощи Климента в Киев, и именно этот папа римский стал первым святым покровителем Руси. Характерно, что, согласно древнерусскому преданию, именно в Рим направлялся из Корсуня путем «из грек в варяги» ап. Андрей Первозванный, освятивший Русскую землю. Характерно, что культ св. Андрея (как основателя церкви Константинополя) синхронно развивается и в Византии.

В IX-XI вв. главным форпостом Византии на северном направлении является Херсон/Корсунь. Его роль особенно возрастает в связи с экспансией Руси. В 988 г. русский князь Владимир захватил Корсунь и, приняв здесь крещение, вернул город императору Василию II как брачное вено за его багрянородную сестру Анну. Приобщение Руси к числу единоверных соседей империи и включение ее в церковную структуру Константинопольского патриархата можно назвать главным успехом византийской культурной миссии. Впрочем, включение сильных варварских народов в православную цивилизацию создавало для Империи не только союзников, но и опасных конкурентов. Это продемонстрировали неоднозначные политические отношения Руси и Византии в XI в.

Библиография:

АЛЕКСЕЕНКО Н.А. «И страж, и пастырь, и купец...»: византийский Херсон в зеркале данных сфрагистики // Византийский временник. — М., 2016. — Т. 100. С. 133-149.

БАЙЕР Х.Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. — Екатеринбург, 2001.

ДЕЯНИЯ Вселенских Соборов: В 7 т. — Казань, 1910 (3 изд.).

ДЖАХИЗ, Абу Усман Амр ибн ал-, Послание ал-Фатху б. Хакану // Арабские источники о тюрках в раннее средневековье. — Баку, 1993. С. 56-103.

ИВАНОВ С.А. Византийское миссионерство: Можно ли сделать из «варвара» христианина? — М., 2003.

КУЗЕНКОВ П.В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение руси в средневековых письменных источниках // Древнейшие государства Восточной Европы, 2000 г. — М., 2003. С. 3-172.

КУЗЕНКОВ П.В. Русский вектор // ВВ 100. — М., 2016: 254-278.

МОГАРИЧЕВ Ю.М., САЗАНОВ А.В., СТЕПАНОВА Е.В., ШАПОШНИКОВ А.К. Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. — Симферополь, 2009.

МОГАРИЧЕВ Ю.М., САЗАНОВ А.В., ШАПОШНИКОВ А.К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». — Симферополь, 2007.

НОВИКОВ Н.Е. Константин Багрянородный, «О церемониях», кн. II, гл. 15 // ΚΑΝΙΣΚΙΟΝ: Юбилейный сб. в честь 60-летия проф. И.С. Чичурова. — М., 2006. С. 318-362.

DARROUZES J. (ed.) Notitiae episcopatum Ecclesiae Constantinopolitanae / Texte critique, introd. et notes. — Paris, 1981.

JEAN CHRYSOSTOME. Lettres à Olympias / Introd., texte et trad. par A.-M. Malingrey. — Paris, 1947.

MANSI J. D. (ed.) Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio. — Florentiae, 1765. — T. XI.

Лебединский В.В., Татарков Д.Б., Пронина Ю.А., Башенкова А.А.

ИЗУЧЕНИЕ ДРЕВНЕЙ БЕРЕГОВОЙ ЛИНИИ ХЕРСОНЕСА И ХОРЫ С ПРИМЕНЕНИЕМ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Lebedinsky V., Tatarkov D., Pronina J., Bashenkova A.

Study of Ancient Coast Lines of Chersonesus and Chorus
with the Application of Digital Technologies

Цель работы – определение ныне затопленных участков северного берега Гераклеяского полуострова, создание 3D модели и интерактивной карты древней береговой линии Херсонеса Таврического и его хоры, определение площади затопленных площадей по изобатам.

На морской берег приходится более семидесяти процентов границ херсонесского городища. В результате происходит постепенное разрушение из-за волнового воздействия береговой линии городища, абразивные процессы. Кроме того, изменение площади городища происходило не только в результате абразии, но также вследствие трансгрессии моря, это в полной мере относится и к хоре Херсонеса. Получила распространение точка зрения, согласно которой уровень моря в Северном Причерноморье поднялся с античного периода не менее чем на 4 метра [Блаватский 1961: 277-279]. В результате, часть Херсонеса (например, так называемый, портовый район), а также клеры его хоры оказались подтопленными, а часть подвергается абразии с момента основания города и размежевки хоры и до настоящего времени. Затопленные сооружения в небольшом количестве можно проследить под водой и сегодня, прямо от уреза воды.

С 2010 года исследовательская группа Института востоковедения РАН проводит изучение древней береговой линии Херсонесского городища и его хоры. В 2019 году работы были продолжены при поддержке

Севастопольского государственного университета (исследования выполнялись при финансовой поддержке проекта программы развития ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет» ПР/744-1/2019). Во время исследования участков дна на шельфе в акватории административной территории г. Севастополя применялся следующий перечень работ:

- анализ карт, схем и планов XIX – первой половины XX вв.
- подбор современных спутниковых снимков Граклейского полуострова;
- подбор батиметрических карт;
- визуальный осмотр дна;
- разведка с применением гидроакустического комплекса в составе: профилографа, гидролокатора бокового обзора, комплекта навигации;
- составление 3-D планов бухт северного берега Гераклейского полуострова;
- составление интерактивной карты береговой линии северной части Гераклейского полуострова.

Работы проводились на глубинах от 3 до 7 м. Использовался гидролокационный комплекс «Гидра» отечественного производства с тактовыми частотами 700,300 кГц, донный профилограф (рабочая частота 300/6-30 кГц), который предназначен для исследования слоистой структуры дна, поиска объектов в толще осадков при глубинах до 20 м с максимальным проникновением в грунт до 10 м.

Проанализировав размежевку Гераклейского полуострова (размежевка взята по Г.М. Николаенко) [Николаенко 1999, Николаенко 2001], мы отобрали планы древних земель сельскохозяйственных наделов – клеров, выходящих своими границами к берегам бухт северной части Гераклейского полуострова. Далее отобрав спутниковые снимки данного района, которые позволяли привязать планы клеров к местности и, используя соответствующее программное обеспечение, мы осуществили привязку прибрежных наделов (клеров) к современной карте составленной из спутниковых снимков. В результате – мы получили карту, где одновременно можно видеть современный берег, изобаты глубин акватории бухт и нанесенные на карту планы древних наделов (Рис. 1, а).

Принимая за отправную точку данные изменения береговой линии, полученные при исследованиях древней Фанагории, – минус 4 м [Блаватский 1961: 277-279], мы обследовали глубины по изобатам от 3 – до 7 м. На глубине 4,5-5,5 м были выявлены террасы, размывы террас от волнового воздействия (причем в закрытых бухтах), граница окатанных камней, которые, на наш взгляд, могут отмечать древнюю береговую линию. Данные профилографа показывают на этой изобате в бухтах твердую породу под более мягкими осадочными отложениями. Наложенные по этим изобатам реконструкции размежевки клеров хоры Херсонеса (бухта Круглая) показывают границы наделов вплоть до 4,5-5 м глубины современного уровня моря (Рис. 1, б).

Это позволило на составленных нами картах выделить эту изобату как предполагаемую древнюю береговую линию периода IV-III вв. до н.э. Исследования на северо-восточном берегу херсонесского городища заключались в привязке планов к сохранившимся архитектурным элементам строений, замерам границ современного берега относительно планов, составленных в конце XIX – первой половине XX вв. В результате наших исследований была получена средняя величина абразии северо-восточного берега херсонесского городища, которая составляет в среднем около 2,3 м – 2,5 м за столетие. Это позволяет с определенной долей вероятности рассчитать величину абразии береговой линии древнего города в конкретный исторический период. Так мы можем предположить, что на рубеже нашей эры береговая линия находилась на 45-50 метров мористее современной. Соответственно в V в. до н.э., к которому относят основание Херсонеса, береговая линия была в 57-62 м от современной. Подобным методом мы также можем рассчитать и площадь херсонесского городища в определенный период [Лебединский 2013-2014, Lebedinski 2013].

Следующим этапом работы стало создание трехмерной модели рельефа береговой линии Херсонеса и его хоры. Полученные данные позволяют составить общее представление и сделать предварительные выводы о древней береговой линии хоры Херсонеса и об использовании в древности бухт северного берега Гераклеяского полуострова.

Для наглядного представления о том, как менялся профиль и границы береговой линии Хоры Херсонеса Таврического, была построена батиметрическая 3D модель дна в программах архитектурного проектирования Graphisoft Archicad и программы визуализации Artlantis Studio. Для этого были изучены и переведены в цифровой вариант существующие современные карты глубин, по ним отдельно каждая изобата «поднята» в объемный участок согласно своему абсолютному значению. Имея существующую границу берега и добавляя на эту интерактивную модель данные о границах береговой линии взятых с цифровых снимков разных лет и данных картографии, мы получили наглядную 3-D визуализацию изменения границ береговой линии. Далее мы реконструировали затопленные ныне части гераклейских клеров и, соответственно, выделили на 3-D карте, используя все выше перечисленные данные, предполагаемую древнюю береговую линию. Заключительным этапом наших работ стала реконструкция древней береговой линии хоры Херсонеса. Для этого мы использовали современные спутниковые снимки. Далее на эту спутниковую карту мы нанесли батиметрические данные акватории северного берега Гераклейского полуострова, реконструкции затопленных клер и данные полученные с помощью профилографа. Собрав воедино всю информацию, мы создали интерактивную карту древней береговой линии северного берега Гераклейского полуострова (Рис. 2) с данными по каждой бухте и затопленным площадям, соответствующим различным изобатам (2м, 4м, 6м), сделали расчет затопленных площадей по каждой бухте по указанным изобатам (Рис. 3 а, б, в, г).

Кроме того, при анализе спутниковых снимков были зафиксированы сооружения Херсонеса в Карантинной бухте. Так на спутниковых снимках 11.15.2014 г. и 07.27.2015 г. в центральной части Карантинной бухте видны затопленные образования правильной формы (Рис. 4). Анализ сонаграмм с ГБО показал в центральной части Карантинной бухте (у причала), наличие затопленных сооружений П-образной формы, размеры затопленных сооружений 40x18 м, с шириной стенки 5 м (Рис. 5). Вероятнее всего, это остатки портовых сооружений (мол) или остатки крепостных сооружений Херсонеса [Антонова 1971: 108].

Полученные данные позволяют сделать некоторые выводы о древней береговой линии хоры Херсонеса и об использовании в древности бухт северного берега Гераклеяского полуострова. Так предварительно можно сказать, что, например, Карантинная бухта была очень небольшой, современный ее фарватер – это результат дноуглубительных работ (Рис. 3, а). Как показывают проведенные наблюдения широкая часть бухты, которая непосредственно примыкает к городищу, является очень опасной. Причиной этому, так называемые «отраженные волны», приходящие в бухту с Западным ветром и отражающиеся от ее восточного берега, они накатывают прямо на херсонесский берег, исключая возможность держать в бухте суда, особенно в осенне-зимний период. Следовательно, эта бухта вряд ли могла использоваться как основной порт Херсонеса.

Наиболее близкие к Херсонесу и безопасные бухты по их протяженности – глубине, форме и изобатам, – это Стрелецкая (Рис. 3, б) и, расположенные чуть дальше, – Камышовая и Казачья бухты (Рис 3, г). На наших реконструкциях видно как они выглядели в древности. Вероятно, они и являлись, особенно Стрелецкая, основными гаванями древнего города. Также для этих целей могла использоваться и Южная бухта, которая и сегодня является местом укрытия маломерных судов при сильных штормах.

Анализ мирового опыта позволяет надеяться, что полученные в ходе реализации проекта материалы будут востребованы в процессе уточнения реальных размеров херсонесского городища и его хоры, создания пространственно-временной реконструкции античного полиса. Проведенные замеры утраты (подтопления) береговой полосы по изобатам, уточнения конфигурации бухт северной части хоры с отметками затопления и их графическим отображением, 3-D реконструкция береговой полосы могут быть востребованы также при проведении берегоукрепительных работ, которые в настоящий момент планируются в г. Севастополе на участке прибрежной полосы у древнего Херсонесского городища. Они актуальны для сохранения памятников, как самого городища, так и объектов хоры. Кроме того, значительная часть севастопольской береговой линии (от мыса Херсонес до бухты Карантинная) не включены

в перечень берегов с обрушающимся клифом, что не соответствует действительности. Изучение этого вопроса и включение данного отрезка в этот перечень берегов, подвергающихся абразии, будут в будущем востребованы на государственном уровне.

Библиография:

АНТОНОВА И.А. (1971). Оборонительные сооружения Херсонесского порта в средневековую эпоху. Античная древняя и средние века, 7, 108.

БЛАВАТСКИЙ В.Д. (1961). Подводные раскопки Фаногории в 1959 г. Советская археология, 1, 277-279.

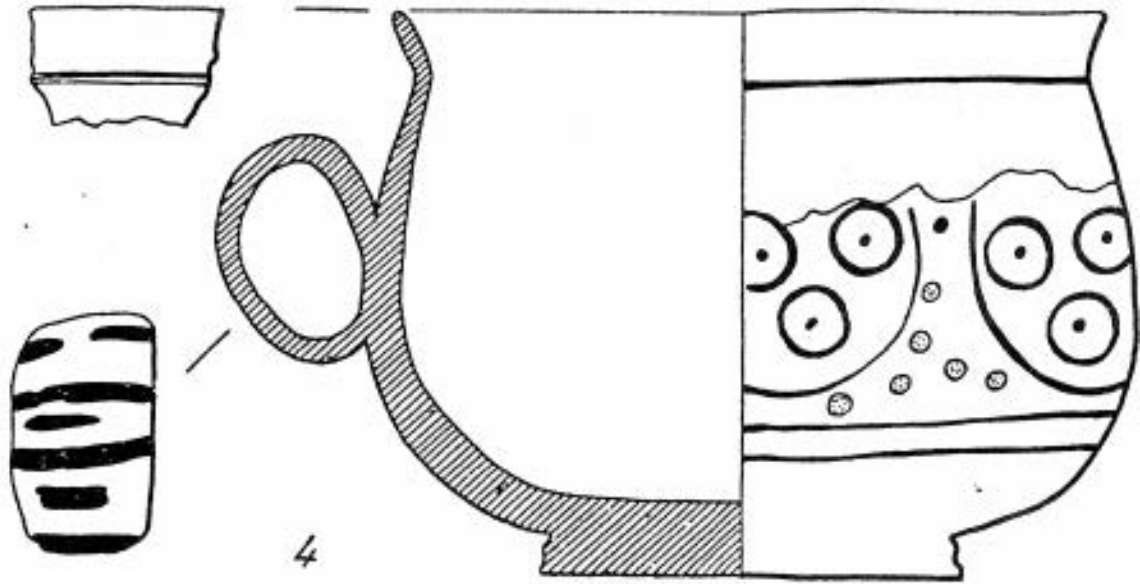
ЛЕБЕДИНСКИЙ В.В., ПРОНИНА Ю.А. (2013-2014). Изучение древней береговой линии Херсонеса Таврического и его хоры. Херсонесский сборник, 18, 97-116.

НИКОЛАЕНКО Г.М. (1999). Хора Херсонеса Таврического [Текст]: земельный кадастр IV-III вв. до н.э. Ч. 1. Севастополь.

НИКОЛАЕНКО Г.М. (2001). Хора Херсонеса Таврического. Земельный кадастр IV-III вв. до н.э. Ч. 2. Севастополь.

LEBEDINSKI V., PRONINA J. (2013). Preliminary results of studies of shoreline abrasion of some Chersonesos settlements based on cartographic data. BAR Int. Ser., 2555, Oxford, 79-95.

Иллюстрации к статье П. Армстронг

1a: Polychrome cup from Cherson

1b: Interior of cup

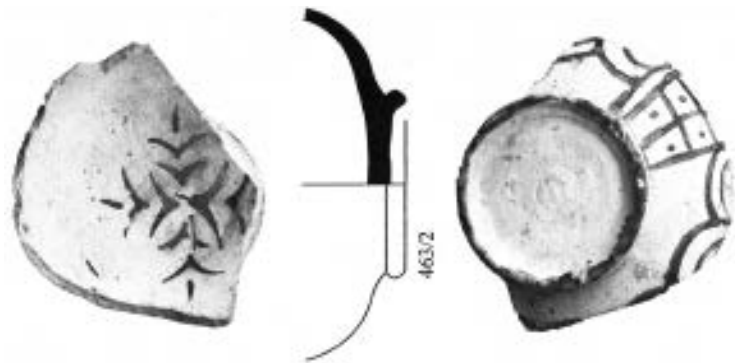

Fig. 2. Polychrome cup from Xanthos

Fig. 3. Polychrome cup from Xanthos indicating traces of alkaline turquoise glaze

Иллюстрации к статье

А.А. Букатова, Т.В. Дюженко, В.В. Варлагина

Рисунок 1. Карантинная бухта, вид с квадрокоптера: 1– «ромбовидная башня»; 2– выявленные в 2019 г. строительные остатки.

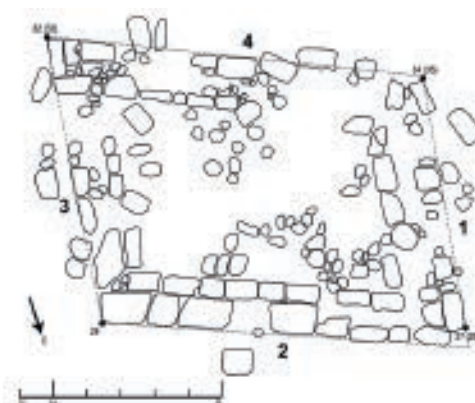
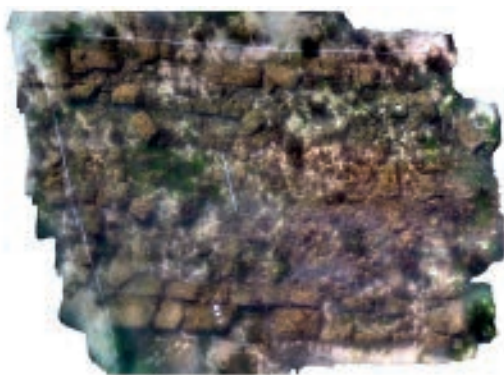
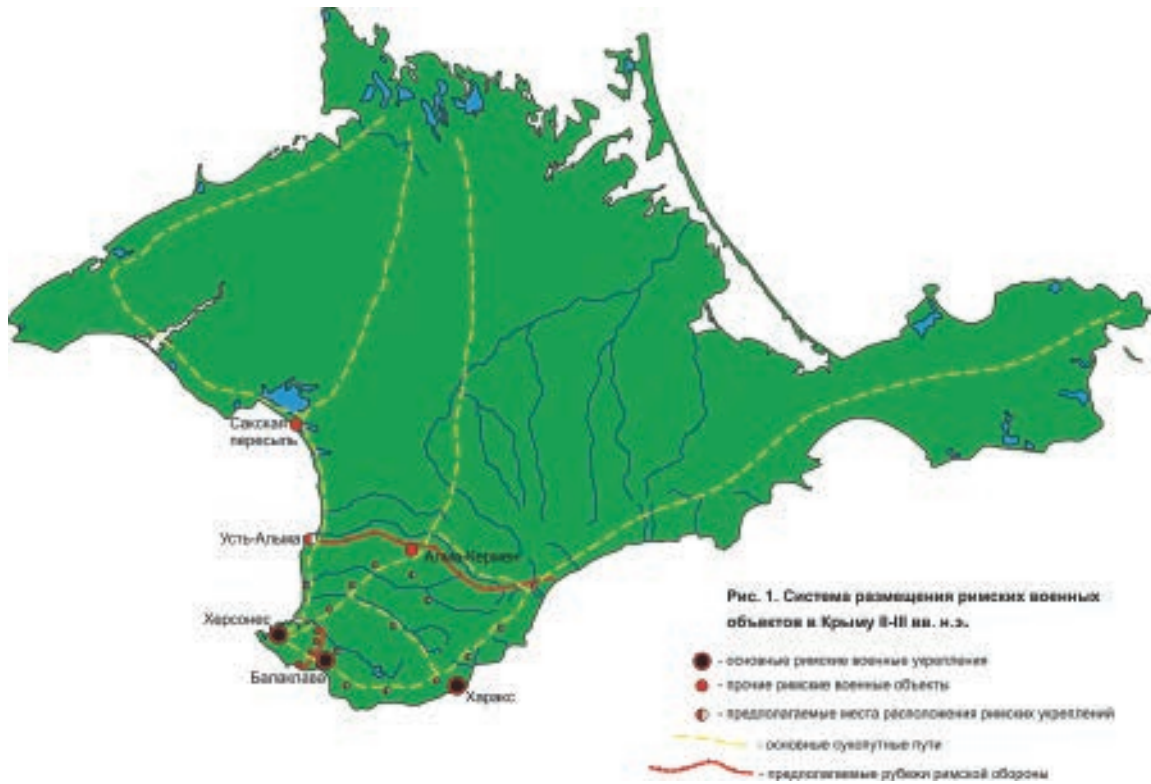

Рисунок 2. Фотограмметрическое изображение остатков «ромбовидной башни». Чертеж остатков «ромбовидной башни». На чертеже: стена 1– со стороны берега.

Иллюстрация к статье И.Ю. Булкина

Иллюстрации к статье П.А. Горбунова

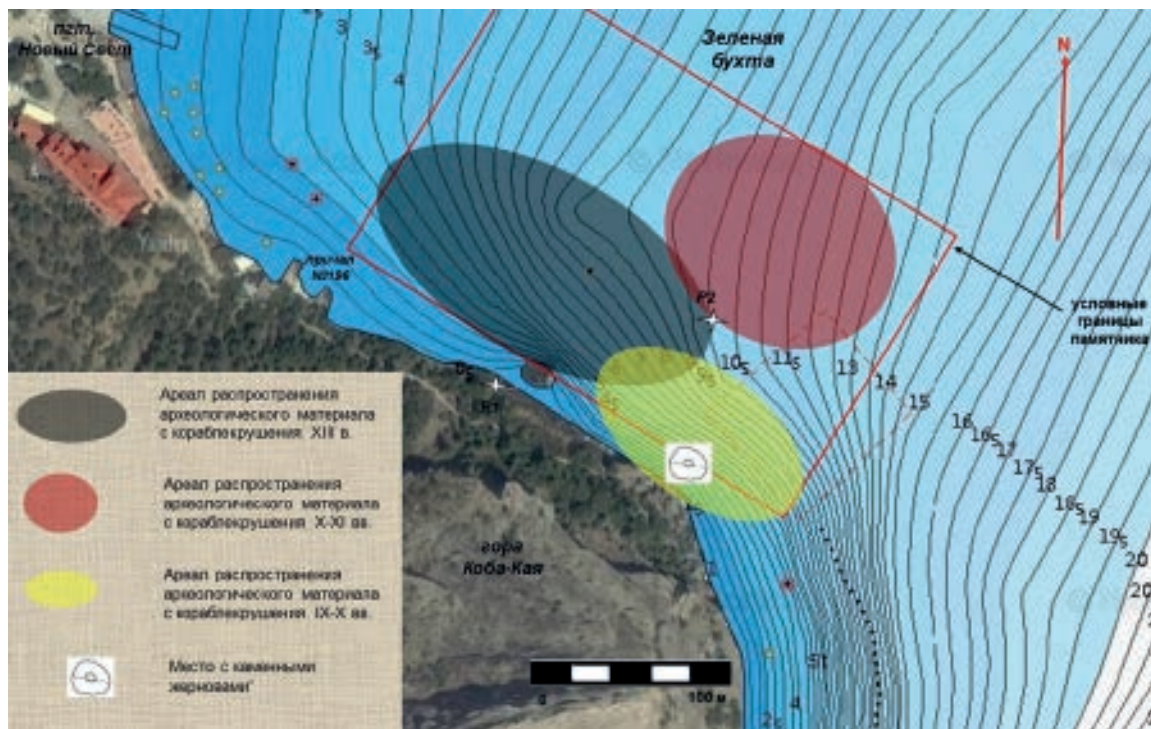

Рис. 1. Место кораблекрушений в бухте пгт. Новый свет.

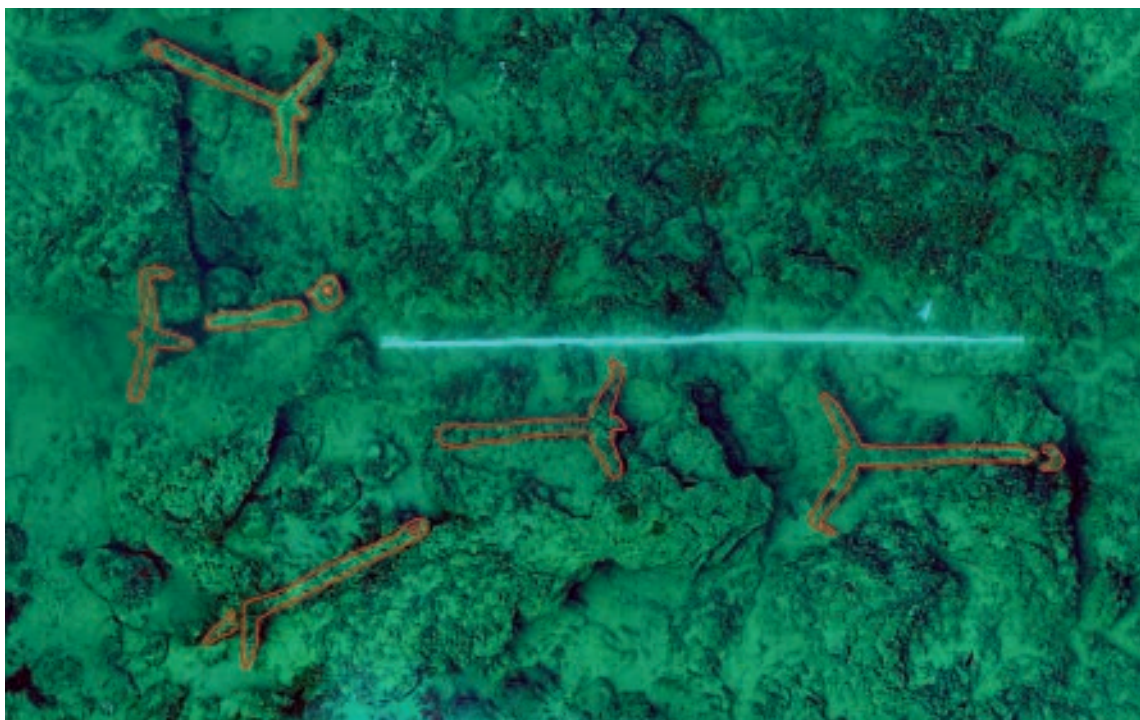

Рис. 2. Скопление якорей. Судацкая бухта.

Иллюстрация с статье Н.В. Днепровского

Рис. 2. Цилиндрическая выборка в стене алтаря храма «Трёх всадников». Фото автора.

Иллюстрация к статье Т.М. Калининой

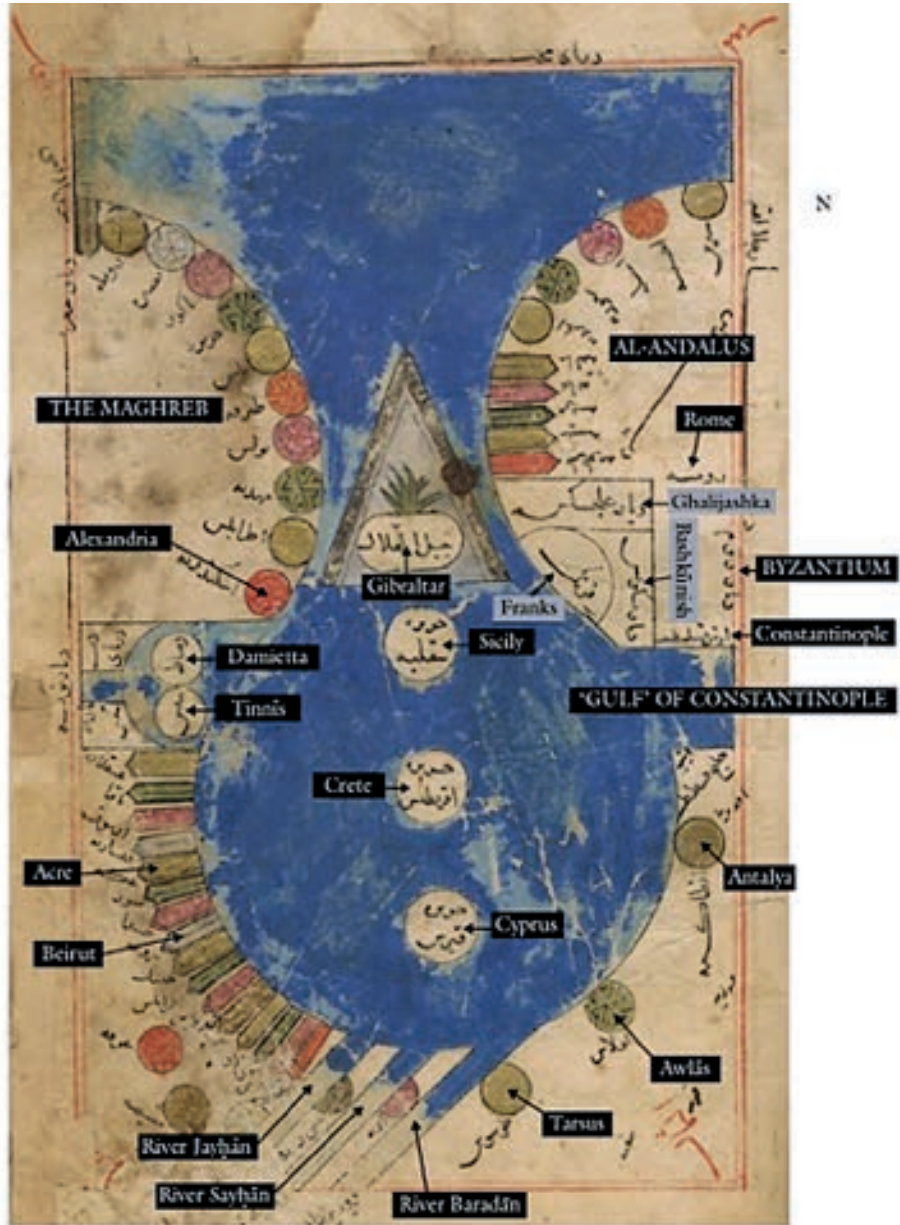

Рис. 1. Карта Средиземного моря ал-Истахри [Savage-Smith E., 2014, с. 188].

Иллюстрация к статье В.Ю. Коваля

Fig. 1. Сюжет «Свадьба в Кане» Дуччо ди Буонинсенья (1) и кувшины, изображенные на иконе (2-4). Археологические находки византийских кувшинов «палеологовского стиля» (5) (Крамаровский, 2012. Рис. 48, 49).

Иллюстрация к статье Е.М. Краснодубец

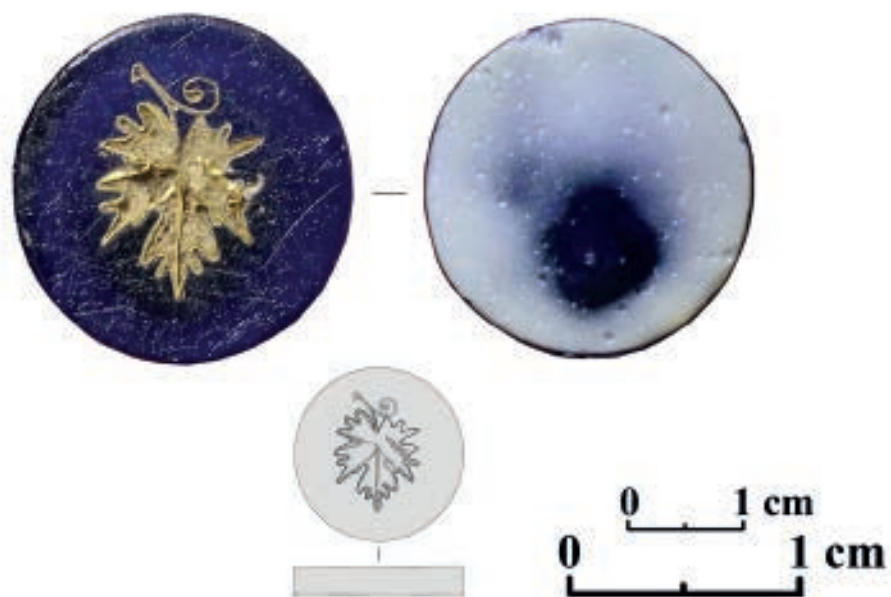

Рис.1. Стекло́нная вставка с инкрустацией в виде виноградного листа из Херсонеса Таврического.

Иллюстрации к статье В.В. Лебединского, Д.Б. Татаркова, Ю.А. Прониной, А.А. Башенковой

Рис. 1, а. Бухта Круглая (Омега) с батиметрическими данными и нанесенными клерами по берегам.

Рис. 1, б. Бухта Круглая (Омега) с батиметрическими данными и нанесенными клерами по берега с реконструкцией затопленных клеров.

Рис. 2. Схема древней береговой линии северного берега Гераклейского полуострова.

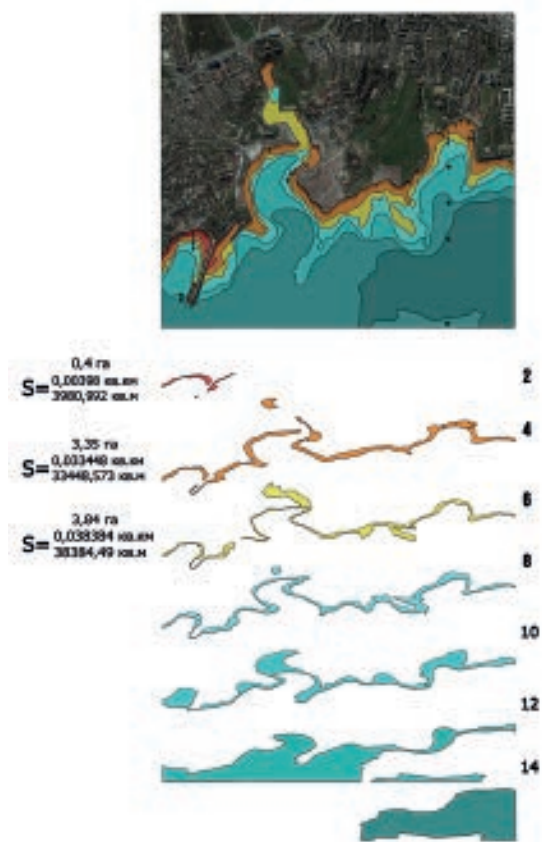

Рис. 3, а. Расчет затопленных площадей по изобатам, бухта Карантинная, абразия берега херсонесского городища.

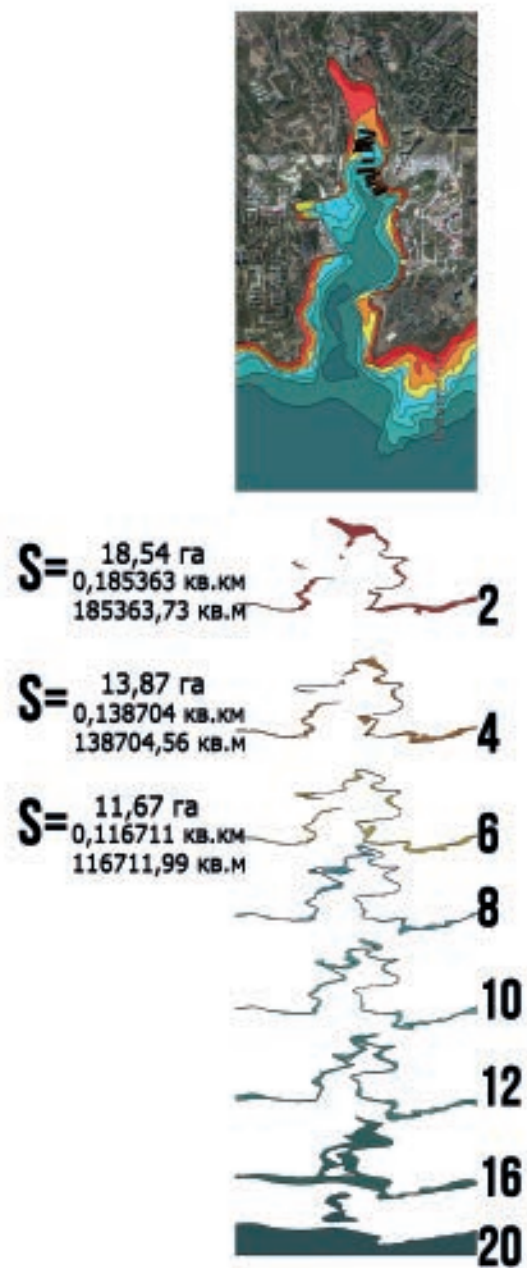

Рис. 3, б. Расчет затопленных площадей по изобатам, бухта Стрелецкая.

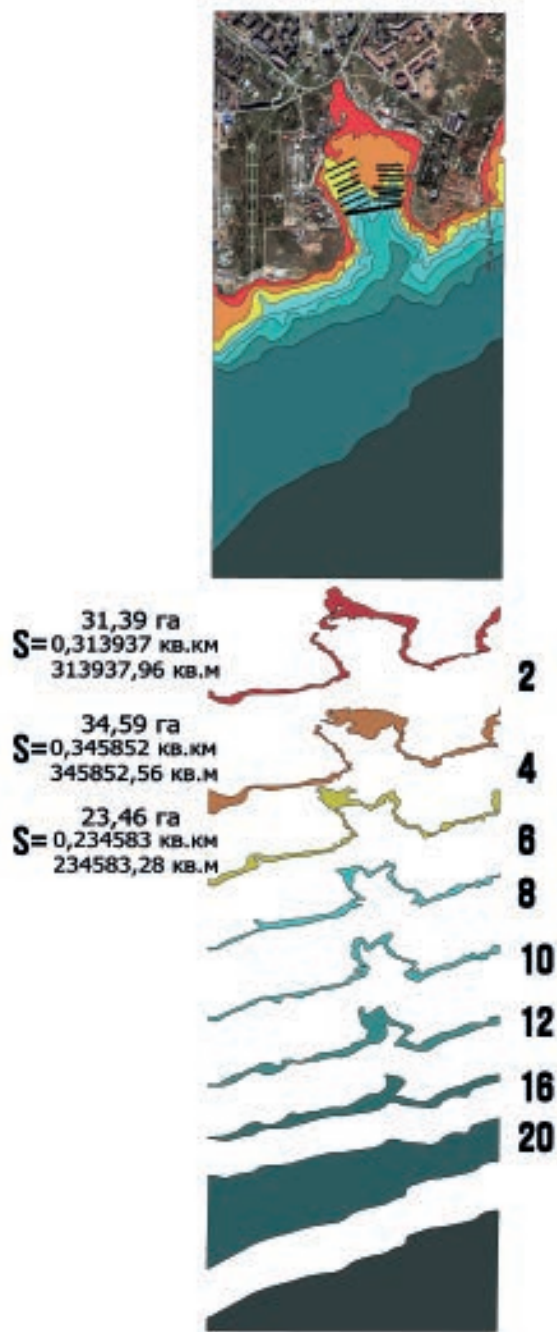

Рис. 3, в. Расчет затопленных площадей по изобатам, бухта Круглая.

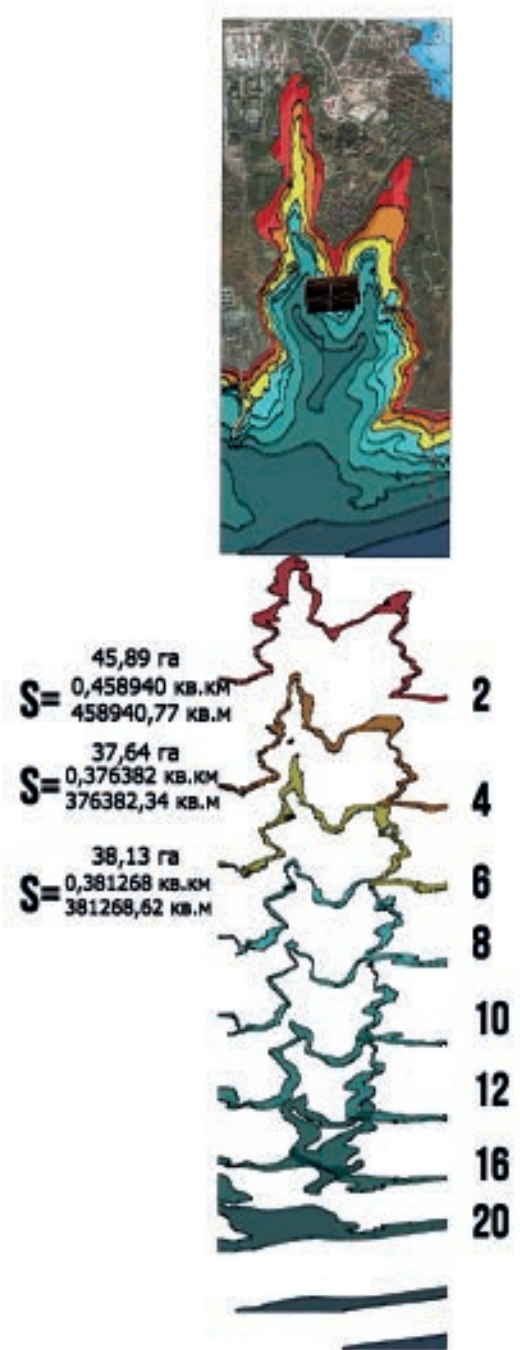

Рис. 3, г. Расчет затопленных площадей по изобатам, бухта Казачья.

Рис. 4. Затопленные образования правильной формы в Карантинной бухте на спутниковом снимке от 07.27.15.

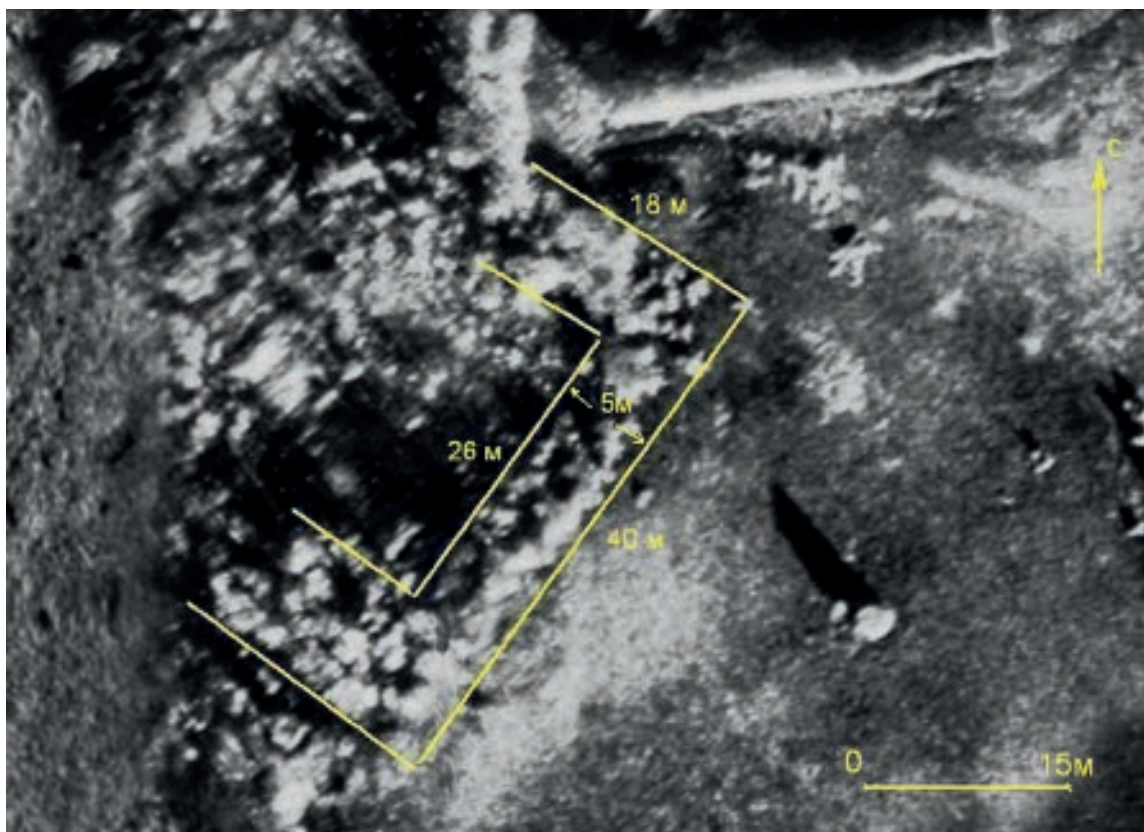

Рис. 5. Сонаграмма затопленных сооружений П-образной формы в центральной части Карантинной бухте (у причала).

Иллюстрации к статье В.В. Майко

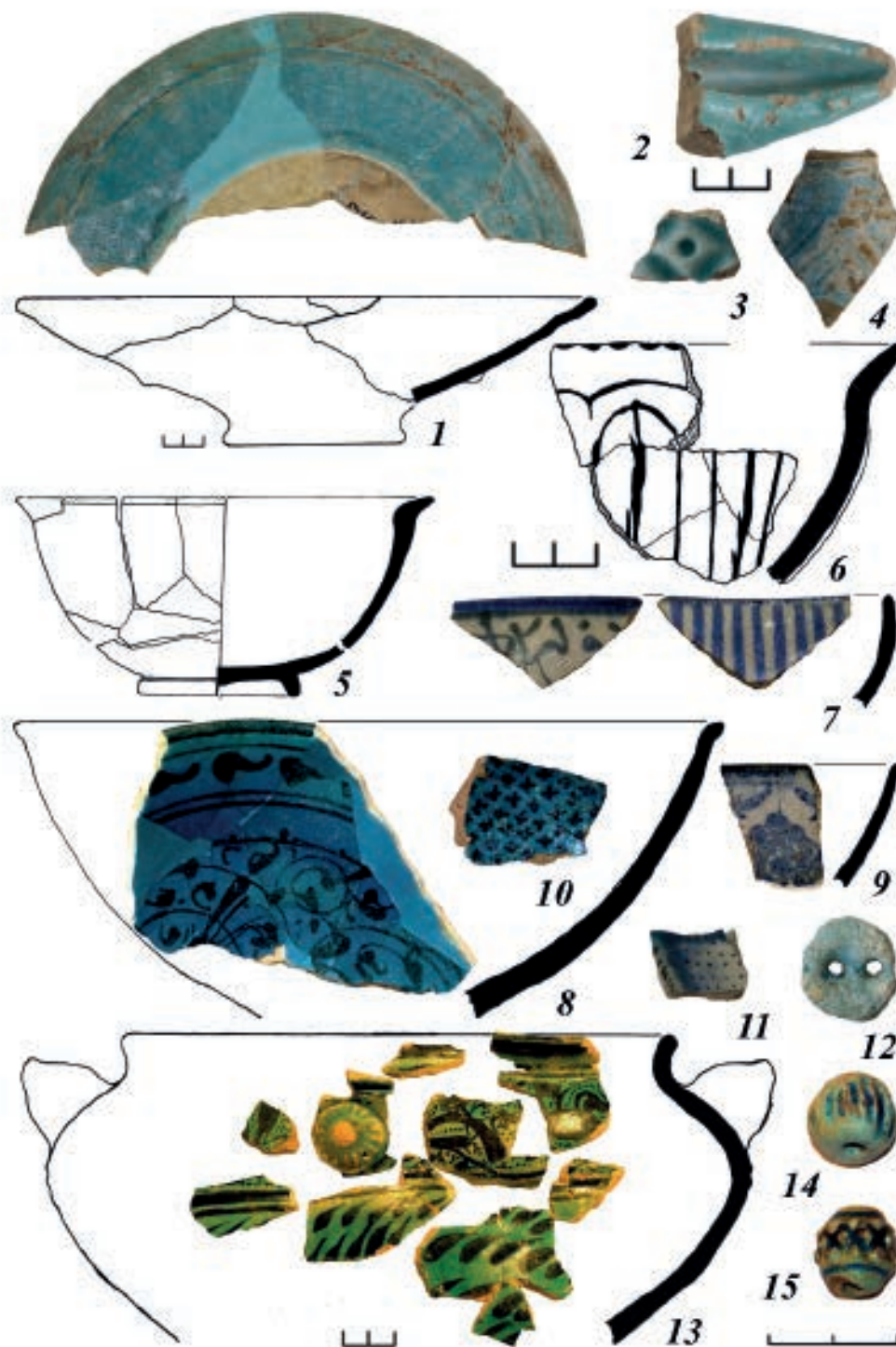

Рис. 1. Кашинные изделия средневековой Сугдеи.

1,4,6 – квартал I 1994–97 гг.; 2,5,7,9 – пол помещения «Б» мастерской 1987 г.; 3,11 – п/м 1950–е гг.; 8 – пол помещения «В» мастерской 1987 г.; 10 – квартал II 1982 г.; 12 – раскоп 10 в портовой части 2017 г.; 13 – раскоп VI в портовой части 2008 г.; 14,15 – м. 7 некрополя Судак–IX.

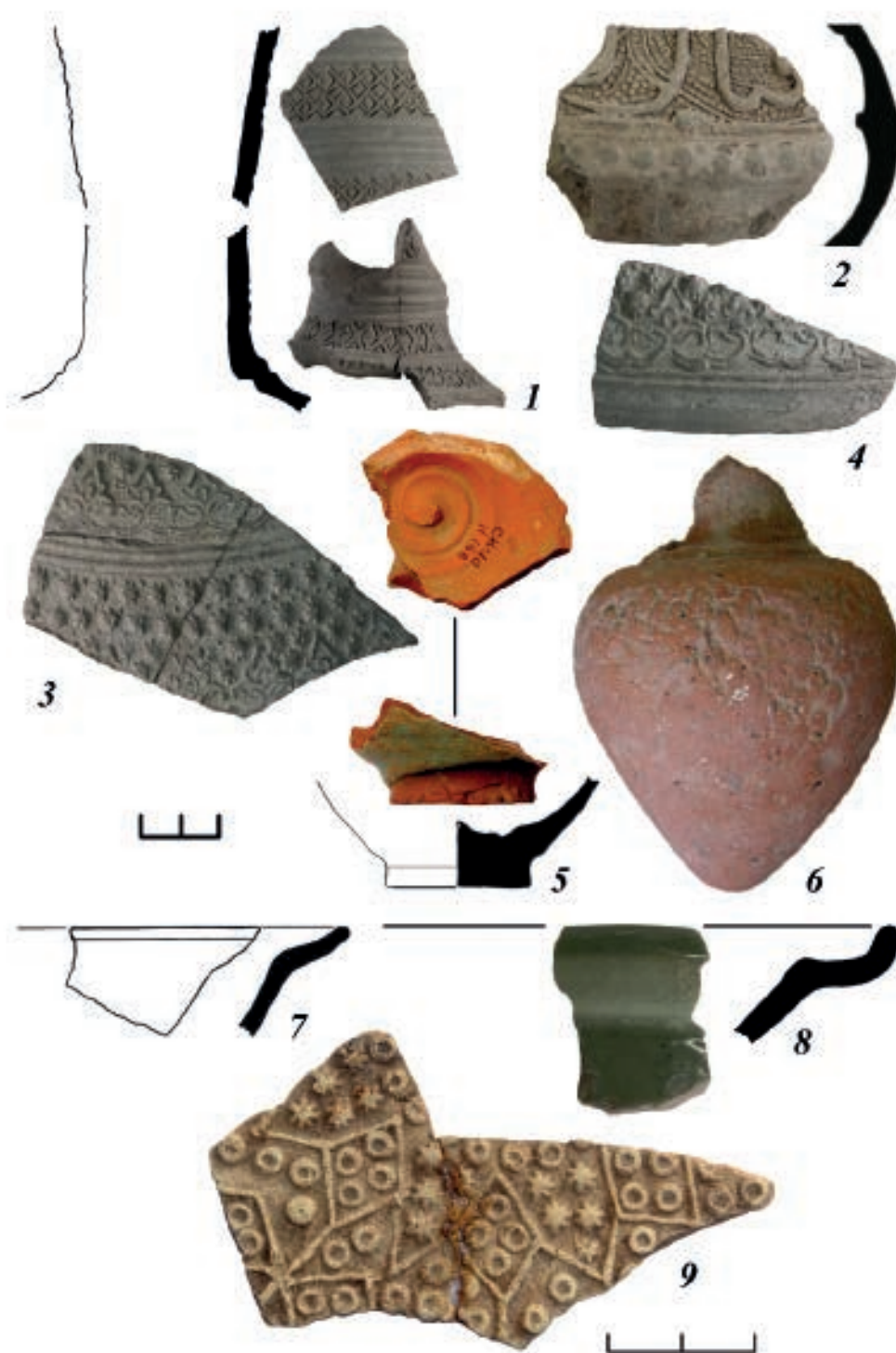

Рис. 2. Сероглиняные, красноглиняные, селадоновые и каменные изделия средневековой Сугдеи.

1,2,7 – квартал I 1994/95 гг. ; 3,4 – раскоп I в портовой части 1965 г.; 5 – раскоп VII в портовой части 2010 г.; 6 – п/м; 8 – пол помещения «Б» мастерской 1987 г.; 9 – хоз. яма посад 2007 г.

Иллюстрации к статье В.Е. Родинковой, М.В. Добровольской, И.А. Сапрыкина.

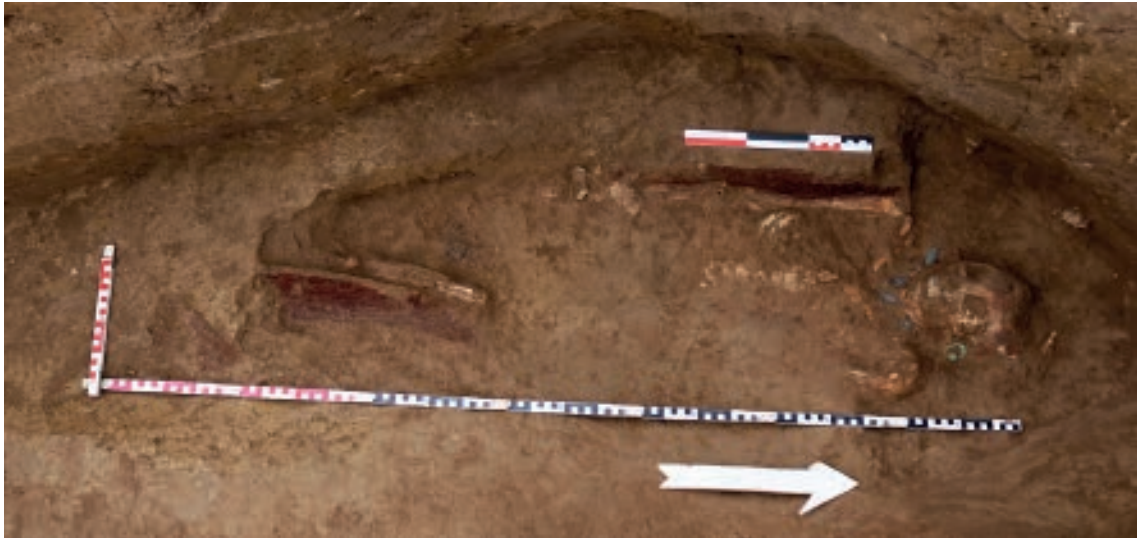

Рис. 1. Приморский северо-западное. Погребение № 9. Фото Д.И. Киселева.

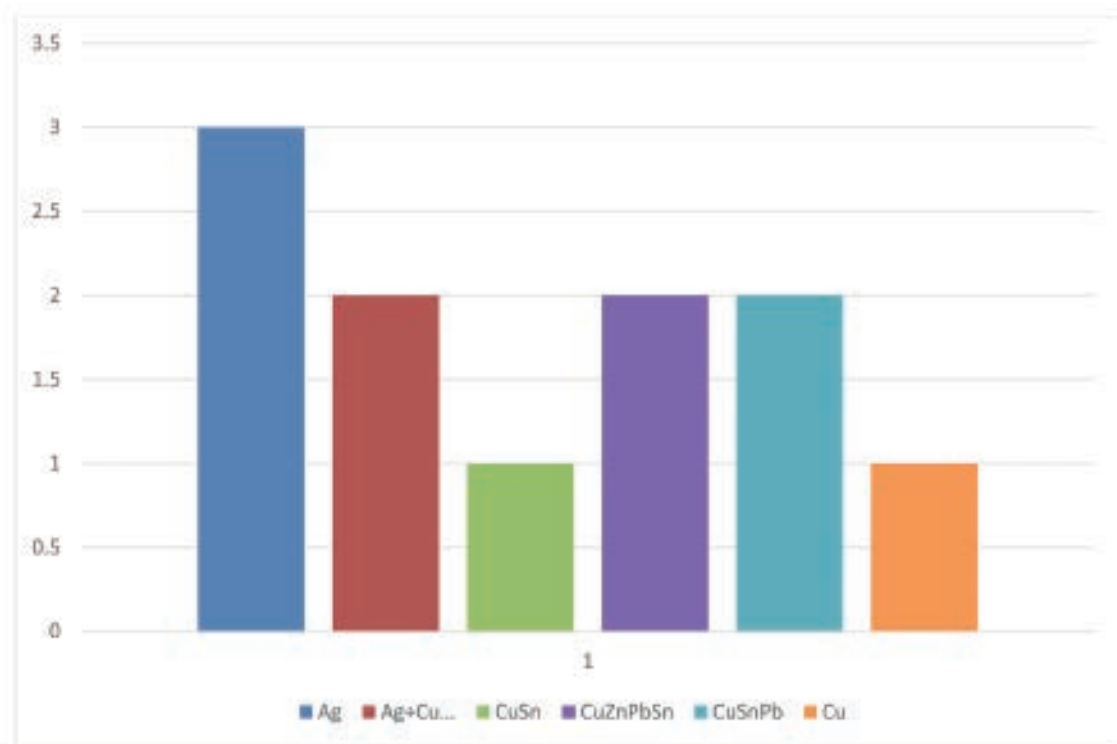

Рис. 4. Приморский северо-западное. Гистограмма распределения предметов из погребения № 9 по типам металлов и сплавов. Ag – подвески листовидные; Ag+Cu... – подвески-лунницы; CuSn – зеркало; CuZnPbSn – серьги; CuSnPb – пряжки; Cu – пинцет.

Рис. 2. Приморский северо-западный. Погребение № 9. Сопроводительный инвентарь. 1, 2 – пряжки; 3 – зеркало; 4 – пинцет. Фото Д.И. Киселева.

Иллюстрация к статье Л.В. Седиковой

Рис. 1. Светильник из засыпи водохранилища.

Иллюстрации к статье М.В. Ступко.

Рис. 1.

Рис. 2.

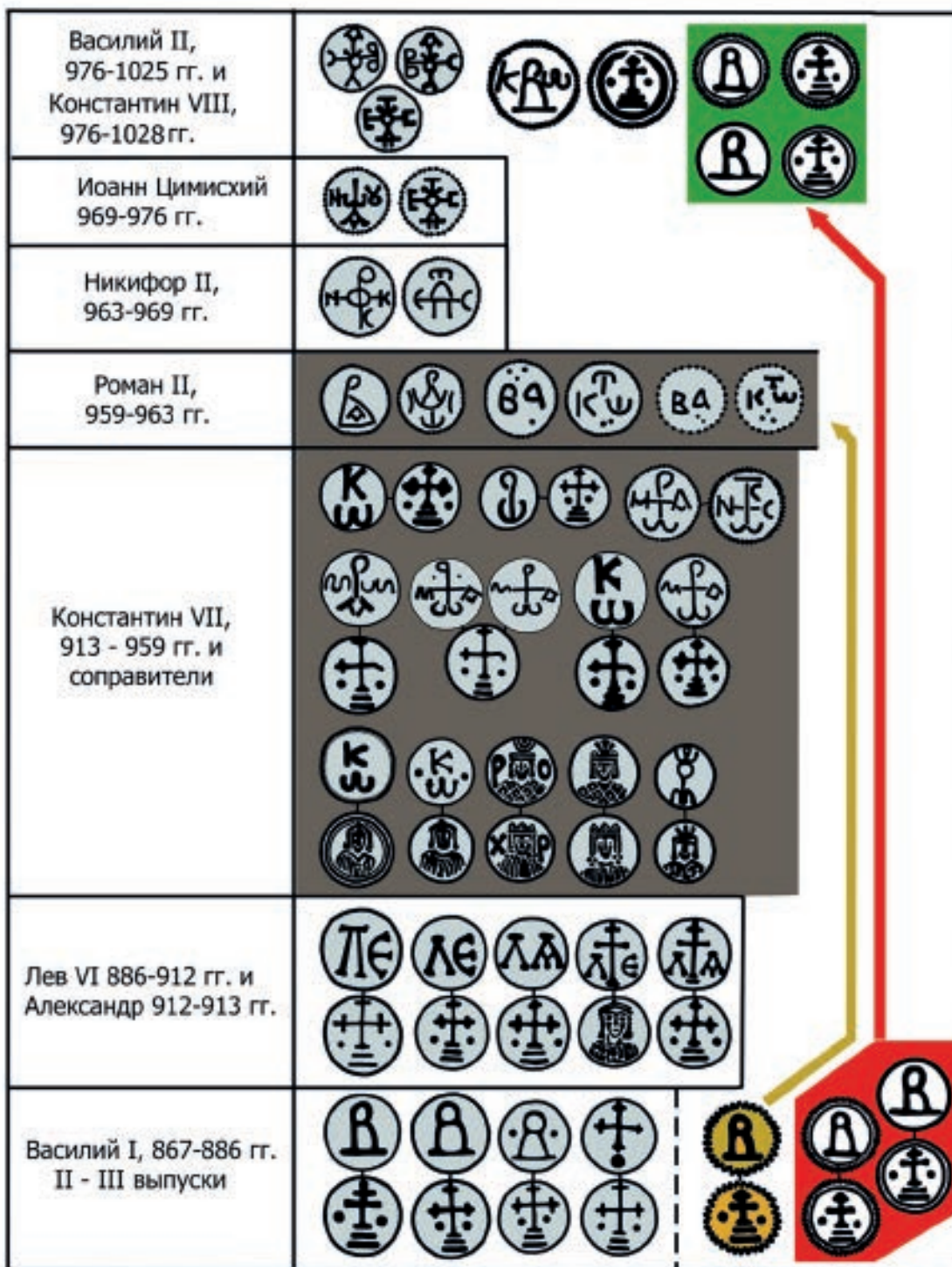

Рис. 3.

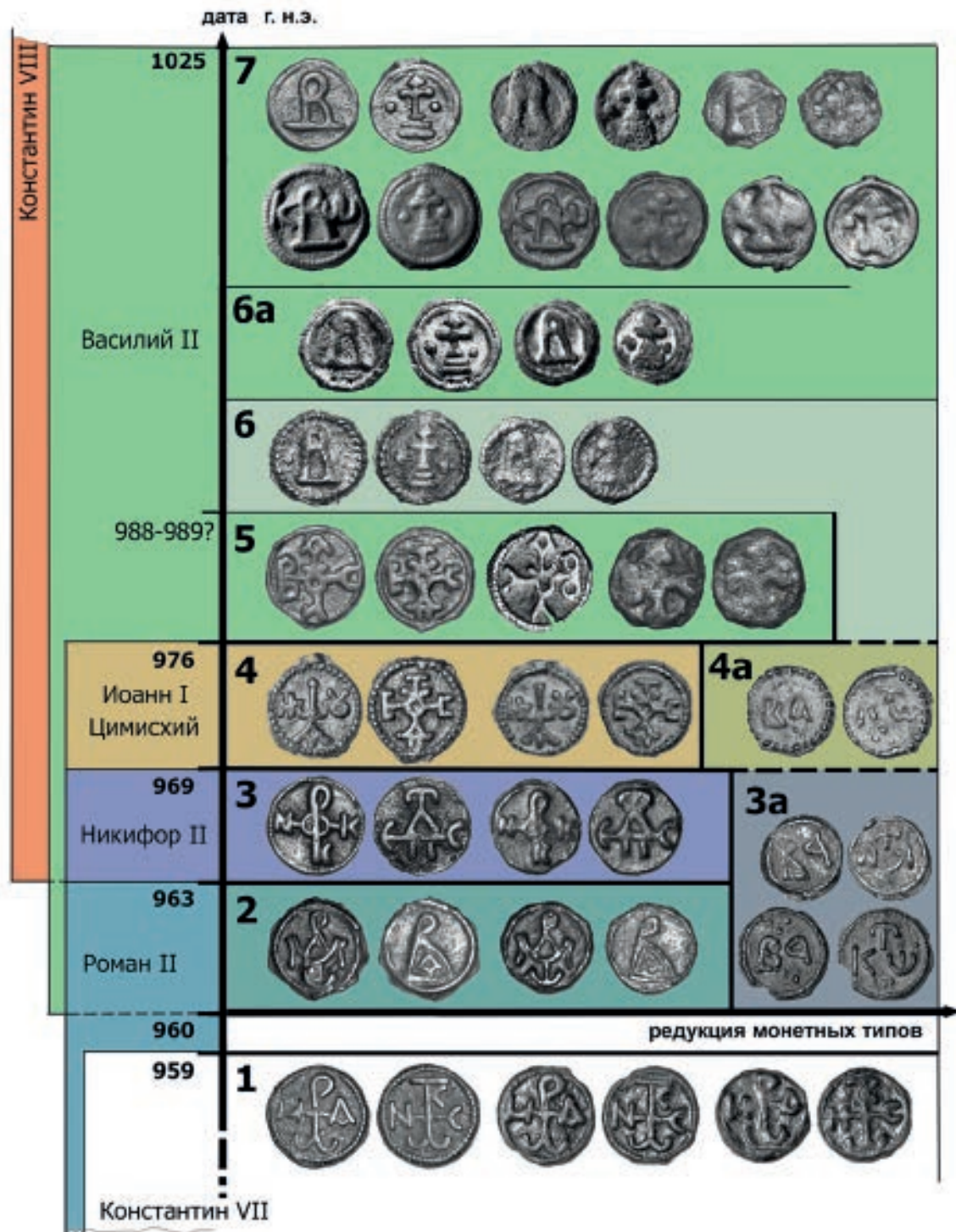

Рис. 4.

Иллюстрации к статье А.А. Супренкова, М.А. Топоривской

Рис. 1. Строительные остатки греческого Эмпориона. Вид с юга.

Иллюстрации к статье Е.Я. Туровского

Рис.1.

Рис.1;1а. Монета Нимфея конец V в. до н.э. (серебро)

Рис.1; 1б. Монета Херсонеса конец V в. до н.э. (серебро)

Рис.1; 2а. Монета Херсонеса конец первой четверти IV в. до н.э. (серебро)

Рис.1; 2б. Монета Лариссы конец первой четверти IV в. до н.э. (серебро)

Рис.1; 3а. Монета Херсонеса ок. 60-х гг. IV в. до н.э. (медь)

Рис.1; 3б. Монета сатрапа Датама ок. 60-х гг. IV в. до н.э. (медь)

Рис.1; 4а. Монета Херсонеса ок. середины IV в. до н.э. (медь)

Рис.1; 4б. Монета Самоса первая половина IV в. до н.э. (медь)

Рис.1; 5а. Монета Тенедоса IV в. до н.э. (серебро)

Рис.1; 5б. Монета Херсонеса третьей четверти IV в. до н.э. (медь)

Рис.1; 5в. Монета киликийского сатрапа около середины IV в. до н.э. (медь)

Рис.1; 6а. Монета Херсонеса третьей четверти IV в. до н.э. (медь)

Рис.1 6б. Монета Кизика второй четверти IV в. до н.э. (электр)

Рис.2;1. Монета Херсонеса последней четверти IV в. до н.э. (серебро)

Рис.2;2. Монета Херсонеса первой четверти III в. до н.э. (серебро)

Рис.2;3. Монета Херсонеса первой четверти III в. до н.э. (серебро)

Майко В.В.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ СУГДЕИ С ПОВОЛЖЬЕМ И СРЕДНЕЙ АЗИЕЙ (НА ПРИМЕРЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА)

Maiko V.

Economic Relations of Sugdea with Volga and Central Asia (on the example of archaeological material)

Одним из главных источников для анализа экономических связей средневековой Сугдеи золотоордынского времени с Поволжьем и Средней Азией являются археологические материалы, полученные в ходе многолетних раскопок этого уникального памятника. Наиболее показательными из них являются импортные категории находок, представленные кашинными изделиями, сероглиняной штампованной керамикой, селадонной посудой и бордовоглиняной неорнаментированной керамикой под глухой голубой глазурью. Кашинные сосуды введены в научный оборот фрагментарно и без должного анализа [Баранов 2004: 524-559], а остальные, за исключением отдельных упоминаний [Баранов 2004: 531, рис. 3; Майко 2012: 380, рис. 9], практически не рассматривались.

Пытаясь частично восполнить этот пробел, проанализируем данные категории находок. Кашинные изделия представлены в основном керамикой, отдельными бусами и пуговицей. На сегодняшний день за все годы раскопок обнаружено 19 фрагментов, в том числе 5 профильных частей и 4 археологически реконструируемые формы кашинных сосудов. Большая часть из них происходит из четырех археологических контекстов. Наиболее представительным и надежно датированным является материал с пола ремесленных построек «Б» и «В» на участке куртины 14 Судакской крепости. Стратиграфическая ситуация позволяет уверенно

утверждать, что их функционирование прекратилось в середине 60-х гг. XIV в. после захвата города генуэзцами и сооружения на их месте во второй половине 70-х гг. крепостной стены. Вторым контекстом является слой т.н. квартала I, зафиксированный к юго-востоку и северу от привратной башни Якобо Торселло, частично прорезанный при сооружении ранней генуэзской куртины и восточного участка стены барбакана. Датируется слой в рамках второй половины XIII – середины XIV вв. Остальные фрагменты, обнаруженные в слое второй половины XIV – первой половины XV вв. на участке раскопа VI в портовой части и на участке т.н. квартала II к югу от привратных башен, имеют такие же широкие хронологические рамки бытования. Помимо этого отдельные мелкие фрагменты зафиксированы до начала стационарных раскопок Сугдеи в подъемном материале и не имеют привязки к археологическим контекстам.

Всю кашинную керамику можно разделить на несколько хорошо известных групп. Наиболее ранними являются археологически целая тарелка открытой формы с наклепными шишечками с внешней стороны придонной части (рис. 1, 1), фрагмент стенки кувшина с рельефным орнаментом с внешней стороны (рис. 1, 4), фрагмент носика слива крупного светильника (рис. 1, 2) типа образцов городища Шехр-Ислам [Атагарриев 1969: 275, рис. 1, 21] и мелкий фрагмент стенки сосуда с рельефным орнаментом, нанесенным на внутреннюю поверхность (рис. 1, 3). Первые два изделия происходят из слоя на участке квартала I и, судя по археологическому контексту, датируется третьей четвертью XIII в., третье – обнаружено на полу мастерской в слое второй половины XIV в. и может рассматриваться в качестве примеси снизу, четвертое – является подъемным материалом. Эта группа кашинной керамики традиционно сопоставляется с ближневосточным импортом [Гинькут, Колесник 2019: 6-10] и характерна для раннего золотоордынского периода Сугдеи второй половины XIII в.

Всего одним фрагментом венчика (рис. 1, б) представлена кашинная керамика с подглазурной полихромной росписью, бесцветной поливой и подглазурной рельефной моделировкой. Происходит он так же из упомянутого слоя на участке квартала I и, судя по составу находок, может быть датирован серединой XIV в.

Так же одним фрагментом представлена и кашинная керамика с подглазурной полихромной псевдокуфической росписью без рельефной моделировки орнамента (рис. 1, 7). Происходит он из упомянутого слоя на полу ремесленной мастерской на участке куртины 14 и датируется, как уже указывалось, 70-ми гг. XIV в. Большинство же обнаруженных фрагментов относится к кашинной керамике с черной росписью под прозрачной бирюзовой глазурью. Это и развал тарелки, позволяющий реконструировать профиль с растительным орнаментом с пола мастерской (рис. 1, 8), и мелкие фрагменты с точечным, в виде мелких крестиков и растительным орнаментом (рис. 1, 10, 11), зафиксированные в слое на участке кварталов I, II и подъемном материале. На полу мастерской найдена была и небольшая чаша без какой-либо орнаментации (рис. 1, 5) и фрагмент венчика с подглазурной росписью в виде растительного орнамента, нанесенной кобальтом (рис. 1, 9).

Особо следует отметить находку пока единственного, в материалах Сугдеи, гульабдана (рис. 1, 13). Происходит он из культурного слоя середины – второй половины XIV в. на участке раскопа 6 в портовой части города. Венчик сосуда слегка отогнут наружу, в тулово украшено росписью, нанесенной черной краской под прозрачной бирюзовой глазурью. В верхней части расположен растительный орнамент, а в нижней – в виде крупных запятых.

Кашинные изделия Сугдеи не ограничиваются исключительно керамикой. В 2018 г. на участке раскопа 8 в портовой части обнаружено два фрагмента кашинных изразцовых плиток. Собрана и небольшая коллекция кашинных бус, происходящих, как из погребального инвентаря двух поздних захоронений середины XIV в. некрополя Судак-II, так и синхронного погребения 7 некрополя Судак-IX (рис. 1, 14, 15). На участке раскопа 10 в портовой части зафиксирована кашинная уплощенная пуговица с двумя отверстиями (рис. 1, 12) и небольшая кашинная подтреугольная подвеска.

Отдельную крайне малочисленную категорию находок составляет селадоновая керамика, представленная пока всего шестью фрагментами. Два из них являются горизонтально отогнутыми венчиками сосудов. Один из них, с остатками рельефного орнамента с внутренней стороны и загну-

тым вверх краем (рис. 2, 8) зафиксирован в одном комплексе с кашинной керамикой на полу мастерской, другой (рис. 2, 7) – в слое середины – второй половины XIV в. на участке квартала I.

Отдельную категорию находок составляет сероглиняная штампованная керамика, представленная, пока, только пятью надежно атрибутированными фрагментами (рис. 1, 2-4), в том числе частями раструбовидного высокого горла шаровидного кувшина (рис. 1, 1). Происходят они из уже упоминавшегося слоя первой половины – середины XIV в. на участке квартала I и синхронного слоя на участке раскопа 1 в портовой части. Производство оранжево и красноглиняной штампованной поливной и неполовной керамики в Сугдее доказано археологически. Ясно и то, что в большинстве случаев она является достаточно грубым подражанием анализируемой, производство которой, исходя из современных исследований, справедливо связывается с Хорезмом [Сейдалиева, Сейдалиев 2017: 211-218].

Следует отметить так же малочисленную категорию керамических находок, связанную с бордовоглиняными, в основном, небольшими неорнаментированными кувшинами с округлыми ручками, покрытыми, поверх ангоба, толстым слоем глухой монохромной поливы бирюзового цвета. Представлены они, к сожалению, только мелкими, в редких случаях профильными фрагментами (рис. 1, 5), не позволяющими реконструировать сосуд. Общее их число в Сугдее не превышает двух десятков. Датируются они, в основном, серединой – второй половиной XIV в. В качестве аналогий им можно предварительно рассматривать фрагменты керамики из Казанского кремля [Ситдииков, Храмченкова 2011: 125-132, рис. 2].

Остается упомянуть уникальную для Сугдеи находку фрагмента каменной плоской матрицы, сделанную в 2007 г. при раскопках хозяйственной ямы в западной части городского посада (рис. 1, 9). На основании нумизматических находок данный археологический контекст уверенно датируется второй четвертью XIV в. Реконструировать сюжет достаточно сложно, но в центре его, вероятно, располагалась многолучевая звезда, обрамленная геометрическим орнаментом. Все его части были заполнены выпуклыми звездочками и окружностями. Некоторые элементы орнамента

близки тем, которые присутствуют на местной штампованной керамике. Единственными типологически близкими изделиями можно условно считать алебастровые обоймы для вставки панно из кашинных изразцов [Ельников 2017: 363-386], которые, однако, намного массивнее нашего экземпляра. Отсутствуют на них и изначально орнаментированные кашинные плитки.

Таким образом, археологические источники дают неоценимую информацию для реконструкции торговых связей Сугдеи золотоордынского времени.

Библиография:

- АТАГАРРЫЕВ Е. Кашинная керамика Шехр-Ислама // СА. № 2. 1969. С. 274-278.
- БАРАНОВ И.А. Комплекс третьей четверти XIV в. в Судакской крепости // Сугдейский сборник. Вып. 1. Киев-Судак, 2004. С. 524-559
- ГИНЬКУТ Н.В., КОЛЕСНИК Е.В. Ближневосточная керамика с голубой поливой из раскопок Г.Д. Белова на северном берегу Херсонесского городища // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока. М., 2019. С. 6-10.
- ЕЛЬНИКОВ М.В. Строительная кашинная керамика городища Конские Воды // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X-XVIII вв. Т. 2. Казань-Кишинёв, 2017. С. 363-386.
- МАЙКО В.В. Стратиграфические исследования на участке квартала I Судакской крепости в 1997 г. // Сугдейский сборник. Вып. V. Киев-Судак, 2012. С. 363-393.
- СИТДИКОВ А.Г., ХРАМЧЕНКОВА Р.Х. Типология поливной керамики Казанского ханства и анализ её элементного состава // Вестник ТГГПУ. 2011. № 3(25). С. 125-132.

Михайлова Е. В.

БИБЛЕЙСКИЕ ТОПОНИМЫ В ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЯХ ВЕЛИКОБРИТАНИИ, США И КРЫМА

Mihailova Ye.

Biblical Toponyms in Geographical Place-names
of Great Britain, the USA, and the Crimea

Одной из актуальных задач современной лингвистики является изучение топонимической системы при формировании такой лингвокультурологической категории, как языковая картина мира, поскольку топонимы являются неотъемлемой частью лексики любого естественного языка и обладают, несомненно, этнокультурной значимостью. В них отражаются историко-социальные, языковые и этнокультурные особенности этноса. В связи с этим стали проводиться топонимические исследования в рамках лингвострановедения, лингвокультурологии и межкультурной коммуникации.

Топонимы рассматриваются в их тесной связи с историей и культурой этноса (М.Н. Аникина, В.И. Белая, Е.Л. Березович, Н.Ж. Бирилло, В.Д. Бондалетов, Е.М. Верещагин, М.В. Горбаневский, В.Г. Костомаров, О.А. Леонович, В.П. Нерознак, В.В. Ощепкова, Г.Д. Томахин, В.Д. Черняк, А.Б. Шабанова и др.). Отдельные аспекты проблемы влияния библейских сюжетов и библейских персонажей на топонимическую лексику в разных странах мира изучались в работах В.В. Алпатова [Алпатов 2010], А.Э. Левицкого [Левицкий 2008], А.Л. Белогуб [Белогуб 2005], Е.В. Михайловой [Михайлова, Солодова 2017] и др. Известной работой по исследованию топонимики Крыма является словарь географических названий Белянского И.Л., Лезиной И.Н. и Суперанской А.В. [Белянский, Лезина, Суперанская 1998].

Вопрос о заимствовании библейских географических названий не нов, но он все еще не нашел полного и всестороннего описания. Рассмотрение этого вопроса является **актуальным** и перспективным направлением в изучении топонимической лексики для лучшего понимания **исторических, культурных, религиозных и политических связей Крыма не только со Средиземноморским регионом, но и со странами Запада.** Цель данной статьи – показать влияние названий из Средиземноморского бассейна, встречающихся в библейских текстах, на развитие топонимической лексики Великобритании, США и Крыма. Фактический материал был получен выборочным методом из библейского словаря. Полученные данные проверяются с помощью «Атласа мира» и прилагаемых к нему географических карт.

Поскольку задача нашей работы – выявить на физических картах двух англоязычных стран и Крыма географические названия, образованные под воздействием на сознание людей библейских топонимов и христианских онимов, то рассмотрим их на основе следующего анализа.

Библейские топонимы, такие как *Александрия (Alexandria)*, *Афины (Athens)*, *Вавилон (Babylon)*, *Голгофа (Golgotha)*, *Дор (Dor)*, *Сион (Zion)*, *Салим (Salem)*, *Иордан (Jordan)*, *Иерусалим (Jerusalem)*, *Иерихон (Jericho)*, *Вифлеем (Bethlehem)*, *Дамаск (Damascus)*, *Египет (Egypt)*, *Каир (Cairo)*, *Кедрон (Cedron)*, *Коринф (Corinth)*, *Ливан (Lebanon)*, *Македония (Macedonia)*, *Назарет (Nazareth)*, *Ниневия (Nineveh)*, *Офир (Ophir)*, *Рим (Rome)*, *Филадельфия (Philadelphia)* и др., можно обнаружить на географических картах Великобритании и США.

В таких известных штатах, как Миссури, Иллинойс, Пенсильвания встречается населенный пункт *Сион (Zion)*. В Калифорнии, в Сан-Диего, а также в Великобритании (Ланкшир, Йоркшер), имеется ряд улиц с названием *Сион Стрит (Zion Street)*. Согласно библейскому тексту – это одна из гор Иерусалима, древняя крепость Иевусеев (И. Нав. 15:36), которая стала главной крепостью нового царского города, называемого «город Давида» (2 Цар. 5:7). В нем был похоронен Давид. *Сион (Zion)* – символ или метафора для обозначения исторического города Иерусалима [Словарь библейских образов 2008: 1071]. В разных местах Писания

обнаруживаются разные понятия, связанные с городом Сионом. Для современных названий городов и улиц этим именем, скорее всего, выбраны следующие понятия: центр мира, откуда Божий закон распространится повсюду; обновленные небо и земля, где будут царить мир и процветание.

Салим (Salem) – одно из названий Иерусалима (Псл. 75:3). Название города произошло от древнееврейских слов *shalom* и *salaam*, которые в переводе означают «мир». Образ Иерусалима играет важную роль в обоих Заветах и занимает центральное место в религиозном сознании верующих всех времен. В Библии Иерусалим становится ведущим символом веры Израиля и, как таковой, превращается в образ имперских надежд Израиля. Библейское происхождение Иерусалима многие исследователи связывают с древним ханаанским поселением Салим [Словарь библейских образов 2008: 395-397]. Используемое библейское название города в США символизирует своего рода время, когда, Бог воцарится на земле во всей полноте и будет править через Сына Давидова. *Салим (Salem)* можно найти на карте США в северной части штата Орегон.

Коринф (Corinth) – известный торговый город Греции. Исключительное положение этого города сделало его важным торговым и военным пунктом. Выражение «жить по-коринфски» прилагалось к развратнику в самом широком смысле этого слова. Из Афин апостол Павел пришел в *Коринф (Corinth)*, где проповедовал (Деян. 18:1). Коринфская церковь, по причине своих разделений и безнравственности причинила Павлу много огорчений. Это побудило его написать им три послания (1 Кор. 5:9). Населенные пункты с названием *Коринф (Corinth)* встречаются в штатах Техас, Нью-Йорк, Миссисипи, Кентукки и в штате Мэн, США. В США *Коринф Стрим (Corinth Street)* есть в Бостоне (Массачусетс), Далласе (Техас), Сан Диего (Калифорния) и в Хьюстоне (Техас). В Великобритании есть только улица с таким названием в городе Ноттингем.

В Крыму, где именно и свершилось таинство крещения св. князя Владимира, крестителя Руси, среди топонимов встречаются, главным образом, образованные от имен святых: *Ай-Серез, Ай-Алексий, Ай-Андрей, Ай-Георгий, Ай-Петри, Аян*. В перечисленных топонимах компонент *Ай-* произошел из новогреческого *айос* – «святой». Имена святых связаны

с распространением христианства, с созданием средневековых храмов, церквей, часовен и монастырей на этой земле. В соответствии с ландшафтом Крыма именами святых названы либо горы с горными массивами, либо источники воды. В данном контексте оронимы и гидронимы являются определенными символами чистоты, откровения и стремления к Всевышнему и его мудрости.

Ай-Андрей – Св. Андрей – мощный источник со сводчатым перекрытием в бассейне реки Улу-Узень, на котором стояла средневековая церковь Св. Андрея [Белянский 1998: 21]. *Ай-Петри* – Св. Петр – массивная гора со скальными зубцами и гребнями у вершины, переходящие ниже, в сторону моря, в ребристые обрывы в виде утесов, в 2 км от Алупки. В начале XIX в. у вершины еще были видны руины средневекового храма. *Ай-Георгий* – Св. Георгий – гора с голой куполообразной вершиной, по названию большого монастыря на западном склоне горы. *Аян* – (возможно от греч. Св. Иоан) – мощный источник с куполообразным сооружением, исток реки Салгир.

Таким образом, изучив и сопоставив топонимы-мигранты на современных картах Великобритании и США, можно сделать вывод, что часть гидронимов, оронимов, ойкономов, урбанонимов в этих странах были заимствованы из Библии. Причинами переноса таких топонимов может служить: 1) факт миграции населения, характерный как для прошлых эпох, так и для современности, на новое место жительства, способствующий переносу топонимов оставленной Родины с целью сохранения памяти о ней (*Rome, Egypt, Lebanon*); 2) сходство природных условий и географического положения (*Samaria, Macedonia, Cedron, Zion*); 3) сходство хозяйственных процессов (*Ophir, Nineveh, Corinth, Jericho, Damascus*) и 4) тот факт, что часть библейских топонимов сохранили в себе определенные образы, связанные с ключевыми историческими моментами и событиями, описанными в Библии, и являющимися особо ценными для религиозного сознания верующих (*Babylon, Golgotha, Salem, Jerusalem, Jordan, Bethlehem*). Топонимика Крыма разнообразна, поскольку на данной территории в разное время проживали разные народы: греческие и римские поселенцы, завоеватели готы, пришедшие с берегов Балтийского моря, за-

воеватели монголы, пришедшие из степей Центральной Азии и др. Часть названий объектов горного и водного ландшафта Крыма связаны с распространением христианства.

Причинами разницы в количестве встречающихся библейских топонимов в топонимической лексике стран Великобритании и США выступают следующие факторы: 1) географический (занимаемая площадь двух стран); 2) исторический (история Великобритании древнее истории США, в названиях крупных поселений присутствуют кельтские, латинские, англосакские элементы, поэтому библейская топонимика встречается большей частью в названиях улиц и проспектов); 3) социальный и религиозный (люди бежали в Новый Свет от разных религиозных, социальных и экономических притеснений со стороны церкви и правительства своих стран; переселенцы начали основывать общины, строить города и улицы, создавать школы на территории США и давать им свои названия).

Библиография:

АЛПАТОВ В.В. Английские метафорические топонимы с христианскими ассоциациями // Вопр. ономастики. 2010. № 2 (9). С. 86-94.

БЕЛЯНСКИЙ И.Л., ЛЕЗИНА И.Н., СУПЕРАНСКАЯ А.В. Географические названия: краткий словарь. Симферополь: Таврия-Плюс, 1998. 160 с.

БЕЛОГУБ А.Л. Отражение библейского имени Моисей в географических названиях // Вісник Харківського національного ун-ту ім. В.Н. Каразіна. Серія романо-германська філологія. 2005. № 649. С. 73-76.

ЛЕВИЦКИЙ А.Э. Глобализация по-американски (анализ номинаций городов США) // Культура народов Причерноморья. Научный ж-л: В 2 т. Т. 2. Симферополь: Межвузовский центр «Крым», 2008. С. 12-14.

МИХАЙЛОВА Е. В., СОЛОДОВА Е.С. Библейские антропонимы в географических названиях Великобритании и США // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: материалы I всероссийской научно-практической конференции, Симферополь, 27-29 апреля 2017 г. / гл.ред. М.В. Норец. — Симферополь: ИТ «Ариал», 2017. С. 266-271.

СЛОВАРЬ БИБЛЕЙСКИХ ОБРАЗОВ / Под общ. ред. Джеймса Уилхойта, Треппера Лонгмана. СПб.: Библия для всех, 2008. 1424 с.

Могаричев Ю. М., Ергина А. С.

ПЕЩЕРНЫЕ ЦЕРКВИ ВО ИМЯ Св. ГЕОРГИЯ В ИНКЕРМАНЕ

Mogarichev Yu., Ergina A.

Cave Churches in the Name of St. George in Inkerman

Церковь Скита в Георгиевской (Крымской) балке. Комплекс некогда состоял из шести помещений, в том числе одной церкви, и находился на западной стороне Георгиевской (Крымской) балки. Название ущелья однозначно свидетельствует, в честь какого святого была освящена данная обитель. Памятник был взорван в начале 70-х гг. XIX в. при прокладке железной дороги, ведущей в Севастополь, и к концу этого столетия здесь просматривались лишь следы нескольких помещений [Могаричев 1997: 27; 2019: 305].

Авторы первой половины – середины XIX в. указывали на имевшиеся в церкви остатки фресковых росписей. Рассмотрев известные на данный момент описания и сохранившиеся рисунки фресковых композиций (Ф. Дюбуа де Монпере, Д. М. Струков) пещерной церкви в Георгиевской балке мы можем попытаться определить систему росписи церкви Скита св. Георгия следующим образом (Рис. 1).

Стенопись апсиды. В апсиде выявлено два сюжета: один в конхе – Вознесение, другой в нише алтаря – Деисус.

Сюжет Вознесение – центральный. В верхней части композиции – образ Спасителя, возносящегося в медальоне, ореол которого красного цвета и светлой охры. Фигура Иисуса во Славе с благословляющим жестом, окружена четырьмя ангелами. По остаткам изображений небесных сил в акварелях Д. М. Струкова видно, что лики и торсы ангелов изображены в фас. В нижней части Богородица показана в окружении ангелов и нескольких фигур – учеников Христа. Действие стенописи в конхе апсиды происходит на локальном синем фоне небес. Композиция – симметричная, замкнутая. Тем не менее, на изображении Ф. Дюбуа де Монпере ангелы,

возносящие Спасителя в сфере, представлены активными диагональными направляющими, которые придают внутренней динамики композиции. А уже в рисунке Д. Струкова этой динамики нет. Это может объясняться плохой сохранностью тогда нижних образов небесных сил.

В алтарной нише над престолом представлена традиционная для фресковых росписей пещерных церквей Таврики композиция Деисус. Спаситель в красном хитоне, в руках книга. Ноги в сандалиях, под ногами богато украшенный помост престола. Богоматерь в бордовом мафории и сложенными на груди руками, Иоанн Предтеча в умбристом хитоне с молитвенным жестом обращается к Спасителю. Такая иконография композиции имеет ближайшую аналогию в стенописи пещерной церкви на поляне Кильсе-тубю в округе Мангупа [Могаричев, Ергина 2019а].

Стенопись свода церкви. Свод церкви по рисункам Ф. Дюбуа де Монпере имеет четкое архитектурное членение карнизами на отдельные сюжеты, которые усилены изображениями декоративных рам, обрамляющих сюжеты.

В центре свода над алтарной частью церкви – поясное изображение святого в медальоне белого, желтого и красного цветов. Святой представлен в красном хитоне с дорого украшенной горловинной и синем гиматии, с благословляющим жестом и свитком в другой руке. По интерпретации Д.М. Струкова, который отмечал еще несколько букв имени, это образ св. Лаура [Струков 1876: 30-31]. Отметим, что традиционно св. Лаура (Лавра) изображают вместе с братом Флором. Исходя из того, что святой изображен один в надалтарном пространстве, возникает сомнение в правильности такой версии. На южной части свода просматриваются две фигуры на фоне архитектурного стаффажа. По мнению Д.М. Струкова, данный сюжет – явление Ангела св. Пахомию Великому [Струков 1876: 31]. Святой изображен в момент вручения ему устава монашеской жизни. Учитывая монастырский характер церкви, такая интерпретация не вызывает сомнения.

На северной части свода две композиции. По Д.М. Струкову – Сошествие Святого Духа на апостолов и св. Иоанн Богослов и его ученик Прохор [Струков 1876: 31].

Изображение Сошествие Святого Духа на апостолов канонично. Треть верхней части – синее небо с яркими лучами, спускающимися на землю. На фоне яркого неба сидят апостолы во главе с Матерью Божьей и в нижней части стенописи фигура царя с платом, которую трудно рассмотреть на акварели Д.М. Струкова. Этот сюжет по своему повествованию дополняет противостоящую ей упомянутую композицию Явления Ангела св. Пахомию на южной стороне свода.

Следующая за Пятидесятницей композиция – св. Иоанн Богослов и его ученик Прохор. К сожалению, в акварели Струкова эта часть стенописи изображена условно. Соответственно, нам невозможно объективно провести анализ этой части стенописи.

Как уже отмечалось, определенной аналогией стенописи церкви Скита св. Георгия является сюжет Деисус в пещерной церкви Кильсе-тубю в округе Мангупа, датируемой второй четвертью XV в. – 1475 г. Иных аналогов по стилистике и иконографии в Крыму нами не было выявлено. По организации внутреннего архитектурного пространства Скит св. Георгия ближе всего к Южному монастырю Мангупа, возникновение которого относится к 20-30 гг. XV в. [Могаричев, Ергина 2019б: 210-223] Организация интерьера церкви интересна наличием карнизов по периметру каждого архитектурного членения памятника. Такое обрамление сюжетов (не только средствами живописи, но и архитектурными деталями) также позволяет проследить некоторую аналогию с базиликой Св. Георгия (Климент) (см. далее). Приведенные аналогии позволяют сделать следующий вывод. Вероятнее всего памятник был сооружен в границах первых трех третей XV в. Это соотносится с датировкой Ю.М. Могаричева и его версией, что Скит был основан одним из последних в Инкерманской долине и являлся ответвлением от монастыря св. Софии.

Базилика Св. Георгия (Климент) входит в комплекс монастыря св. Климента, являющегося частью пещерного комплекса на южном и западном обрывах Монастырской скалы. Датируется церковь, вероятнее всего – XV в.

В историографии укрепились точка зрения, что именно этот храм впервые описал русский священник Иаков, прибывший в Крым в 1634 г. в составе посольства к крымскому хану [Могаричев 1997: 7-11].

На первый взгляд может показаться, что описание священника Иакова относится не к рассматриваемому памятнику, а к иному храму. Ведь кроме вырезанного рельефного креста в конхе апсиды, иные украшения там сейчас не видны. Однако, авторы конца XVIII-XIX вв. отчетливо указывали на имевшиеся остатки стенописи именно в базилике св. Георгия (Климента). З. Аркас, писал, что в нише, расположенной в апсиде «заметно писанное масляными красками истертное изображение Спасителя, прободаемого воином, под ним жертвенник» [Аркас 1848: 269-271]. Д.М. Струков касательно различных им фресковых росписей указывал следующее: «Над престолом в стене впадина, шириною 1 арш. 3 верш., вышиною 2 арш., глубиною 5 верш.; во впадине изображение Спасителя, сидящего на престоле, живопись испорчена временем и свойством формации скалы, обладающей большим количеством селитры» [Струков 1876: 25-26]. А.Л. Бертье-Делагард росписей уже различить не мог. Н.И. Репников подчеркивал: «осмотр новейшей росписи устанавливает наличие под ними фрагментов стенописей XIII в. Датировка последней совпадает с определением времени рельефного процветшего креста» [Репников Материалы: 36].

Как следует из описания священника Иакова, уже в первой половине XVII в. сохранность стенописи была фрагментарной. В пространстве храма на тот момент сохранились изображения Христа с пророками и образы двух святых воинов. Один из воинов в багровой ризе с мечем, другой также в багровом одеянии с крестом в левой руке – св. Георгий и св. Феодор (Стратилат или Тирон) соответственно. Ф. Дюбуа де Монпере отмечал сходство сохранившейся росписи памятника с живописью церкви Скита св. Георгия. где в нише апсиды отмечен сюжет Деисус. Д.М. Струков не оставил подробного описания тамошних фресковых росписей. По всей видимости, на момент посещения им храма, стенопись была утрачена.

Библиография:

АРКАС З. Описание Ираклийского полуострова и древностей его // Записки Одесского общества истории и древностей. — Одесса, 1848. Т. II. Отд. 1. С. 245-271.

БЕРТЬЕ-ДЕЛАГАРД А.Л. Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма // Бертъе-Делагард А.Л. Избранные труды по истории средневекового Крыма. — Симферополь: Доля, 2012. С. 7-153.

МОГАРИЧЕВ Ю.М. Пещерные церкви Таврики. — Симферополь: Таврия, 1997.

МОГАРИЧЕВ Ю.М. «Пещерные города» Горной Юго-Западной Таврики в описании А.С. Уварова. — Симферополь: Бизнес-Информ, 2019.

МОГАРИЧЕВ Ю.М., ЕРГИНА А.С. Пещерная церковь на поляне Кильсе-тубю (округа Мангупа, Крым) // Проблемы истории, филологии, культуры. — М.-Магнитогорск, 2019а. № 3. С. 166-186.

МОГАРИЧЕВ Ю.М., ЕРГИНА А.С. Фресковые росписи пещерной церкви Южного монастыря Мангупа: специфика иконографии и особенности композиционного решения // Поволжская археология. — Казань, 2019б. № 2 (28). С. 210-223.

СТРУКОВ Д.М. Древние памятники христианства в Тавриде. — М.: Универ. тип., 1876.

Иллюстрации к статье

Рис. 1. Скит в Георгиевской (Крымской) балке.
Реконструкция стенописи по А. С. Ергинной.

Нессель В. А.

НАХОДКИ ТЕРРАКОТОВЫХ СТАТУЭТОК ИЗ РАСКОПОК НА ТЕРРИТОРИИ КАДЫКОВСКОГО ГОРОДИЩА

Nessel' V.

Findings of Terracotta Figurines from Excavations on the Territory of the Kadikovo Settlement

Археологические раскопки здания римского времени на территории Кадыковского городища проводились в 1992 и в 2010-2013 гг.¹ В результате этих работ был открыт южный угол здания, построенного вексилляцией римского войска Нижней Мезии в середине II – первой трети III вв. н.э. [Савеля 1997: 89-91, рис. 3; Сарновски, Савеля 2000: 32-34; Савеля, Карасиевич-Щеперски, Филиппенко 2011: 11-16а; Савеля, Карасиевич-Щеперски 2012: 3012; 2013: 3-14; 2014: 3-15], а также зафиксированы следы более ранней застройки этой территории, от которой сохранились остатки мощения улицы, фрагменты системы дренажа и канализования [Савеля, Карасиевич-Щеперски 2013: 3-134; Karasiewicz-Szczypliowski 2014: 53-79]. Строительные остатки этого раннего периода сопровождал массовый археологический материал II-I вв. до н.э. – I в. н.э., который присутствовал на всей площади раскопок и состоял из обломков амфор причерноморского производства (типы CI-CIII по: Внуков 2003: 28-117, рис. 12-14, 36-38, 4; Син I по: Внуков 2003: 130-133, рис. 51), фрагментов краснолаковой керамики группы Восточной сигиллаты В (формы 58, 60 по: Hayes 1985: 64, tav. XIV, 3, 7). Среди находок, обнаруженных как в слоях, предшествующих культурным напластованиям римского времени, так и в перемещенном в более поздний период грунте, были встречены фрагменты терракот.

¹ В 1992 г. работы проводила Севастопольская археологическая экспедиция НЗХТ под руководством О.Я. Савели, в 2009-2011 гг. – совместная экспедиция НЗХТ и Института археологии Варшавского университета (руководители О.Я. Савеля, Р. Карасиевич-Щеперски).

Первый из фрагментов – голова женской объемной статуэтки, высотой 3,8 см, шириной 2,5 см (рис. 1, 1а-с)². Обнаружена в зондаже с внешней стороны стены 11, у южного угла здания I [Ср.: Савеля, Карасиевич-Щеперски, Филиппенко 2011: 14-15; Нессель 2011: 28-29; Karasiewicz-Szczypiorski 2014: 54, fig. 2]. Голова оттиснута в двусторонней форме с последующей доработкой инструментом, на шее имеется след от штыря. Судя по сохранившемуся фрагменту, статуэтка представляла пухлощекую женщину с лицом правильной формы, с массивным подбородком, с крупным прямым носом и большими округлыми глазами со слегка припухшими веками, небольшим ртом с пухлыми губами. В ушах были круглые серьги (частично утрачены). Волнистые волосы впереди разделены на прямой пробор и собраны сзади в узел; на волосах – перевитый лентой венок, поверх которого была надета не сохранившаяся коническая шапочка или устанавливалась чашечка-фимиатерий (характер повреждений не позволяет с уверенностью утверждать, что именно). Голова фигурки слегка наклонена вправо. Терракота изготовлена из плотной глины красно-коричневого оттенка с серым закалом, содержащей известковые включения, и покрыта светло-коричневым ангобом. Манера исполнения, а также представленный типаж позволяют датировать эту находку эллинистическим временем. Среди терракотовых статуэток Херсонеса имеются женские головки в остроконечных шапочках, относящиеся к эллинистическому периоду [Шевченко 2016: 96, табл. LXXXIX, 567]. Также наблюдается определенное сходство иконографии нашей находки с образом Деметры, созданным херсонесскими коропластами в IV-III вв. до н.э. [Ср.: Шевченко 2016: 37, табл. XXVII, 129]. В качестве аналогий можно также указать на находки головы Персефоны IV в. до н.э. из поселения Андреевка Южная (европейская часть Боспорского государства), находки женских фигурок II в. до н.э. в остроконечных шапочках из Пантикапея и некрополя Кеп, головки начала – середины IV в. до н.э. из коллекции Британского музея, а также головы «кукол» IV в. до н.э. из святилища Деметры и Коры в Коринфе [Кругликова 1970: 104, табл. 47 (3); Силантьева

² НЗХТ ИКАМ 37567/31.

1974: 24 № 89, табл. 20:1; Сорокина 1974: 17, 19, табл. 13 (1); Higgins 1954: 267, 318-319 №№ 977, 1174, 176, pl. 137, 161; Merker 2000: 30, 34, 51, 56-57 №№ С152, С168, pl. 99, 101]. Несмотря на то, что из-за фрагментарности находки однозначно интерпретировать ее с конкретным мифологическим персонажем не представляется возможным, тем не менее, судя по тому, что голове изображенной помещался или фимиатерий или конусообразный головной убор, данную фигурку можно рассматривать в связи с хтоническими культами [Шевченко 2016: 96 № 567].

Другая находка – часть вотивного рельефа, размером 3,5х3,5 см (рис. 1, 2а-с)³. Обнаружена в здании I, в помещении 6/7 [Нессель 2011а: 18]. Сохранилась нижняя часть рельефного изображения стоящей (?) фигуры на прямоугольном основании: видна левая босая нога, а также нижний край длинной одежды с вертикальными складками. Пальцы на ногах проработаны довольно схематично. Глина плотная, светло-оранжевая, без видимых примесей. Из-за крайней фрагментарности поиск аналогий не представляется возможным; можно лишь с осторожностью предположить, что данный рельеф относится ко времени, предшествующему римскому строительству.

Находки терракотовых статуэток более раннего времени, чем середина II – первая половина III вв., уже встречались при раскопках находящегося неподалеку от места археологических работ 2010-2013 гг. святилища Юпитера Долихена [Шевченко 2000: 119-120]. В комплексе святилища терракоты, изображавшие фигуры Кору-Персефоны и сатира, были найдены у основания для колоннады в фасаде храма (на земляном полу, в круглом пятне горения). Однако, по мнению А.В. Шевченко, опубликовавшей эти находки, данные терракоты не имеют прямого отношения к храмовому комплексу середины II-первой половины III вв. н.э. [Шевченко 2000: 119-120]. Тем не менее, на основании анализа смысловой нагрузки, заложенной в этих изделиях мастерами-коропластами эллинистического времени и связанной с земледельческими культами, публикатор терракот поддержала предположение руководителя раскопок О.Я. Савели,

³ НЗХТ ИКАМ 37551/6.

что на месте храма Юпитера Долихена могла находиться постройка более раннего времени и именно к ней и относятся данные находки [Шевченко 2000, с. 120; Савеля 1997: 22].

Работы на Кадыковском городище в 2010-2013 гг. подтвердили правильность этой гипотезы. Были открыты не только строительные остатки периода, предшествующего возникновению римского военного лагеря [Савеля, Карасиевич-Щеперски, Филиппенко 2011: 11-16а; Савеля, Карасиевич-Щеперски 2014: 13-14], но и получен археологический материал эллинистического времени [Nessel' 2015: 375-380], свидетельствующий о том, что эта территория была освоена еще задолго до появления здесь римских войск. Возможно, с этим начальным этапом и были связаны терракотовые статуэтки, обнаруженные при исследованиях как римского здания, так и святилища Юпитера Долихена.

Библиография:

ВНУКОВ С.Ю. Причерноморские амфоры I в. до н.э. — II в.н.э. Морфология. М., 2003.

КРУГЛИКОВА И.Т. Терракоты с сельских поселений европейской части Боспорского государства // САИ. Вып. Г1-11. М., 1970. С. 100-111.

НЕССЕЛЬ В.А. Керамический материал из дренажной канавы в районе Кадыковского рынка в 2009 г. // Савеля О.Я., Карасиевич-Щеперски Р., Филиппенко А.А. Отчет об охранных археологических исследованиях в Балаклаве в 2010 г. // Архив МЗХТ. 2011. Д. 4105. Ф. 1. Л. 17-19.

НЕССЕЛЬ В.А. Керамический материал из охранных зачисток в районе Кадыковского рынка в 2010 г. // Савеля О.Я., Карасиевич-Щеперски Р., Филиппенко А.А. Отчет об охранных археологических исследованиях в Балаклаве в 2010 г. // Архив МЗХТ. 2011а. Д. 4105. Ф. 1. Л. 20-31.

САВЕЛЯ О.Я. Охранные раскопки в Балаклаве (исследование т.н. «священного участка» и храма Юпитера Долихена в 1996 г.) // Архив МЗХТ. 1996. Д. 3306. Ф. 1. 65 л.

САВЕЛЯ О.Я. Некоторые результаты работ Севастопольской археологической экспедиции в округе Херсонеса в 1990-1995 гг. // ХСб. — Севастополь, 1997. Вып. VIII. С. 88-95.

САВЕЛЯ О.Я., КАРАСИЕВИЧ-ЩЕПЕРСКИ Р., ФИЛИППЕНКО А.А. Охранные археологические исследования у Кадыковского рынка // Отчет об охранных археологических исследованиях в Балаклаве в 2010 г. // Архив МЗХТ. 2011. Д. 4105. Ф. 1. 101 л.

САВЕЛЯ О.Я., КАРАСИЕВИЧ-ЩЕПЕРСКИ Р. Отчет. Археологические исследования Кадыковского городища в Балаклаве в 2011 году // Архив МЗХТ. 2012. Д. 4288/1. Ф. 1. 131 л.

САВЕЛЯ О.Я., КАРАСИЕВИЧ-ЩЕПЕРСКИ Р. Отчет. Археологические исследования в Балаклаве (Кадыковка) в 2012 году // Архив МЗХТ. 2013. Д. 4231/Г. Ф. 1. 154 л.

САВЕЛЯ О.Я., КАРАСИЕВИЧ-ЩЕПЕРСКИ Р. Отчет. Археологические исследования в Балаклаве (Кадыковка) в 2013 году // Архив МЗХТ. 2014. Д. 4289/Г. Ф. 1. 164 л.

САРНОВСКИ Т., САВЕЛЯ О.Я. Балаклава. Римская военная база и святилище Юпитера Долихена. Варшава, 2000.

СИЛАНТЬЕВА П.Ф. Терракоты Пантикапея // САИ. Вып. Г1-11. Ч. III. М., 1974. С. 5-37.

СОРОКИНА Н.П. Терракоты из некрополя Кеп // САИ. Вып. Г1-11. Ч. III. М., 1974. С. 16-20.

ШЕВЧЕНКО А.В. Терракоты // Т. Сарновски, О.Я. Савеля (ред.). Балаклава. Римская военная база и святилище Юпитера Долихена. Варшава, 2000. С. 119-121.

ШЕВЧЕНКО А.В. Терракоты античного Херсонеса и его ближней сельской округи. Симферополь, 2016.

HAYES J.W. *Sigillate orientali* // *Ceramica fine Romana nell Bacino Mediterraneo (tardo ellenismo e primo imperio)*. Atlante delle forme ceramiche. II. Enciclopedia dell'arte antica, classica e orientae. Roma. 1985.

HIGGINS R.A. *Catalogue of the terracottas in the department of Greek and Roman antiquities British Museum*. Vol. I, II. London, 1954.

KARASIEWICZ-SZCZYPIORSKI R. *The Late Roman Fort in Balaklava and its Surroundings* // *Światowit*. Vol. XI (LII) (2013). Fasc. A. *Mediterranean and non-European Archaeology*. Warsaw. 2014. P. 53-79.

MERKER G.A. *The Sanctuary of the Demeter and Kore. Terracotta figurines of the Classical, Hellenistic and Roman Periods* // *Corinth*. Vol. XVIII. Part IV. Princeton, New Jersey. 2000.

NESSSEL' V.A. *On some categories of ceramic tableware from the Kadikovka (Kadikoi) settlement* // *Ad fines imperii Romani. Studia Thaddaeo Sarnowski septuagenario ab amicis, collegis discipulisque dedicate*. Varsaviae, 2015. P. 375-380.

Иллюстрации к статье

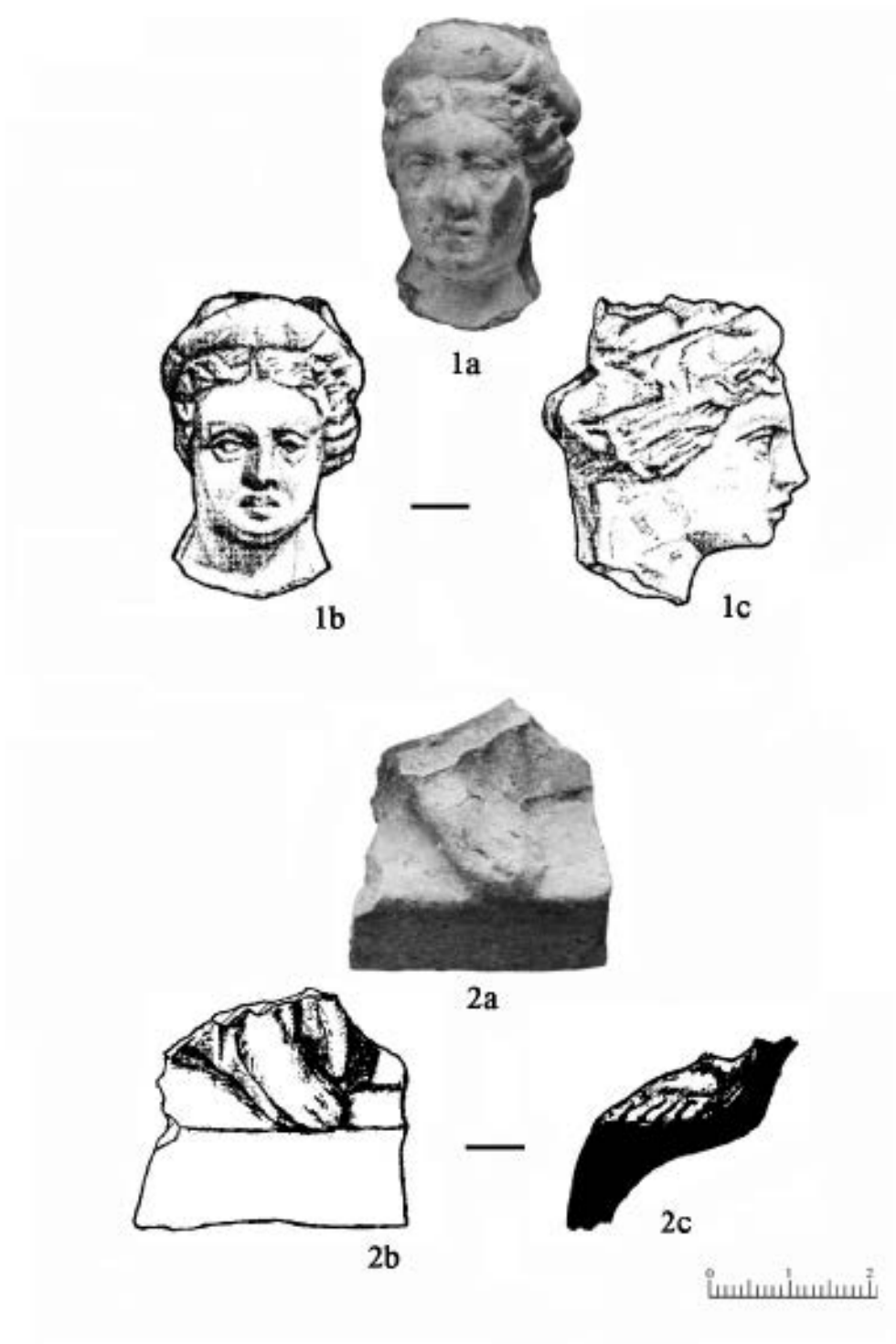

Рис. 1. 1а-с — голова женщины; 2а-с — часть votивного рельефа.

Нессель В.А., Ушакова К.С.

ЧЕРНОЛАКОВАЯ КЕРАМИКА ИЗ РАСКОПОК ХОЗЯЙСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА АНТИЧНОГО ВРЕМЕНИ НА ЗАПАДНОМ БЕРЕГУ СТРЕЛЕЦКОЙ БУХТЫ

Nessel' V., Ushakova K.

Black-lacquered Ceramics from Excavations
of an Economic Complex of Ancient Times
in the West Bank of Streletskaia Bay

В ходе более чем столетнего изучения древней хоры Херсонеса Таврического получена ценнейшая информация о характере землепользования на ближней сельскохозяйственной округе, открыты и исследованы десятки античных усадеб, поселений и агротехнических сооружений [Николаенко 1999; 2001]. Некоторые из этих памятников уже давно вошли в научный оборот, однако многие опубликованы лишь частично, без описания найденного материала.

Одним из таких памятников является крупный хозяйственный комплекс античного времени, расположенный в верховье Стрелецкой бухты, на ее Западном берегу, и занимавший часть территории блока наделов № 101а хоры Херсонеса Таврического [Николаенко 2001: 58-59]. Впервые он был выявлен разведками О.Я. Савелив в 1971 г. как усадьба [Савеля 1971]. Исследования, проводившиеся под его же руководством в 2003-2011 гг. показали, что комплекс, скорее всего, носил производственный характер, направленный на переработку и хранение продуктов виноделия [Савеля 1971; Савеля, Демьянчук 2004: 13-15; Савеля, Демьянчук, Савеля, Нессель 2007: 5-11; Савеля 2010: 4-24; Савеля 2011: 4-40]. В ходе раскопок были открыты остатки винодавильных площадок, нескольких помещений и сооружений для изготовления и хранения продуктов виноделия (ям сусло-

приемников?, подвалов и ям для пифосов). По предварительным данным, комплекс, возникший во второй половине IV в. до н.э., прекращает бытование в первой половине II в. до н.э. [Савеля 2011: 19; Нессель, Ушакова 2018: 360-362].

В данной работе хотелось бы подробнее остановиться на одной из групп археологического материала, происходящей из раскопок памятника – чернолаковой керамике.

К сожалению, хотя чернолаковые сосуды занимают в керамическом комплексе значительное место (ок. 10%), большая их часть сохранились в крайне фрагментированном виде.

Сосуды для питья представлены в основном обломками *канфаров классической сери*: аттического производства – второй половины IV – первой-второй четвертей III вв. до н.э. (Рис. 1: 3-5,8,10,11,13,18; инв. 3/1206, 4/1206) [Rotroff 1997: 242-245, fig. 4-6; Егорова 2009: 25-26, рис. 1-4], и малоазийского – второй половины III в. до н.э. (Рис. 1: 6,7,9,11-13; инв. 19/37549, 5/1171, 3/1206, 4/1206) [Егорова 2009: 47-48, 149, рис. 34: 533,536,539-542; ср.: Rotroff 1997: 247, fig. 7: 53,56]. Фрагмент профилированной ножки еще одного канфара (Рис. 1, 16; инв. 18/37549), с неглубокой выемкой в основании, оставленной в цвете глины по форме, оформлению внешней части и глине близок продукции Македонии конца III – начала II вв. до н.э. [ср. Егорова 2017: рис. 7, табл. 17: 65].

На двух фрагментах сохранился орнамент в стиле West Slope Ware (WSW). Венчик аттического канфара (Рис. 1: 2; инв. 2/1206), украшенный плющевой гирляндой может быть датирован второй четвертью III в. до н.э. [Rotroff 1997: 43, 47-50, 242-245, fig. 4-6: 1-33]. На еще одном сильно фрагментированном сосуде (Рис. 1: 1; инв. 16/37549, 13/37565) сохранилась растительная гирлянда из крупных процарапанных завитков. Аналогичный орнамент, состоящий только из прочерченных элементов встречается на эллинистическом канфаре второй половины III в. до н.э. из Фессалии [Егорова 2017: рис. 9: 83], хотя подобное исполнение стеблей гирлянды характерно и для малоазийской, в частности, пергамской керамики WSW [см. например: Schäfer 1968: Taf. 16: D53,61,63,64, Taf. 13: D33,35; Behr 1988: Taf. 13: 1, Taf. 14: 1, Taf. 18: 4,5]. По форме и пропорциям наш сосуд относится к концу первой четверти III в. до н.э. [Rotroff 1997: 244, fig. 5: 28].

Гораздо более редкая для Херсонеса форма сосудов – *чашевидные канфары*, производство которых в Аттике приходится на последнюю четверть IV – первую четверть III вв. до н.э. Фрагменты из раскопок памятника относятся к двум типам: классического (Рис. 1: 14; инв. 12/37565) и эллинистического (Рис. 1: 15; инв. 20/37549) [Rotroff 1997: 92-93, 255, 257, fig. 11: 127,130,142,143,144; Sparkes, Talcott 1970: 121, 285, pl. 28, fig. 7: 690; ср.: Егорова 2009: 29, 96, рис. 10: 123,124; Парович-Пешикан 1974: 69, 70, рис. 69: 4,5, рис. 73: 3].

Единичный обломок закраины *полусферической чаши*, профилированной снаружи несколькими рядами желобков, скорее всего, относится к продукции Пергама второй половины III в. до н.э. [Рис. 1: 19; инв. 6/1206; ср.: Behr 1988: Kat. 60-62].

Наиболее многочисленная категория чернолаковых сосудов на памятнике – это миски различных типов.

Миски с отогнутым краем аттического производства датируются в пределах последней четверти IV – первой половины III вв. до н.э. (Рис. 1: 20,23,24,27,39-42; инв. 25/37549, 13/1206, 14/1206) [Rotroff 1997: 329-334, fig. 59: 872,874; Егорова 2009: 106-111, 123, рис. 15: 211, рис. 17: 239, рис. 24: 335,337]. Несколько экземпляров по форме и характеристикам глиняного теста представляют собой малоазийский импорт первой половины III в. до н.э. (Рис. 1: 21,22,25,26,28; инв. 26/37549, 7/1206) [Егорова 2009: 156-157, рис. 40: 593-596,597,602].

Среди *мисок с загнутым краем* также встречаются сосуды как производства Аттики (Рис. 1: 29,33-36,38; инв. 24/37549, 14/37565, 14/1206), так и Пергама (Рис. 1: 30-32; инв. 15/1206). При этом первые довольно узко датируются первой четвертью III в. до н.э. [Rotroff 1997: 339, 341, fig. 62: 972,976-978, fig. 63: 1000,1001; Егорова 2009: 118-119, 121, рис. 21: 299,301-303, рис. 22: 319], тогда как вторые, судя по имеющимся аналогиям, тяготеют ко второй половине III – первой четверти II вв. до н.э. [Schäfer 1968: Taf. 4: C17-18; Егорова 2009: 118-119, 121, рис. 42: 627-630]¹.

¹ Следует отметить, что некоторые исследователи все же склонны относить их к первой половине III в. до н.э. [Özygit 1990: πιν. 56, 5b].

Большинство *тарелок с валикообразным венчиком* относятся к первой – третьей четвертям III в. до н.э. (Рис. 2: 1,3,4,6,8,9; инв. 11/1206, 13/37587, 27/37549) [Rotroff 1997: 310, fig. 46: 654, fig. 47: 658,660,661; Егорова 2009: 40-41, 135-138, Рис. 28: 449,452-454,461-462]. В то же время, отдельные фрагменты датируются более поздним временем: концом III – первой четвертью II вв. до н.э. (Рис. 2: 7; 12/1206) [Schäfer 1968: 43, Taf. 1: C2; Егорова 2009: 166, Рис. 45: 681] или даже второй – третьей четвертями II в. до н.э. (Рис. 2: 2,6; инв. 27/37549) [типа: Rotroff 1997: 313-314, fig. 48: 680,681, fig. 49: 688-693].

В отличие от других типов сосудов для сервировки, *рыбные блюда* представлены немногочисленными экземплярами производства Аттики и Пергама конца IV – первой половины III вв. до н.э. (Рис. 2: 10,11,15,18; инв. 8/1206, 15/37565) [Rotroff 1997: 315, fig. 50: 717-719; Schäfer 1968: 43, Taf. 1: C4; Егорова 2009: 142-143,167,168, рис. 29: 489,492, рис. 30: 494, рис. 46: 689-696]. Кроме того на памятнике встречались и *сероглиняные* варианты *блюд* (Рис. 2: 12-14,16,17; инв. 9/1206). По аналогиям с находками из Херсонеса и Северо-Западного Крыма они датируются второй половиной IV – первой половиной III вв. до н.э. [Егорова 2009: 176-177, рис. 49: 752,754, рис. 50: 762-766; Ушаков, Ушакова 2012: 174, рис. 4: 1-5].

К еще более редким типам относятся *блюдо с отогнутым краем* (Рис. 2: 19; инв. 10/1206) и *солонки на кольцевом поддоне* (Рис. 1: 43,44) [Rotroff 1997: 318, fig. 52: 738, fig. 65: 1084,1088; Егорова 2009: 39, 132, рис. 25, рис. 26: 409,413]

Среди парфюмерных сосудов можно выделить фрагменты двух *гуттусов*. Один из них, со следами росписи в технике WSW по тулову – пергамского производства; подобные изделия по известным аналогиям датируются серединой III в. до н.э. (Рис. 2: 21; инв. 16/37565) [Schäfer 1968: 58, 62, Taf. 19: D73; ср.: Rotroff 1997: 353, fig. 71: 1146]. Второй, изготовленный из серой глины и покрытый с внешней стороны лаком серо-коричневого оттенка, очевидно также можно отнести к малоазийскому импорту (Рис. 2: 22).

Среди прочих находок – дно стаканообразной *никсиды* 250-240 гг. до н.э. (Рис. 2: 24; инв. 23/37549) [Rotroff 1997: 363, fig. 77: 1249], а также фрагменты лекифа с раструбовидным горлом конца IV – начала III вв.

до н.э. [Рис. 2: 23; Егорова 2009: 147, рис. 32: 520] и *унгвентариев* конца IV-III вв. до н.э. [Рис. 2: 25-27; инв. 17/ 37565; Rotroff 1997: 421-422, fig. 104: 1752-1754, 1756-1757].

Особый интерес представляет верхняя часть небольшого *кувшинчика* (Рис. 2: 20; инв. 15/37549). На горле сохранилась часть орнамента WSW в виде оливковой гирлянды: стебли показаны резной линией, листья – шликером, розетки или ягоды – белой краской (почти не сохранились). Практически идентичный, но чуть большего размера, сосуд происходит из Сард [Rotroff, Oliver 2003: 43, 55, pl. 26: 176]. При этом С. Ротрофф отмечает их исключительную редкость и относит, предположительно, к местной или восточно-средиземноморской продукции [Rotroff, Oliver 2003: 43, 55].

Таким образом, анализ чернолаковой керамики из раскопок хозяйственного комплекса на Западном берегу Стрелецкой бухты подтверждает предварительно высказанное мнение о бытовании памятника как минимум до второй четверти II в. до н.э. А наличие отдельных находок более позднего времени позволяет с осторожностью предположить, что какая-то жизнедеятельность на этом месте могла продолжаться и во второй половине столетия. Однако, безусловно, для окончательных выводов о его хронологии, необходим комплексный анализ всех групп материала.

Библиография:

ЕГОРОВА Т.В. Чернолаковая керамика IV-II вв. до н.э. с памятников Северо-Западного Крыма. — М., 2009.

ЕГОРОВА Т.В. Античная чернолаковая керамика из собрания Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. Научный каталог. — М., 2017.

НЕССЕЛЬ В.А., УШАКОВА К.С. Керамический материал из раскопок хозяйственного комплекса на Западном берегу Стрелецкой бухты: предварительный анализ // Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир период античности и средневековья. Традиции и инновации. Материалы международной научной конференции. — Симферополь; Керчь. Вып. XIX. С. 359-364.

НИКОЛАЕНКО Г.М. Хора Херсонеса Таврического. Земельный кадастр IV-III вв. до н.э. Ч. I. — Севастополь, 1999.

НИКОЛАЕНКО Г.М. Хора Херсонеса Таврического. Земельный кадастр IV-III вв. до н.э. Ч. II. — Севастополь, 2001.

ПАРОВИЧ-ПЕШИКАН М. Некрополь Ольвии эллинистического времени. — Киев. 1974.

САВЕЛЯ О.Я. Предварительные результаты обследования зон застройки на водоразделе Карантинной и Стрелецкой балок Гераклеяского полуострова в 1971 г. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 2336.

САВЕЛЯ О.Я., ДЕМЬЯНЧУК С.Г. Охранные археологические исследования в зоне строительства квартала жилых домов по ул. Фадеева-Щитовая и трассах инженерных сетей квартала в г. Севастополе в 2004 г. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 3690.

САВЕЛЯ О.Я., ДЕМЬЯНЧУК С.Г., САВЕЛЯ Д.Ю., НЕССЕЛЬ В.А. Отчет об охранных археологических исследованиях и контроле за земляными и планировочными работами в зоне строительства квартала жилых домов по ул. Степаняна в 2007 г. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 3909.

САВЕЛЯ О.Я. Отчет об охранных археологических исследованиях и контроле за земляными и планировочными работами в зоне строительства квартала жилых домов по ул. Степаняна в 2010 г. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 4089.

САВЕЛЯ О.Я. Отчет об охранных археологических исследованиях и контроле за земляными и планировочными работами в зоне строительства квартала жилых домов по ул. Степаняна в 2011 г. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 4186.

УШАКОВА К.С., УШАКОВ С.В. Сероглиняная керамика с черным покрытием из раскопок на хоре Херсонеса Таврического // Историко-культурное наследие Тарханкута: новые тенденции развития, новые возможности. Материалы II Международной научно-практической конференции. — Симферополь, 2012. С. 166-177.

BEHR D. Neue Ergebnisse zur pergamenischen Westabhangkeramik / D. Behr // *Istanbulier Mitteilungen*. — Deutsches Archäologisches Institut, 1988. № 38. S. 97-176.

ÖZYĞIT Ö. Ceramiques hellenistiques d'apres les fouilles de Pergame/Kestel // Β'Επιστημονικής Συναντησης για την Ελληνιστική Κεραμεική. Χρονολογικά προβλήματα της ελληνιστικής κεραμικής. — Athena, 1990. P. 94-97.

ROTROFF S.I. Hellenistic pottery. Athenian and imported wheelmade table ware and related material // *The Athenian Agora*. Vol. XXIX. — Princeton, New Jersey, 1997.

ROTROFF S.I., OLIVER A. JR. *The Hellenistic Pottery from Sardis: The Finds through 1994*. — Cambridge, 2003.

SCHÄFER J. Hellenistische Keramik aus Pergamon // *Pergamenische Forschungen*. Bd. XII. — Berlin, 1968.

SPARKES B.A., TALCOTT L. Black and Plain Pottery of the 6th, 5th, and 4th Centuries B.C. // *The Athenian Agora*. Vol. XII. — Princeton; New Jersey, 1970.

Иллюстрации к статье

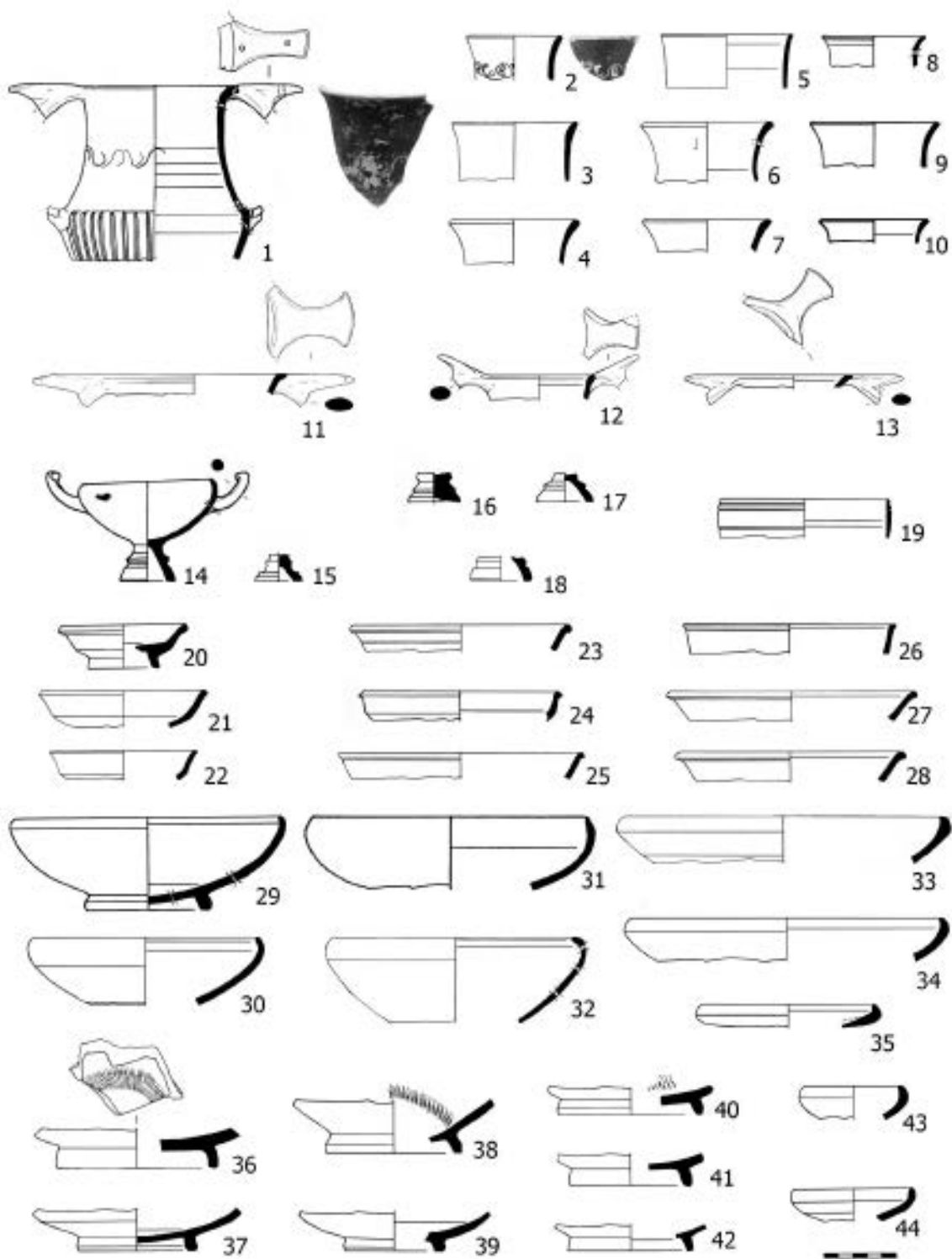

Рис. 1. Чернолаковая керамика из раскопок хозяйственного комплекса на Западном берегу Стрелецкой бухты.

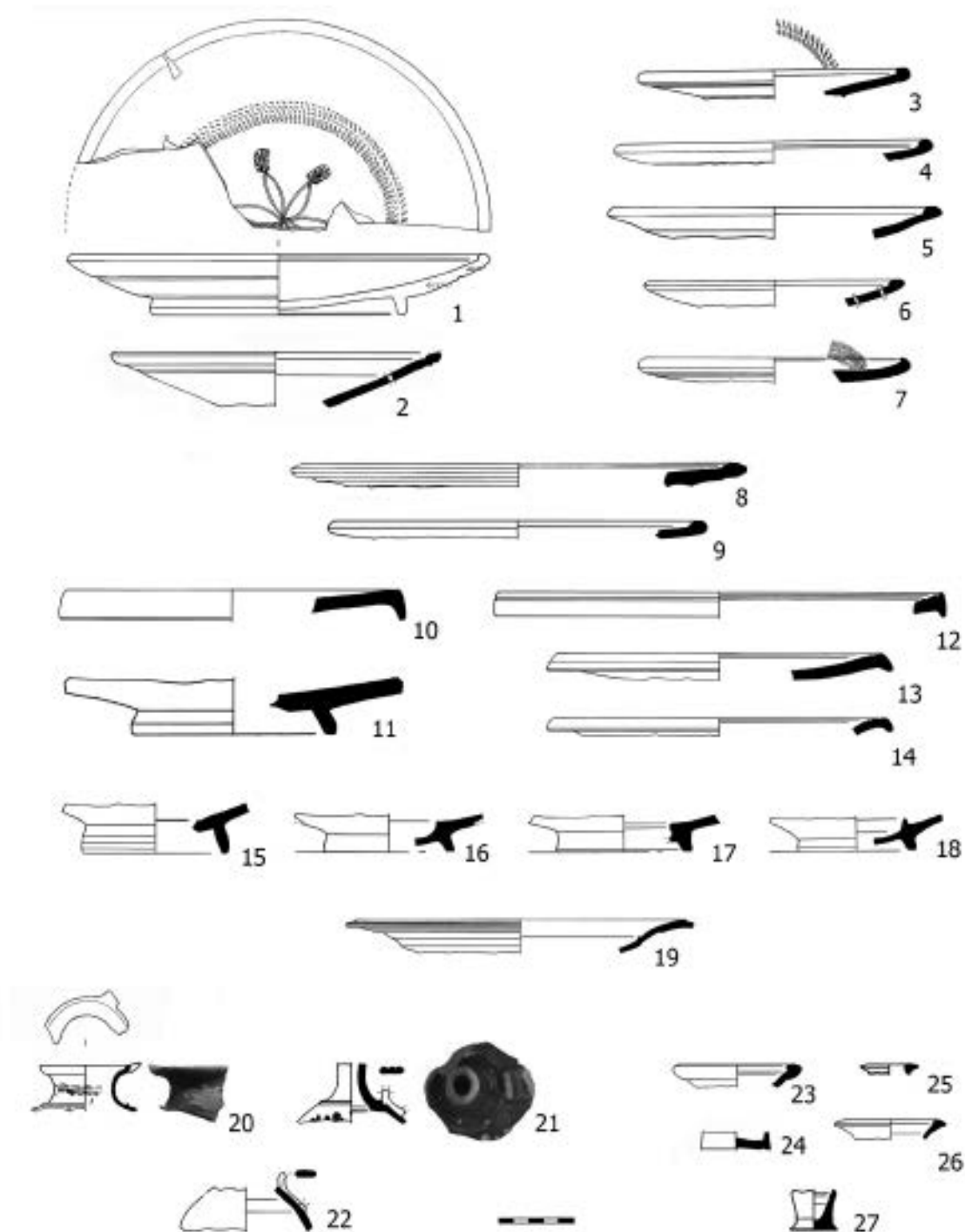

Рис. 2. Чернолаковая керамика из раскопок хозяйственного комплекса на Западном берегу Стрелецкой бухты.

Новиченкова Н.Г.

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ АМУЛЕТЫ ИЗ СВАТИЛИЩА У ПЕРЕВАЛА ГУРЗУФСКОЕ СЕДЛО

Novichenkova N.
Metal Amulets from the Sanctuary
near the Pass Gurzufskoe Sedlo

В обзорной статье рассматриваются находки миниатюрных votivных предметов, которые можно отнести к категории металлических амулетов¹ из раскопок святилища у перевала Гурзуфское Седло в 1981-1993 гг.² Подавляющая часть металлических амулетов из святилища у перевала Гурзуфское Седло происходит из слоев сакрального центра ритуального комплекса с ямками, функционировавшего с последних десятилетий I в. до н.э. до середины II в. н.э.³

Антропоморфные амулеты представлены тремя отлитыми из бронзы подвесками в виде обнаженных мужских фигурок в остроконечных головных уборах, возможно, в шлемах (рис. 1–1-3), с кольцом для крепления

¹ Понятие «амулеты» в данной работе является обобщающим, объединяющим группы миниатюрных votivов из металла. Условно их можно разделить на две группы. К первой относятся апотропеи (антропоморфные и зооморфные подвески, кольца с шишечками, колокольчики). Во вторую группу входят миниатюрные копии ритуальных пожертвований (бронзовые пластины в форме человеческих фигур, щит, топорик) [Новиченкова 2015: 41].

² г. Калфрах-Каясы (1434 м), Главная гряда Крымских гор.

³ Если сравнивать количество амулетов с другими пожертвованиями святилища, то можно обратить внимание на то, что они сравнительно немногочисленны. Среди votivов преобладают предметы утилитарного назначения – ножи, оселки, фрагменты стеклянных и керамических сосудов, а также предметы вооружения. Подобное соотношение в составе votivных приношений прослеживается в другом святилище Главной гряды Крыма – Эклизи-Бурун [Лысенко, Мордвинцева 2019: 244]. Подвески в виде лунниц остаются за рамками данной работы. Им будет посвящено отдельное исследование.

в верхней части на оборотной стороне изделий [Новиченкова 2002: рис. 17–1-3]. Одна из подвесок выполнена более упрощенно и сильно отполирована в результате длительного использования, часть кольца обломана (рис. 1–3). Данные амулеты близки находкам, часто встречающимся в могильниках Крыма I в. до н.э. – первых веков н.э. [Высотская 1974: рис. 48: 24; Труфанов 2011: 228]. Особенно заметно сходство находок с Гурзуфского Седла с антропоморфными амулетами-подвесками из некрополя Херсонеса [Зубарь 1982: 101; Труфанов 2011: рис. 6–1-8]. Антропоморфные фигурные подвески также найдены в святилище Эклизи-Бурун [Лысенко, Мордвинцева 2019: 248, 263, рис. 4-5, 7-7], близком по составу мотивов и особенностям ритуальной культуры святилищу на Гурзуфском Седле. Возможно, антропоморфные амулеты из крымских памятников являются изображениями воинов, имеющими прототипы в латенской культуре [Нефедова 1992: 72, рис. 2]. Последние, впрочем, существенно отличаются от находок, найденных в Крыму, где, видимо, было налажено их производство [Зубарь 1982: 101]. В большом количестве антропоморфные подвески сосредоточены в варварских памятниках Юго-Западного Крыма, где могло находиться одно из мест их изготовления [Труфанов 2011: 266; Стоянова 2016: 146].

Две бронзовых подвески в форме герм отличаются тщательной проработкой (рис. 1–4,5). Обе увенчаны мужскими головами с коротко, аккуратно остриженными волосами, с челками, напоминающими прически этрусков и римлян республиканского времени. У одной из герм впереди имеется овальной формы выемка, возможно, предназначавшаяся для пластинчатой вставки. Кольца для крепления расположены в верхней части на оборотной стороне. Амулеты-гермы не столь частая находка в крымских памятниках. Преимущественно обнаружены в некрополях Боспора – в Пантикапее, Тиритаке, Тузле, Фанагории, Кепях, единичные находки – в Херсонесе и могильнике Совхоз № 10, в погребениях Усть-Альминского некрополя [Труфанов 2011: 230, рис. 2-20-30, рис. 3-10б, 5-8а]. Высокий уровень исполнения выделяет серебряную подвеску-герму, происходящую из селища/военного лагеря Куру-Баш конца II – начала I в. до н.э. [Гаврилов 2004: 176, 365, рис. 104-1; Труфанов 2011:

рис. 6-15], родственного по составу находок I в. до н.э. вотивам этого времени с Гурзуфского Седла.

Зооморфные амулеты-подвески. В святилище обнаружены три зооморфных амулета-подвески, не типичные для крымских памятников. Две подвески с птичьими головками из бронзы и серебра (рис. 1–7, 8) близки по стилю исполнения изображениям на ручках позднелатенских металлических сосудов первой половины I в. до н.э., в том числе обнаруженных в святилище: например, ручка ковшика типа Песчате украшена головкой водоплавающей птицы [Новиченкова 2015: 91, рис. 180]. Подвеска из серебра в виде свернувшейся кольцами змейки (рис. 1–6) выполнена из скрученной спиралью круглой в сечении проволоки, нижний конец которой расплюсчен в виде головы животного.

Два других амулета-подвески также необычны для крымских памятников. Один из них представляет собой **подвеску из бронзы в виде вилки** с четырьмя зубцами (рис. 1–9), аналогию которому нам найти не удалось. Второе **изделие в виде щита** овальной формы с круглым умбоном в центре, с заостренными верхним и нижним концами, изготовлено из серебряной пластины, имеет просверленное в верхней части отверстие (рис. 2–7). В поле щита симметрично расположены четыре равноконечных креста, изображения которых выполнены с помощью пуансона изнутри, как и окантовка краев подвески. Изделия из металла в виде миниатюрных овальных и ромбовидных щитов известны на отдельных памятниках Крыма. Ю.П. Зайцев, публикуя погребальный комплекс с щитом латенского типа из некрополя Ак-Кая, обращает внимание на миниатюрные изображения щитов из позднескифских памятников – мавзолея Неаполя Скифского и Беляусского могильника [Зайцев 2018: рис. 23-1-5; Дашевская, 2014: 13-14, 16-17, 54-55, табл. 20-1]. Так, из могилы 166 Беляусского некрополя происходит серебряный пластинчатый миниатюрный щит овальной формы [Дашевская 2014: 244, табл. 135-1], один край которого обломан. В качестве аналогий исследователь приводит ссылки на миниатюрные бронзовые щиты из Галлии [Lambot 2006: 185; Зайцев 2018: рис. 24-6] и Люксембурга [Metzler 2006: 195; Зайцев 2018: рис. 24:7]. Находки миниатюрных щитов из металла также происходят из раскопок

в Музоне, хранятся в музее в Арденнах, с территории Британии, из Лэнгли в окрестностях Оксфорда [Kiernan 2009: 57, 71, fig. 3, 4, 15]. Серебряная подвеска в виде щита из святилища с изображением крестов как сакральных символов не находит полных аналогий, и своим происхождением, по всей вероятности, связана с латенскими древностями.

Подвеска бронзовая пластинчатая ромбической формы, с отверстием в верхней части (рис. 2–8), выявлена в культурном слое эллинистического времени. Возможно, это изделие тоже является стилизованным изображением щита. Может датироваться по сопутствующим находкам II – 30-ми гг. I в. до н.э. Похожая по форме подвеска из могильника Нейзац относится к гораздо более позднему времени – второй половине III в. н.э. [Стоянова 2016: с. 140, рис. 5-11].

Антропоморфные фигурки, изготовленные из пластин. Интересны находки трех антропоморфных изделий, вырезанных из листа металла и не имеющих отверстий для подвешивания. У двух бронзовых фигурок подчеркнуты признаки пола – женского (рис. 2–1), мужского (рис. 2–1). Третья фигурка, вырезанная из тонкого листа серебра (рис. 2–3), сохранилась фрагментарно. Контуры головы и черты лица выделены с помощью пуансона; отходящая от головы вниз пуансонная линия могла изображать застежку одежды. На территории Крыма известна одна вырезанная из пластины бронзовая антропоморфная фигурка в виде подвески с петелькой на спине из Чернореченского могильника [Бабенчиков 1963: 109].

Для создания пластинчатых антропоморфных изделий использовались фрагменты вышедших из употребления металлических предметов, в том числе сосудов или предметов вооружения. Так, аналогичная практика изготовления пластинчатых антропоморфных фигурок существовала в альпийских областях Центральной Европы с конца эпохи бронзы, в раннем железном веке, на протяжении всего римского периода. Они создавались исключительно в ритуальных целях, в том числе, для принесения в святилища [Rebay-Salisbury 2014: 168, 171-172]. Их находки отсутствуют на поселениях и в погребениях, в отличие от тонких удлиненных антропоморфных пластин, изготовленных в технике

литья [Rebay-Salisbury 2014: 176, fig.10.5]. В святилище на Гурзуфском Седле найдена одна плоская антропоморфная тонкая удлиненная фигурка, отлитая из бронзы (рис. 2–4). Такие изделия известны в кельтских и этрусских погребениях. В этрусско-кельтском некрополе Монте Бибеле выявлено множество отлитых из бронзы плоских удлиненных антропоморфных фигурок. Наша находка по форме напоминает вырезанную из пластины фигурку из одного из святилищ Австрии [Rebay-Salisbury 2014: 173, fig.10.4]. Наиболее вероятно, что охарактеризованные здесь четыре антропоморфных изделия из пластин были изготовлены специально для использования в виде жертвоприношений в святилище, как и подобные им находки из альпийских святилищ. Все вышесказанное позволяет отнести их к антропоморфным вотивам.

Миниатюрные двулезвийные топорики представлены двумя экземплярами из железа в виде топора-кирки (рис. 2–9, 10), тип 2 по А.А. Стояновой [Стоянова 2005: 47]. У одного из изделий (рис. 2–9) лезвие было окрашено красной краской. Синхронная находка топорика данного типа происходит из погребения второй половины I в. до н.э. – I в.н.э. в Кольчугино. Наиболее близкие по форме находки топориков второго типа также известны в некрополе Херсонеса, могильниках Левадки, Беляус, Совхоз № 10 [Стоянова 2005: 48, рис. 1-4, 8, 11, 12-15]. Двулезвийные топорики типа 2, по мнению А.А. Стояновой, изготавливались в античных центрах [Стоянова 2005: 49]. В.М. Зубарь, публикуя топовидные подвески из некрополя Херсонеса, писал о связи этих объектов с почитанием солнечного божества и с культом плодородия, об их распространении на территории римских провинций и в Италии [Зубарь 1982: 103]. По аналогии с вотивами из горных святилищ Европы [Kennan 2009: 114-141] можно предположить, что найденные на Гурзуфском Седле изделия не использовались как подвески, а предназначались для посвящения в виде миниатюрных вотивных топориков.

Кольцеобразные изделия «с шишечками». В святилище найдено два литых бронзовых изделия круглой формы различного диаметра с шишечками-выступами по краю. Одно в виде небольшого кольца (рис. 2–5), второе по величине равно браслету (рис. 2-6). Такие предметы в современной

историографии известны как «кольца» и «браслеты» с шишечками или выступами и, предположительно, использовались как амулеты в культурах латенского круга, в Нижнем Поднепровье, в «Золотом кладбище» в Прикубанье [Гушина, Засецкая 1994: табл. 23-223], на черняховских памятниках. Особенно много подобных находок в могильниках Юго-Западного и Центрального Крыма – Неаполя Скифского, Усть-Альминского, Заветнинского, Бельбека IV [Высотская 1972: 156; Дашевская 1991: табл. 72, 13-2], Опушки [Храпунов, Мульд, Стоянова 2009, рис. 24-5, рис. 29-1; Hrapunov 2012: fig. 74], Фонтаны [Храпунов 2008: рис. 23-1]. Учитывая большое количество находок таких изделий в Крыму и в других районах Причерноморья, а также литейных форм для изготовления таких колец в Ольвии, было высказано мнение об их местном производстве [Журавлев 2014: 78].

Колокольчики. Из девяти обнаруженных в слоях ритуального комплекса колокольчиков один экземпляр имеет пирамидальную форму (рис. 2–11), остальные – полусферическую (рис. 2–12–14). Почти все полусферические колокольчики имеют железное било (не у всех оно сохранилось) и посеребренную поверхность. Такие амулеты характерны для памятников позднеэллинистического и римского времени на обширной территории от Поволжья, Закавказья и Крыма до Балкан. Колокольчики обнаружены в погребениях херсонесского некрополя [Зубарь 1982: 97; Корпусова 1983: 72], в некрополе Золотое [Корпусова 1983: 72]. Один из полусферических колокольчиков был прикреплен к бронзовому проволочному браслету (рис. 2–15). Другой колокольчик в святилище тоже был присоединен к бронзовому проволочному браслету, к которому были прикреплены еще два предмета – серебряная ложка с процарапанной буквой М и железный перстень (рис. 2–16).

На Гурзуфском Седле найдены типичные для памятников Крыма амулеты (бубенчики, топорики, антропоморфные подвески в остроконечном головном уборе). Помимо этого, встречаются такие редкие изделия как гермы, головки водоплавающих птиц и уникальные для крымских памятников вотивы в виде серебряной подвески в форме щита и пластинчатых антропоморфов.

Рассмотренная категория металлических амулетов и миниатюрных вотивных посвящений из металла имеет признаки, общие и для дру-

гих групп вотивов из святилища у перевала Гурзуфское Седло. Состав объектов является отражением процессов социокультурных контактов населения Горной Таврики как с варварским миром, так и с античной цивилизацией. Отдельные изделия, рассмотренные в публикации, предположительно были изготовлены непосредственно носителями местной культуры, создавшими святилище. Другие предметы являются общим отражением материальной культуры населения Таврики: одни были распространены в среде позднескифской культуры Юго-Западного и Центрального Крыма, и наиболее ярко представлены по материалам могильников, другие являлись продукцией мастерских городов-государств Северного Причерноморья, в первую очередь Боспора и Херсонеса. Третья группа вотивов из святилища отражает широкие транскультурные связи – к ним относятся предметы латенской культуры, а также образцы греко-римской металлопластики производства Малой Азии, Средиземноморья.

Библиография:

- БАБЕНЧИКОВ В.П. Чернореченский могильник // Археологические памятники УССР. Т. XIII — Киев, 1963. С. 94-141.
- ВЫСОТСКАЯ Т.Н. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. — Киев: «Наукова думка», 1972. 192 с.
- ГАВРИЛОВ А.В. Округа античной Феодосии. — Симферополь: «Азбука», 2004. 368 с.
- ГУЩИНА И.И., ЗАСЕЦКАЯ И.П. «Золотое кладбище» Римской эпохи в Прикубанье. — СПб.: «Фарн», 1994. 172 с.
- ДАШЕВСКАЯ О.Д. Поздние скифы в Крыму. САИ. Вып. Д 1-7. М., 1991.
- ДАШЕВСКАЯ О.Д. Некрополь Беяуса. — Симферополь: Феникс, 2014.
- ЖУРАВЛЕВ Д.В. «Браслеты» и кольца с выступами из позднескифских и сарматских памятников Северного Причерноморья // Проблемы истории, филологии, культуры — Магнитогорск, 2014. С. 59-85.
- ЗАЙЦЕВ Ю.П. Комплекс со щитом кельтского типа из некрополя Ак-Кая/Вишенное в Крыму // Древности. Исследования. Проблемы. Сборник статей в честь 70-летия Н.П. Тельнова / Под ред. В.С. Синики и Р.А. Рабиновича. — Кишинев-Тирасполь, 2018. С. 289-318.
- ЗУБАРЬ В.М. Некрополь Херсонеса Таврического I-IV вв.н.э. — Киев: «Наукова думка», 1982. 146 с.
- КОРПУСОВА В.Н. Некрополь Золотое. — Киев: «Наукова думка», 1983. 182 с.

ЛЫСЕНКО А.В., МОРДВИНЦЕВА В.И. Металлические украшения костюма — voti-
вы святилища римского времени Эклизи-Бурун (к культурной атрибуции памятника) // Проблемы истории, филологии, культуры — Магнитогорск, 2019. № 4. С. 240-296.

НЕФЕДОВА Е.С. Мелкая пластика латенского стиля в Закарпатье // Граковские чтения на кафедре археологии МГУ 1989-1990 гг. Материалы семинара по скифо-сарматской археологии. — М.: Изд-во МГУ, 1992. С. 69-77.

НОВИЧЕНКОВА Н.Г. Устройство и обрядность святилища у перевала Гурзуфское Седло. — Ялта: РИО КГГИ, 2002. 215 с.

НОВИЧЕНКОВА Н.Г. Горный Крым: II в. до н.э. — II в. н.э. По материалам раскопок святилища у перевала Гурзуфское Седло: Монография. — Симферополь: Н. Оріанда, 2015. 216 с.

СТОЯНОВА А.А. Металеві підвіски у формі сокирок із Криму // Археологія. 2005. № 2. С. 47-54.

СТОЯНОВА А.А. Подвески могильника Нейзац. Крым в сарматскую эпоху. — Симферополь: Наследие тысячелетий, 2016. С. 122-165.

ТРУФАНОВ А.А. Металлические амулеты-подвески Северного Причерноморья первых веков н.э. // *Stratum plus*. 2011. № 4. С. 225-270.

ХРАПУНОВ И.Н. Позднескифский могильник Фонтаны (по результатам раскопок 2000-2001 гг.) — Симферополь: Издательство «Доля», 2008. 58 с.

ХРАПУНОВ И.Н., МУЛЬД С.А., СТОЯНОВА А.А. Позднескифский склеп из могильника Опушки. — Симферополь: Издательство «Доля», 2009. 96 с.

HRAPUNOV I. The Crimea In the Early Iron Age. An Ethnic History. — Simferopol, Kristiansand: Dolya Publishing House, 2012. 288 p.

KIENNAN P. Miniature Votive Offerings in the North-west Provinces of the Roman Empire. Wiesbaden: Verlag Franz Philip Rutzen Mainz und Ruppolding, 2009. 300 s.

LAMBOT B. Religion et habitat. Les fouilles d'Acy-Romance // Goudineau Ch., Bruneaux J.-L. et al. (eds.). Religion et Société en Gaule. Paris: Éditions Errance, 2006.

METZLER J. L'oppidum trévire du Titelberg (Luxembourg) // Goudineau Ch., Bruneaux J.-L. (eds.). Religion et Société en Gaule. Paris: Éditions Errance, 2006. S. 191-202.

REBAY-SALISBURY K. Materials Make People How Material Properties and Technologies Contribute to Figurine Shapes in Early Iron Age Central Europe // K. Rebay-Salisbury, A. Brysbaert, L. Foxhall (eds.). Knowledge Networks and Craft Traditions in the Ancient World: Material Crossovers. London: Routledge, 2014. P. 160-181.

Иллюстрации к статье

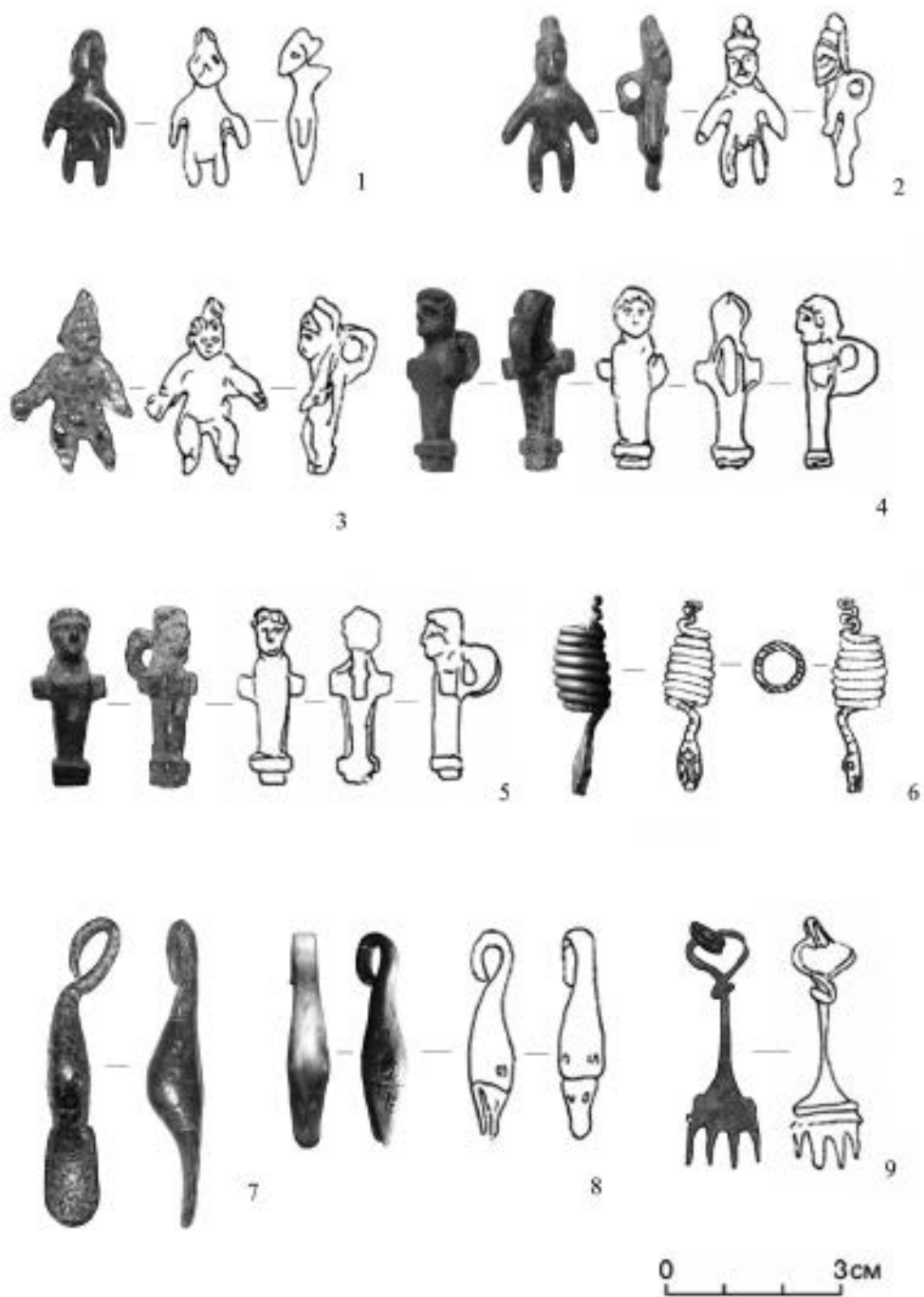

Рис. 1.

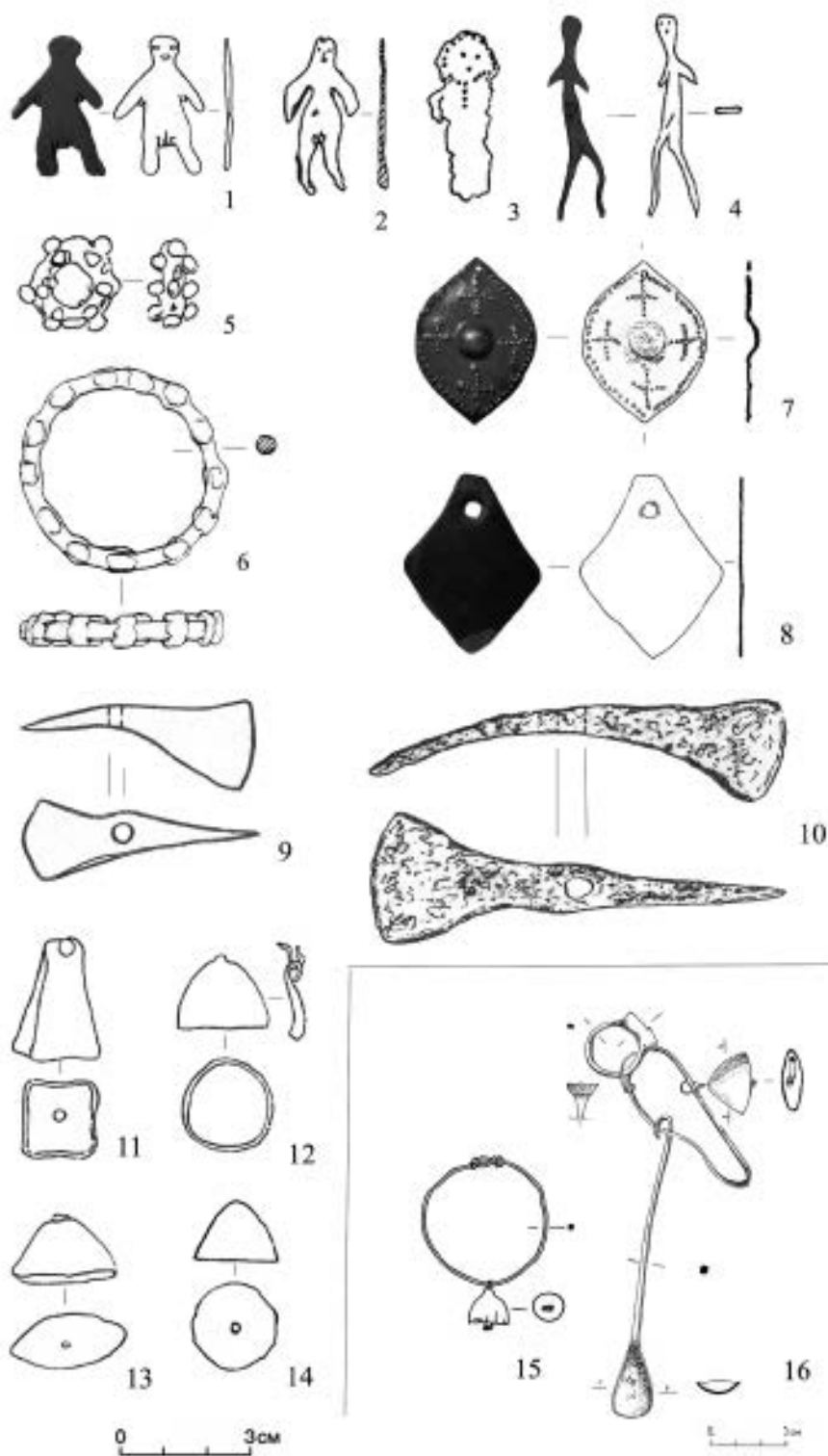

Рис. 2.

Родинкова В. Е., Добровольская М. В., Сапрыкина И. А.

ПОГРЕБЕНИЕ ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ ИЗ ВОСТОЧНОГО КРЫМА: РЕЗУЛЬТАТЫ КОМПЛЕКСНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Rodinkova V., Dobrovolskaya M., Saprykina I.

Burial of the Great Migration Period
from the Eastern Crimea:
the Results of Comprehensive Studies

Осенью 2017 г. экспедиция Института археологии РАН проводила раскопки многослойного поселения Приморский северо-западное в городском округе Феодосия. Оно расположено на расстоянии 1,7 км от пос. Приморский, на северо-западном берегу оз. Камышинский Луг. Исследована северная и северо-западная периферия памятника. Основной период жизни на нем относится к античному времени и датируется, судя по амфорным клеймам, концом V – первой четвертью III в. до н.э. [Федосеев, Родинкова 2019]. Кроме того, найдены материалы эпох средней и поздней бронзы (а возможно, и неолита или даже мезолита), римского времени, позднего Средневековья [Родинкова 2019].

Одним из наиболее ярких комплексов, изученных в Приморском, является погребение № 9¹. Это ингумация, совершенная в грунтовой могиле размерами 1,73 x 0,33-0,58 м, глубиной около 1,5 м от современной поверхности. Скелет лежал в вытянутом положении на спине, головой на север. Над костями и по бокам вдоль них зафиксированы тлен и куски

¹ Всего в раскопе выявлены 10 погребений. Из их шесть впущены в заполнение углубленных объектов античного времени, еще три могут относиться к Средневековью, но их точное культурно-хронологическое определение затруднено из-за невыразительности погребального обряда и бедности инвентаря.

дерева, которые позволяют предполагать, что при захоронении использовалась деревянная конструкция, возможно, типа гроба (рис. 1).

Погребение сопровождалось богатым инвентарем. В районе тазовых костей найдены две пряжки со стеклянными вставками на щитках (в одном случае, вероятно, красного, в другом – синего цвета), пинцет и зеркало с центральной петлей (рис. 2). На височных костях лежали серьги с полыми полиэдрическими окончаниями. В районе шеи выявлено ожерелье из стеклянного бисера и, возможно, коралловых пронизей. Его дополняли пять пластинчатых подвесок, изготовленных из белого металла: три листовидные и две лунницы. По-видимому, бисер и пронизи располагались в два ряда.

Близкий набор вещей происходит из погребения 8/41 могильника Сахарная Головка в Юго-Западном Крыму и подкурганного захоронения у с. Новая Чигла на левобережье Среднего Дона [Березуцкий, Мастыкова 2016]. По этим аналогиям и пряжкам, которые находят соответствия среди древностей раннего этапа шиповского горизонта, погребение № 9 из Приморского может быть датировано второй половиной V – началом VI в. Оно входит в круг так называемых привилегированных комплексов эпохи Великого переселения народов и отражает формирование «культуры престижа», проявляющейся в том числе в широком распространении определенных элементов женского костюма.

Кроме рассматриваемого захоронения, другие находки эпохи Великого переселения народов на памятнике не зафиксированы.

Антропологический анализ показывает, что исследуемые останки принадлежат молодой женщине (20-29 лет) с ярко выраженными монголоидными чертами. Кости сохранились фрагментарно. В наилучшем состоянии зафиксирован лицевой скелет, который позволяет сделать трехмерное изображение погребенной. Отметим характерные особенности ее внешности: уплощенность горизонтальной и вертикальной профилировки лица, крупные высокие глазницы, большое межглазничное расстояние, широкое грушевидной формы отверстие, определяющее значительную ширину носа. Зубы женщины лишены кариозных патологий, крупных размеров, верхние резцы лопатообразны. Обращает на себя внимание давняя травма

верхнего левого центрального резца – повреждение коронки (прикорневой ее части). Вероятно, оно имело место в процессе роста зуба, в противном случае не произошло бы частичное зарастание поврежденной коронки. Кроме того, выявлены следы воспалительного процесса в области корня этого же зуба с образованием свищевого хода на поверхность кости. Возможно, указанные события связаны. На нижней челюсти выражен краудинг, что вполне типично для представителей монголоидных групп.

Как известно, племена, вовлеченные в миграционные процессы эпохи Великого переселения народов, могли состоять из самых разных по происхождению людей. Монголоидный компонент, очевидно, изначально преобладал у гуннов, но их продвижение на запад и смешение с населением, для которого были характерны другие антропологические типы, привело к значительной метисации. На памятниках интересующего нас времени на территории Восточной Европы выявлены индивиды с элементами монголоидной внешности, однако погребение, содержащее останки человека с ярко выраженными монголоидными чертами, – большая редкость. Можно предполагать, что захороненная в Приморском женщина принадлежит к аристократической верхушке гуннского общества, эндогамная элита которого, отделенная от рядового населения в замкнутое сословие, сохраняла свою генетическую обособленность [Крадин 2001: 242].

Химический состав цветного металла серии предметов (71), полученных в результате раскопок памятника, исследован методом безэталонного неразрушающего РФА-анализа на спектрометре M1 Mistral (Bruker). Стандартное время измерения составило 30 секунд, напряжение 50кV. Данный тип спектрометра позволяет осуществлять измерения поверхности на глубину до 10 микрон, а также выполнять анализ на наличие покрытий [Сапрыкина, Гунчина 2017: 273, 274]. Статистическая обработка данных проведена в соответствии с принципами геохимического разделения металлов и сплавов с порогом легирования в 1,00%.

В целом изученная выборка, характеризующая как поселение античного периода, так и более поздние этапы освоения территории, достаточно разнообразна. В ней представлены и так называемые чистые металлы – медь и свинец, и сплавы на основе меди – двойная и тройная бронза

(CuSn, CuPb и CuSnPb), и сплавы с цинком (двойная латунь и многокомпонентный сплав), а также драгоценный металл – серебро, как высокопробное, так и в составе сплавов на основе меди (рис. 3).

На общем фоне выделяется инвентарь погребения № 9, среди которого имеются украшения и предметы одежды из высокопробного и низкопробного серебра, оловянной и оловянно-свинцовой бронзы, «чистой» меди и многокомпонентного сплава (рис. 4). Так, обе пряжки изготовлены из оловянно-свинцовой бронзы, с лицевой стороны покрыты «сплавом» AgAu (обтянуты фольгой?). Входившие в состав ожерелья подвески произведены из высокопробного и низкопробного серебра (с содержанием серебра от 57,1% до 94,26%). Из высоколегированного сплава (оловянной бронзы с содержанием олова до 23%) традиционно отлито зеркало, из «чистой» меди оказался выполнен пинцет. Серьги с полиэдрической бусиной изготовлены из многокомпонентного сплава, дополнительно легированного свинцом (?). По цветовой гамме они были в целом похожи на низкопробное серебро. На наш взгляд, это довольно интересный момент, позволяющий предположить, что мы имеем дело с определенной имитацией, призванной, вероятно, сохранить «статусность» погребального инвентаря.

Таким образом, результаты комплексного археологического, антропологического и спектрометрического исследования свидетельствуют, что погребенная в Приморском молодая женщина принадлежала к высшему социальному сословию, хотя, судя по составу и качеству сопроводительного инвентаря, и не обладала «княжеским» статусом. Она может быть представительницей гуннской знати, осуществлявшей во второй половине V – начале VI в. контроль над большей частью территории Крымского полуострова.

Библиография:

БЕРЕЗУЦКИЙ В.Д., МАСТЫКОВА А.В. Погребение эпохи Великого переселения народов на левобережье Среднего Дона // КСИА. Вып. 245. Ч. I. 2016. С. 219-243.

КРАДИН Н.Н. Империя хунну. — М., 2001.

РОДИНКОВА В.Е. Раскопки поселения Приморский Северо-Западное // Крым — Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017-2018 гг. Т. 2 / Отв. ред. С.Ю. Внуков, О.В. Шаров. — М., 2019. С. 7-27.

САПРЫКИНА И.А., ГУНЧИНА О.Л. Химический состав металла боспорских статуров Фанагорийского клада 2011 г. // Абрамзон М.Г., Кузнецов В.Д. Клад позднебоспорских статуров из Фанагории. (Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 5.) — М., 2017. С. 272-483.

ФЕДОСЕЕВ Н.Ф., РОДИНКОВА В.Е. Амфорные клейма поселения Приморский северо-западное (Восточный Крым) // Древности Боспора. Т. 24. — М., 2019. С. 581-612.

Иллюстрации к статье

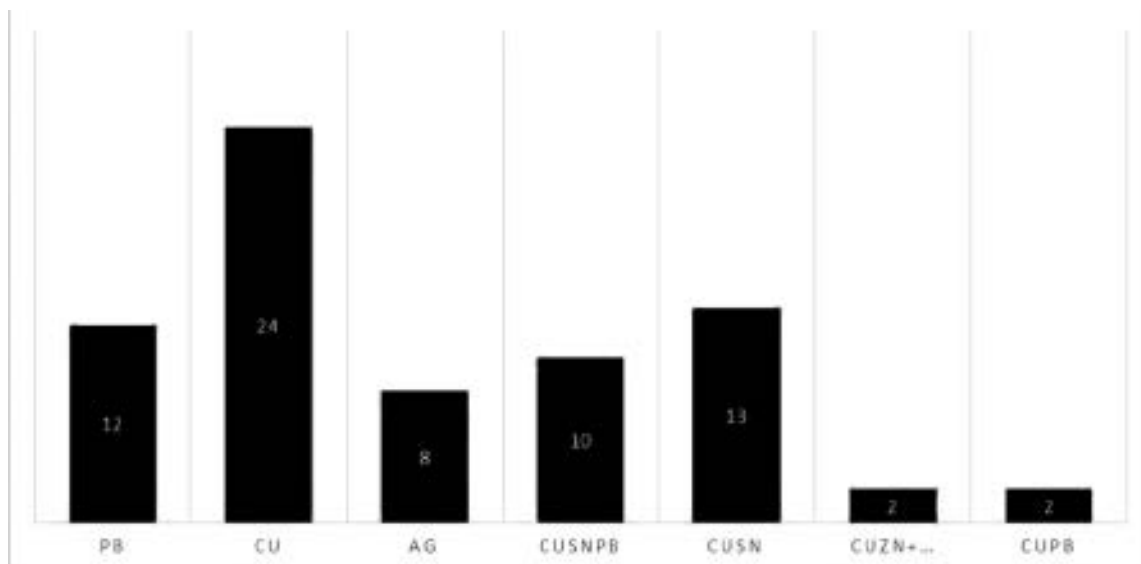

Рис. 3. Приморский северо-западное. Гистограмма распределения предметов из проанализированной выборки в целом по типам металлов и сплавов.

Сазанов А. В.

КРЫМСКИЕ ГЛОБУЛЯРНЫЕ АМФОРЫ VIII–IX вв.: ТИПОЛОГИЯ И ХРОНОЛОГИЯ

Sazanov A.

Crimean Globular Amphorae (CGA) of VIIIth-IXth Centuries AD: Typology and Chronology

Амфорам причерноморского типа вариантов 1 и 3 по А.Л. Якобсону посвящена обильная литература. В свете последних исследований есть все основания для заключения о том, что они представляют собой локальный вариант хорошо известной в Средиземноморье группы «Byzantine Globular Amphorae» (BGA), который следует именовать «Crimean Globular Amphorae» (CGA), тем самым вводя их в принятые классификации европейских, прежде всего, греческих исследователей [Сазанов 2019].

Предлагаемая типология CGA представлена на рис. 1. (Рис. 1).

Для хронологии CGA принципиально важно их соотношение в комплексах с амфорами групп LRA 1 imitations и LRA 1 survivals.

CGA, LRA 1 imitations, LRA 1 survivals.

В настоящий момент амфоры, продолжающую эволюционную линию LRA 1 делятся на две хронологические группы: LRA 1 imitation и LRA 1 survivals. LRA 1 imitation типичны для контекстов второй половины VII-начала VIII в. Это – финальное время существования LRA 1 время когда их начинают имитировать в Крыму. В некоторых комплексах были обнаружены как LRA 1, так и их крымские имитации. В начале-первой половине VIII в. производство таких прямых имитаций, видимо, заканчивается. В середине-второй половине VIII в. их сменяют пережиточные формы LRA 1, относимые уже к LRA 1 survivals. Их производство идет уже после прекращения производства и функционирования LRA 1.

Контексты.

Изучение комплексов, содержащих крымские глобулярные амфоры (CGA) позволяет предложить этапы для относительной хронологии этих сосудов.

Выделяется этап, предшествующий началу выпуска CGA, датирующийся последней третью VII в., представленный контекстами Керчи, Тау-Кипчака и Баклы [Айбабин 2000; Айбабин 2013; Сазанов 2017: 72-91, 101-10; Талис 1982:57-59, Рис. 2-8].

Далее следуют контексты, содержащими CGA при отсутствии LRA 1 imitations, происходящие из Сугдеи, Недвиговского поселения, Суата, Солнечной долины, Фанагории и, вероятно, Херсонеса [Майко 2012: Рис. 2, 8, 9; Паршина, Тесленко и Зеленко 2001: Рис. 15, Рис. 28; Баранов 1979: Рис. 3,1-5, 8; Майко 2012а: Рис. 4, 1; Букаатов, Дюженко 2017: Рис. 10, 1-4, 6-8; Нидзельницкая 2009: Рис. 2, 1, 3, Рис. 3, 1, 2, 7; Голофаст, Евдокимов 2019: Рис. 3; Романчук, Сазанов, Седикова 1995: 47; Седикова 1995). CGA представлены типами CGA I.1, CGA I.2, CGA I.6, CGA II.1 и CGA II.2. В эти контексты могут датироваться первой половиной VIII в. По всей видимости самый ранний из них-дом на участке V в Сугдее, содержащий также фрагменты эгейских глобулярных амфор, стратиграфически самый поздний -заполнение землянки в Солнечной долине. Производство CGA для этого периода зафиксировано в Суате (CGA I.1, CGA I.2, CGA II.1), Канакской балке (печь 1-CGA I.1), Трудолобовке (печи 1, 2, 4 – CGA I.1), Чабан-Куле (печь 1-CGA I.1), Ливадии (CGA I.1), Херсонесе (CGA I.1).

Их сменяют контексты, в которых появляются выраженные LRA 1 survivals, составляющие от 5 до 15% амфорного комплекса. Они представлены материалами засыпи херсонесского водохранилища и контекстами М 2, В 2 Сотеры [Седикова 1995а; Тесленко, Телиженко 2015: 216, Рис. 2, Рис. 8]. Засыпь херсонесского водохранилища представляет собой открытый комплекс, нижняя дата которого определяется монетами 705-711 (*terminus post quem*) гг., верхняя – поливными сосудами группы GWW I а, появляющимися во второй половине-конце IX в. Характерно отсутствие GWW II, начало выпуска которых приходится на начало-первые десятилетия IX в. [Poulou-Papadimitriou 2019:42]. В этих контекстах CGA представлены типами I.1, I.2, I.3, II.1, II.2. Грубо эти контексты относятся ко второй половине VIII в., однако стратиграфия Сотеры и близость с материалами первой половины VIII в. позволяют

датировать их ближе к середине VIII в. Производство CGA для этого периода зафиксировано в Сотере и Чабан-Куле (печи 5, 18) (CGA I.1, CGA II.2).

Следующими в системе относительной хронологии можно считать контексты, в которых LRA 1 survivals составляют примерно 30-35% амфорного комплекса: слои 4 и 4 а участка IV Сотеры и яма с амфорами из станицы Великокняжеская [Тесленко, Телиженко 2015: Рис. 69, 2,3, 6-8, Рис. 70-80; Нидзельницкая 2009: 277, Рис. 10]. CGA в них представлены типами I.1, I.4. Хронология этих контекстов также грубо укладывается во вторую половину VIII в. При этом, учитывая то, что слои 4 и 4 а в Сотере перекрываются комплексами слоя 3, дата рассматриваемых контекстов -чуть позже предшествующих и раньше перекрывающих, т.е. не более чем весьма предположительно, третья четверть VIII в. Мастерские, производящие CGA I.1, CGA I.5 выявлены в Сотере, Чабан-Куле (печь А) и Радиогорке.

В контекстах Сотеры следующего периода, перекрывающих контексты предшествующего, LRA 1 imitations уже преобладают над CGA (CGA I.1), составляя примерно 60% амфорного комплекса [Тесленко, Телиженко 2015: Рис. 11, 5-17, Рис. 40, Рис. 59, Рис. 60). Опять же, более чем весьма предположительно, они могут быть отнесены к последней четверти-концу VIII в.

Наконец, самыми поздними контекстами, отражающими время бытования CGA (CGA I.1, CGA I.5) в которых LRA 1 survivals составляют от 70 до 85% амфорного комплекса, могут считаться контексты из Сотеры, Мартыново I, Канакской балки, Радиогорки и Кыз-Кермена [Тесленко, Телиженко 2015: Рис. 11, 1-4, Рис. 14, Рис. 15, Рис. 29-35, Рис. 41, Рис. 66; Нидзельницкая, Кулаков 2013; Паршина, Тесленко и Зеленко 2001: 59, 60; Седикова 1994: Рис. 3; Белый, Назаров 1992; Белый 1993; Белый 2001; Белый 2003; Белый 2008]. Предположительная дата этих контекстов-конец VIII/начало IX в. – первая половина IX в.

Типология и хронология.

Исходя из этих дат хронология классов и типов CGA представляется следующей.

Класс I.CGA I.1 может датироваться в VIII-началом IX в. (в основном, VIII в.), GGA I.2– VIII в., CGA I.3-второй половиной VIII / началом IX в., CGA I.4– второй половиной VIII в., CGA I.5-концом VIII / началом IX-IX веком в целом.

Класс II. CGA II.1 может быть отнесен к середине-второй половине VIII в. С верхней датой CGA II.2 существуют определенные проблемы. Вне всякого сомнения существование этого типа в контекстах первой и второй половины VIII в. Однако самая поздняя находка происходит из контекста Сугдеи примерно середины IX в., где вместе с целым экземпляром CGA II.2 обнаружен кувшин с плоскими ручками [Баранов, Майко 1996: Рис. 2, 5]. Если следовать этой находке, то верхняя дата CGA II.2 должна приходиться на середину-60-е гг. IX в. Однако это единственная находка CGA II.2 в стратифицированных достоверных контекстах середины-второй половины IX в. На наш взгляд, скорее речь должна идти о присутствии в позднем комплексе одного раннего сосуда, по тем или иным причинам использовавшегося уже после окончания производства и циркулирования этих сосудов. В этом случае дата типа укладывается в VIII в.

Как мы видим, хронология CGA, за исключением CGA I.5 в подавляющей части укладывается в VIII-начало IX в. Такая датировка, а также хронология CGA I.5 полностью соответствуют датировкам средиземноморских прототипов, которых копировали крымские амфоры (Рис. 2). Crimean Globular Amphorae являются локальным вариантом Byzantine Globular Amphorae и имеют ту же хронологию и основные морфологические признаки [Сазанов 2019]. Сказанное позволяет предложить несколько иные датировки, в сторону удревнения, для крымских и южнорусских контекстов, содержащих CGA.

Библиография:

- АЙБАБИН А.И. Хазарский слой в Керчи / А.И. Айбабин // Материалы по истории, археологии и этнографии Таврии. — Симферополь, 2000.-Вып. VII. — С. 165-185.
- АЙБАБИН А.И. Археологическое наследие хазар времени создания каганата / А.И. Айбабин // Материалы по истории, археологии и этнографии Таврии.-Симферополь, 2013. — Вып. XVIII. — С. 277-315.
- БАРАНОВ И.А. Раннесредневековая гончарная печь в урочище Суат близ Ялты / И.А. Баранов // Античная древность и средние века: Социальное развитие Византии. — Св., 1979. — Вып. 16.— С. 112-118.
- БАРАНОВ И. А., МАЙКО В.В. Комплексът салтовски съоръжения в Судацката крепост / И.А. Баранов, В.В. Майко // Българите в Северното Причерноморие. — 1996. — Т. 5. — Велико Тырново: Университетското издателство «Св. св. Кирил и Методий». — С. 71-88.

БЕЛЫЙ А. В., НАЗАРОВ В. В. Раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен. Постройка № 1 / А. В. Белый, В. В. Назаров // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. — Симферополь, 1992. — С. 132-142

БЕЛЫЙ А. В. Раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен. Постройка № 2 / А. В. Белый // История и археология Юго-Западного Крыма. -Симферополь, 1993. — С. 49-58.

БЕЛЫЙ А. В. Раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен. Комплекс построек № 3,4,7 / А. В. Белый // Бахчисарайский историко-археологический сборник.-Симферополь, 2001. — № 2. — С. 189-229.

БЕЛЫЙ А. В. Раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен. Комплекс построек № 5 и 6 / А. В. Белый // Бахчисарайский историко-археологический сборник. — Симферополь, 2008. — № 3.— С. 115-131.

БУКАТОВ А. А., ДЮЖЕНКО Т. В. Проблемы изучения керамического производства и торговых связей Херсонеса в VIII-IX вв по материалам подводных археологических исследований. 2017 <https://yandex.ru/search/?text=%D0%91%D1%83%D0%BA%D0%B0%D1%82%D0%BE%D0%B2%2C%20%D0%94%D1%8E%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%BE%202017&lr=213&clid=2233626> (дата обращения 24.02.2020)

ГОЛОФАСТ Л. А., ЕВДОКИМОВ П. А. К вопросу о времени бытования амфор с мелким зональным рифлением (по материалам раскопок в Фанагории) / Л. А. Голофаст, П. А. Евдокимов // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.-Симферополь, 2019. — Том 24.— С. 186-216.

МАЙКО В. В. Сугдея во второй половине VII — первой половине VIII вв. Обзор археологической ситуации / В. В. Майко // Салтово-маяцка археологічна культура: проблеми та дослідження. — Вип. 2. -Харків, 2012. — С. 54-62, 120-123.

МАЙКО В. В. Праболгарские памятники юго-восточного Крыма. Эволюция керамического комплекса / В. В. Майко // Дриновский сборник.-Харьков, 2012а — Том V. — С. 79-63.

НИДЗЕЛЬНИЦКАЯ Л. Ю. Византийские амфоры с гладким корпусом и зональным орнаментом V — начала IX вв. (по материалам донских музеев)/ Л. Ю. Нидзельницкая // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время. — Ростов-на-Дону, 2009 — С. 257-282.

НИДЗЕЛЬНИЦКАЯ, Л. Ю., КУЛАКОВ, А. А. Раннесредневековое поселение Мартыново I на Нижнем Дону/ Л. Ю. Нидзельницкая, А. А. Кулаков // Хазарские древности. Аксай, 2013. — С. 7-49.

ПАРШИНА Е. А., ТЕСЛЕНКО И. Б., ЗЕЛЕНКО С. М. Гончарные центры Таврики VIII-X вв./ Е. А. Паршина, И. Б. Тесленко, С. М. Зеленко // Морская торговля в Северном Причерноморье. Сборник научных статей. — Киев: Наукова думка- 2001. — С. 52-81.

POULOU-PAPADIMITRIOU N. Glazed White Ware from Constantinople (GWW I-II/7th-9th century): the Aegean evidence / N. Poulou-Papadimitriou // LRCW 7. 7th International Conference on Late Roman Coarse Ware, Cooking Ware and Amphorae in the Mediterranean: Archaeology and Archaeometry. The End of Late Roman Pottery. The last centuries at the crossroads. Abstracts Book. Valencia-Riba-Roja de Turia-Alacant, 2019. — P. 42.

РОМАНЧУК А. И., САЗАНОВ А. В, СЕДИКОВА Л.В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург: Уральский университет, 1995. — 169 с.

САЗАНОВ А.В. Археологические комплексы Крыма второй половины VII- первой половины VIII в. / А.В. Сазанов // Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Сорочан С.Б. Крым в «хазарское» время (VIII-середина X в.): вопросы истории и археологии. — М.: Неолит. — 2017. — С. 25-195.

САЗАНОВ А.В. Средиземноморские глобулярные амфоры (MGA) второй половины VI–IX вв. Общий обзор / А.В. Сазанов // Уваровские Таврические чтения IV «Древности Юга России»: Материалы Международной научной конференции. Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», 12-15 сентября 2019 г. / Ред.-сост. А.В. Сазанов, Л.В. Седикова, Н.В. Гинькут. — Севастополь: ООО «Колорит», 2019. — С. 160-164.

СЕДИКОВА Л.В. Керамические печи IX века в Херсонесе / Л.В. Седикова // Материалы по истории, этнографии и археологии Таврии. — Вып. 4. — Симферополь, 1994.— С. 78-92.

СЕДИКОВА Л.В. Керамический комплекс второй половины IX в. из Херсонеса / Л.В. Седикова // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. — Симферополь: Таврия.-1995.— С. 123-124.

СЕДИКОВА Л.В. Керамический комплекс первой половины IX века из раскопок водохранилища в Херсонесе / Л.В. Седикова // Российская археология — 1995а. — № 2. — С. 170-177.

ТАЛИС Д.Л. Керамический комплекс Баклинского городища как источник по этнической истории Горного Крыма в IV–IX вв./ Д.Л. Талис// Археологические исследования на Юге Восточной Европы.-Москва: Государственный Исторический музей, 1982 — Ч. II. С. 55-67, 114-123.

ТЕСЛЕНКО И. Б., ТЕЛИЖЕНКО С.А. Исследования средневекового поселения на мысе Сотера (предварительные итоги работ 2004, 2008-2013 гг.)/ И.Б. Тесленко, С.А. Телиженко // Древняя и средневековая Таврика. Сборник статей, посвященный юбилею Елены Александровны Паршиной. И.Б. Тесленко (ред.-сост.). Археологический альманах. — № 33. — К.: Видавец Олег Филук, 2015. — С. 201-310.

Иллюстрации к статье

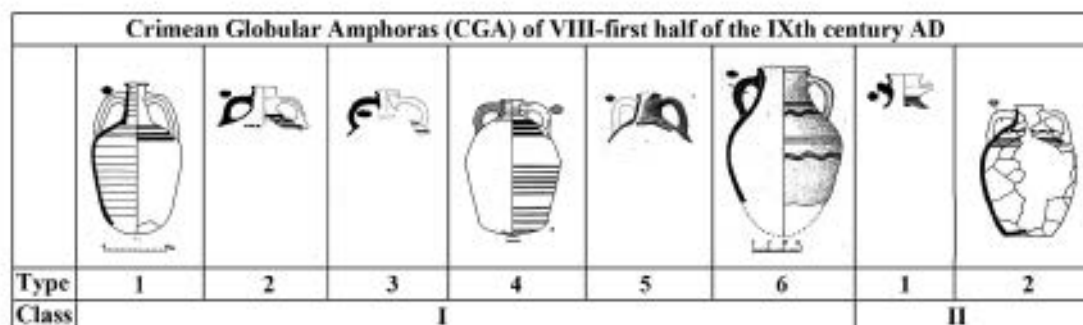

Рис. 1. Типология CGA

CRIMEAN GLOBULAR AMPHORAE	first half of 9th c.								
	second half of 8th c.								
	mid-second half of 8th c.								
	first half of 8th c.								
PROSPECTIVE AEGEAN PROTOTYPES	last quarter of 7th c.								
	first third of 7th c.								
	late 6th-early 7th c.								
	second quarter of 6th c.								
Type	1	2	3	4	5	6	1	2	
Class	I						II		

Рис. 2. CGA и их средиземноморские предшественники

Седикова Л. В.

РАННЯЯ ВИЗАНТИЙСКАЯ ПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА ИЗ ХЕРСОНЕСА

Sedikova L.

Early Byzantine Glazed Pottery from Chersonesos

Керамика является одной из важнейших и самой многочисленной группой археологических находок, позволяющей судить о характере экономических связей различных регионов Византийской империи. Херсонес (средневековый Херсон) был плотно вовлечен в орбиту внешней и внутренней торговли Византии во все периоды ее существования. Поливная керамика является едва ли не самой разработанной группой археологического материала из раскопок городища. Вместе с тем, среди находок выделяется очень немногочисленная категория византийской поливной посуды, отражающая ранние этапы ее производства и распространения.

В корпусных изданиях херсонесской поливной керамики ранние типы посуды отсутствовали. Традиционно появление византийского импорта в Херсонесе датировалось серединой IX в. [Якобсон 1979: 83]. Выделение ранней византийской поливной посуды среди находок в Херсонесе стало возможным благодаря публикациям зарубежных исследователей последних десятилетий. Так в исследованиях Дж. Хейса по материалам раскопок района Сарачаны в Стамбуле ранняя группа поливной белоглиняной керамики вошла в научный оборот под названием «Glazed White Ware I» (GWW I).

Впервые фрагмент, относящийся к данной группе керамики из Херсонеса, но без привязки к определенному комплексу, был опубликован Д.Л. Талисом [Талис 1960: 131, рис. 2.2]. Самая большая коллекция находок группы Glazed White Ware I была найдена при раскопках засыпи городского водохранилища, датированной первой половиной IX в. [Седикова 1991: 647-650]. Один фрагмент миски группы GWW I был обнаружен

в засыпи ямы в цитадели, исследованной В.В. Борисовой. датированной серединой IX в. [Седикова 1997: 10]. Единичные фрагменты сосудов группы GWW I были найдены в засыпи цистерны в квартале X-A Северного района Херсонеса [Голофаст, Рыжов 2013: 123, рис. 18,3] и в засыпи цистерны в квартале X-B того же района. Оба комплекса датируются VII в. [Голофаст 2013: 269-274, рис 1].

Введение в научный оборот новых находок керамики группы Glazed White Ware I из Херсонеса вызывает необходимость вернуться к рассмотрению отдельных, ранее опубликованных, материалов.

Засыпь главного городского водохранилища Херсонеса содержала большой набор керамических сосудов. По всей вероятности, цистерна была засыпана в первой половине IX в., однако в засыпи присутствовало значительное количество более раннего материала [Седикова 1995: 170-177].

Коллекция белоглиняной поливной посуды представлена тарелками с валикообразным или заостренным венчиком и косыми стенками. Этому типу, скорее всего, принадлежат донья на кольцевом расходящемся поддоне. Врезной орнамент в виде завитков, изображений рыб и буквенных обозначений. Полива желтая, в одном случае оливковая нанесена по тонкому слою бежевого ангоба. В Сарачанах подобные изделия группы Glazed White Ware I с врезным декором встречаются в депозитах VIII-начала IXв. [Hayes 1992: 17, fig. 5].

Два экземпляра принадлежат кухонным горшкам с шаровидным туловом, широким венчиком с двумя закраинами внутри. К венчику крепилась почти круглая в сечении ручка. Глина красная рыхлая, с включением крупных светлых частиц. На внутренней поверхности темно-оливковое поливное покрытие. Надежно датированные комплексы, содержащие подобные сосуды из района Сарачаны датируются в пределах VII в. [Hayes 1968: 203-205; Hayes 1992: 100, 101, fig. 43].

Группа розовоглиняных мисок с вертикальным венчиком и бортиком снаружи и неравномерным желтым поливным покрытием внутренней части сосудов. В отдельных случаях полива нанесена на слой бежево-красного ангоба. У отдельных экземпляров встречаются вырезы на бортике. Этому типу мисок, видимо, принадлежали нижние части сосудов

с плоским дном. Самые ранние аналогии данным сосудам происходят из комплекса находок кораблекрушения VII в. в Ясси Ада [Bass 1982: 165, fig. 8-9, P 1], а также в комплексах VII в. в Сарачанах [Hayes 1968: 205, 8]. Самые поздние изделия с подобными признаками происходят из Стадии II Большого дворца в Константинополе, датируемой автором публикации концом Исаврийской династии (717-802 гг) [Stevenson 1947: 36, pl. 15, 45].

В засыпи водохранилища был найден светильник грушевидной формы длиной 9 см (Рис. 1) Судя по сохранившимся остаткам, он имел уплощенную петлевидную ручку. Вокруг отверстия на щитке рельефный орнамент в виде завитков. На рожке рельефное изображение ветки. Глина бежевая. На поверхности неравномерный слой коричневатого ангоба. Щиток почти полностью, за исключением утрат, покрывает небрежно нанесенный слой темно-оливковой поливы. Пятна поливы присутствуют также на тулове и рожке. Находки подобных светильников в Херсонесе не известны. Ближайшие аналогии – светильники типов 16-17 с каплями поливы из Сарачан. Дж. Хейс относит их к концу VII-VIII в. [Hayes 1992]. Полива на щитке нашего светильника не является результатом случайного попадания во время изготовления, а относится к элементам декора, что может свидетельствовать в пользу более поздней даты изделия – VIII в.

Керамика группы Glazed White Ware I, по всей вероятности, производилась в окрестностях византийской столицы, а ее образцы, хоть и не в больших количествах, встречаются на памятниках средиземноморского региона – в Северной Африке, на Кипре, в Греции, Турции, а также в Крыму и на Тамани [Vroom 2006: 164; Смокотина 2003: 172-181; Голофаст 2017: 195-206].

Исходя из современного анализа поливной керамики из засыпи водохранилища можно заключить, что найденные фрагменты, изготовленные в мастерских византийской столицы, хронологически не однородны. Самые ранние образцы относятся к VII, а поздние – к VIII – началу IX столетия. Их немногочисленность может свидетельствовать о том, что эта керамика, скорее всего, не являлась предметом торговли в византийском Херсоне.

Библиография:

- ГОЛОФАСТ Л.А., РЫЖОВ С.Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы X, ХА и ХБ)// МАИЭТ. — Симферополь — Керчь, 2013. Вып. XVIII. С. 49-161.
- ГОЛОФАСТ Л.А. Новые находки посуды группы Glazed White Ware I в Херсонесе// Stratum plus. — СПб., Кишинев, Одесса, Бухарест, 2013. № 4. С. 269-274.
- ГОЛОФАСТ Л.А. Поливная керамика из слоев хазарского времени в Фанагории// Проблемы истории, филологии, культуры. — Магнитогорск, 2017. № 4. С. 195-206.
- СЕДИКОВА Л.В. Керамический комплекс 1 половины IX в. из раскопок водохранилища в Херсонесе// Российская археология. — М., 1995. № 2. С. 170-177.
- СЕДИКОВА Л.В. Керамическое производство и импорт в Херсонесе в IX в. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. — Москва. 1977. 23 С.
- СЕДИКОВА Л.В. К вопросу о времени появления византийской поливной посуды в Херсонесе// МАИЭТ. — Симферополь, 1997. Вып. VI. С. 646-650.
- СМОКОТИНА А.В. Византийская поливная керамика VII — первой половины IX вв. из раскопок Мангупа// МАИЭТ. — Симферополь, 2003. Вып. X. С. 172-181.
- ТАЛИС Д.Л. К характеристике византийской поливной керамики IX-X вв. из Херсонеса// Труды ГИМ. Археологический сборник. — М., 1960. Вып. 37. С. 125-140.
- ЯКОБСОН А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л, 1979. 164 С.
- BASS G.F. The Pottery// Bass G.F. Doorninck van F.H. (ed.) Yassi Ada. A Seventh — Century Byzantine Shipwreck. Texas, 1982. Vol. I. P. 155-188
- HAYES J.W. A Seventh-century Pottery Group// Dumbarton Oaks Paper. 1968. Vol. 22. P. 203-216.
- HAYES J. W. The Pottery// Excavations at Saraçhane in Istanbul. Oxford, 1992, V. 2. 455 P.
- STEVENSON R. The Pottery// The Great Palace of the Byzantine Emperors. Oxford — London. 1947/ P. 32-65, 27 Pl.
- VROOM J. Some Byzantine Pottery Finds from Kaman — Kalehöyük: a First Observation// Anatolian Archaeological Studies. 2006. V. XV. P. 163-169.

Solcà A.

KASKA: A SURVEY OF THE EVIDENCE IN HITTITE TEXTS AND THEIR TRADE CONNECTIONS TO THE BLACK SEA

Солька, А.

Кашка: обзор хеттских текстов в поисках доказательств хеттских торговых связей с Черным морем

The main aspect of our today presentation will be on the Kaska contacts, trade routes and cults connecting Hatti to the Black Sea and we hope to make it a future complete research monography. We will present shortly a part of the evidence we collected in three parts:

- 1) Kaska texts connected to Hatti and geographical elements as well as rituals.
- 2) Black Sea trade routes toward Anatolian kingdoms and how actual Crimea could contain clues on these cross-sea trading journeys inside the Black Sea with Anatolian northern kingdoms.
- 3) How Kaska tribes were seen as useful allies or state enemies depending on the situation.

So let us begin with a short overview of texts related to Kaska. These are usually mentioned in treaties or religious texts connected to rituals or prayers but also in official correspondence. We shall present first a small survey of treaties and diplomatical letters related to Kaska.

As a foreword, we would like to quote a very interesting thesis published in Tasmania in 1962 and in particular, as an illustration of our research topic, three passages useful in our thematic. [Hetherington L.G., 1962, pages 58, 75-76, 119-120]

In other words, according to these texts, we can see pinpoint three main sensitive contact points between the Kaska earldoms and the Hittite Empire:

1) the River Kummesmaha and its crossing, 2) the city of Tiliura and its neighbor allies, 3) Hantilis and later Hittite outposts defending the borders crossing territories occupied by Kaska tribes. We shall examine these three essential elements more in detail.

First, on geography of the Kaska region, then on cultural connections and then on cult evidence. In northern Anatolia, Tiliura plays an important role on the understanding of Kaska geography and cults. One of our most important goals is to work on an accurate geographical list of Kaska toponyms and cults in order to create a future geographical-historical comparative index of Kaska cultural area. One of our main tools will be to compare Latin and early Greek topography of Bithynia and Cappadocia and check it with the Hittite and Neo-Assyrian evidence.

[https://biaa.ac.uk/ckeditor/filemanager/userfiles/electronic_publications/P_et_B_final.pdf] and also update if possible informations on the existing database for Kaska toponyms: [<http://hha.datalino.de/names.php>]. We can observe that in Hittite religion, there were many deities which required specific rituals and many precious ornaments. One of them I discovered accidentally is particularly interesting as this goddess concerns the Kaska region. The deity's name is "Iṣḥaṣḥuriya. Although Pr. Cammarosano seems a bit hesitant to assign specifically the goddess Iṣḥaṣḥuriya strictly to the Kaska region as she appears also in an another text KUB 38.1 which, in a whole, is more connected to central Cappadocia, I think it perfectly fitting to have two regions connected by a goddess protecting both areas: the Tiura and the Tiliura regions. Now let us see the entire text as an example of Kaska ritual content. Bildbeschreibung in a cult inventory text (KUB 38.3 obv. i 9-17, text after Cammarosano 2018, 322) obv. i 9 Diš-ḥa-aš-ḥu-ri-ia-aš URU ti-li-ú-ra DINGIR-LIM-tar obv. i 10 1 ALAM AD.KID *MUNUS*-TI TUŠ-an KÙ.BABBAR GAR-RA pá-ka⁴-aš-ti 1 SIG. KÙŠ ½ SIG.KÙŠ obv. i 11 1 KI-LI-LU KÙ.BABBAR 5 GURUN KÙ.SI₂₂-kán an-da obv. i 12 8 pí-in-na-ti-iš KÙ.SI₂₂ *ŠÀ* 3? KÙ.BABBAR A-NA GÚ-ŠÚ-kán an-da obv. i 13 6 ši-it-tar KÙ.SI₂₂ ŠÀ! 2 KÙ.BABBAR [A-NA DIN]GIR-LIM GABA-ŠÚ-kán an-da obv. i 14 3 TA-PAL ḤUB .[B]I [ŠÀ 1-NU-TUM] KÙ.SI₂₂ *2-NU-TUM-ma* NA₄ ZÁLAG obv. i 15 *an*-da DAB-an A-NA GEŠTUḤI.A-ŠÚ-kán an-da obv. i 16 3 TA-PAL TÚGNÍG.LÁM ŠÀ 1-NU-TUM SIG₇ 1-NU-TUM-ma SA₅ obv. i 17 *1-NU*-TUM-ma NA₄ ZÁLAG

“Išḫašḫuriya of Tiliura: the divine image is 1 statuette of wicker, of a woman, seated, plated with silver, (it is) 1 ½ short cubits in height; 1 silver headwreath, (with) 5 fruits of gold on (it); 8 necklaces of gold — of which 3? (are) of silver — on her neck; 6 (sun) disks of gold — of which 2 (are) of silver — on the [godd]ess’ breast; 3 pairs of earrings—[in which 1 (pair)] of gold and 2 (pairs) of ZÁLAG-stone are included — at her ears; 3 pairs of festive garments, of which 1 (pair is) yellow, 1 (pair is) red, and 1 (pair is) of (the color of) ZÁLAG-stone.”

We can therefore observe that the Ishashuriya goddess wasn’t only an important goddess for central local cults of Anatolia but also received very precious gifts and clearly, all this luxury and exquisite ornaments were a potential booty for Kaska tribes but also a matter of religious identity for Hittites as well as Kaska. Also a small detail but maybe the ZALAG stone was extracted in this region and that could help us to identify more clearly the region of Tiliura.

Besides, it would be interesting to find the etymology of this goddess but also where could be precisely located the ancient city of Tiliura.

Finally, we can add that actual Crimea-Black Sea region had an important role in sea-trading routes with Anatolia for the following reasons: the entire region called Sinop, from the ancient Σινώπη, maybe related to an another Hittite site Si-nu-u-a, has been an important port for ages. But also researches on Zalpa, as well as Roman Zela and Hittite Anziliya point to the direction of an early Black Sea occupation by Kaska people. I thank you for your attention and will look forward your comments.

Bibliography:

ALP, S., 1991: Hethitische Briefe aus Maşat-Höyük, İstanbul.

BOZGUN SAFAK, *The Location of Tiliura City according to Cuneiform Documents (II)*, Ankara University Journal of Languages and History-Geography, DTCF Dergisi 58.2 (2018): 1246-1266

CAVAIGNAC, E., 1949: “L’Arnuwandas d’Ismirikka”, *ArOr* 17: 85-87.

CORNELIUS, F., 1958: «Geographie der Hethiterreiches», *OrNS* 27, 225-251.

CORNELIUS, F., 1967: “Neue Arbeiten zur hethitischen Geographie”, *Anatolica* 1, 62-77.

CORNELIUS, F., 1973: *Geschichte der Hethiter*, Darmstadt.

del MONTE G. F. — J. Tischer, 1978: Die Orts und Gewässernamen der Hethitischen Texte, RGTC 6.

del MONTE G. F., 1992: Die Orts und Gewässernamen der Hethitischen Texte, (RGTC 6/2), Wiesbaden.

FORLANINI, M., 1999: «La ricostruzione della geografia storica del ponto nella tarda età del bronzo e la continuità della toponomastica indigena fino all'età romana», Rendiconti 131/2, 397-422.

FREU, J., 1980: “Luwiya. Géographie historique des provinces méridionales de l'empire hittite: Kizzuwatna, Arzawa, Lukka, Milawatta”, Document 6: 177-352.

GARSTANG, J. — O.R. Gurney 1959: The Geography of the Hittite Empire, London.

GOETZE, A., 1940: Kizzuwatna and the Problem of Hittite Geography, New Haven.

GOETZE, A., 1952: “The Predecessors of Šuppiliumaš of Ḫatti”, JAOS 72: 67-72.

GOETZE, A., 1953: “An Old Babylonian Itinerary”, JCS 7: 51-72.

GOETZE, A., 1957: “On the Chronology of the Second Millennium B.C.”, JCS 11: 53-61, 63-73.

HOUWINK ten CATE Ph.H.J., 1970: The Records of the Early Hittite Empire (c. 1450-1380 B.C.), İstanbul.

KAMMENHUBER, A., 1968: Die Arier im Vorderen Orient, Heidelberg.

KAMMENHUBER, A., 1969: “Die Sprachstufen des Hethitischen”, ZVS 83: 256-289.

KEMPINSKI, A. — S. Košak 1969-70: “Der Išmeriga- Vertrag”, WdO 5: 191-217.

KLENGEL, H., 1965: Geschichte Syriens I, Berlin.

KOROŠEC, V., 1931: Hethitische Staatsverträge. Ein Beitrag zu ihrer juristischen Wertung, Leipzig.

OTTEN, H., 1966: “Hethiter, Hurriter und Mitanni”, Fischer Weltgeschichte 3: 102-176.

von SCHULER E., 1964: “Staatsverträge und Dokumente hethitischen Rechts”, Neuere Hethiterforschung: 34-53.

von SCHULER, E., 1965: Die Kaškäer, Berlin.

Smith, S., 1956: “Ursu and Ḫaššum”, Gs Garstang: 35-43.

ÜNAL, A., 1974: Hattušili III. Teil I (=THeth. 3), Heidelberg.

Ünal, A., 1976-1980: “İšmiraka”, RIA 5: 197-198.

BILGIN Remzi Tayfun, Bureaucracy and Bureaucratic Change in Hittite Administration, A dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy (Near Eastern Studies), University of Michigan, 2015

GERÇEK Nebahat İlgi, *The Kaska and the Northern Frontier of Hatti*, A dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy (Near Eastern Studies), University of Michigan, 2012

HETHERINGTON L. G., *Hittite Domestic and Foreign Policy of the Old Kingdom*, M.A. Thesis, University of Tasmania, Hobart, 04.07.1962

Ступко М. В.

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ХРОНОЛОГИИ МОНЕТНЫХ ВЫПУСКОВ ХЕРСОНА ТИПА В – † (АНОХИН, 1977 №№ 360-373)

Stupko M.

New data on the chronology of Kherson coin issues
type В – † (Anokhin, 1977 No. 360-373).

Постоянно поступающие данные археологии при сопоставлении их с монетными коллекциями позволяют вносить коррективы в, казалось бы, уже окончательно сложившуюся систематизацию монет средневекового Херсона.

В ходе анализа монетных выпусков Херсона времени Василия I (867-886 гг.), наше внимание привлекли три вида монет типа В – †, заметно отличающиеся по оформлению от основного ряда монет данного типа (Рис. 1). Первый вид имеет два варианта (Рис. 1: 1-5). Общей характерной особенностью является сдвоенный ободок по краю монеты. У первого варианта такой сдвоенный ободок выполнен и на лицевой и на оборотной сторонах монеты. При этом на более качественно изготовленных (раннего выпуска) экземплярах внешний ободок выполнен со «шнуровым» декором в виде частого рифления (Рис. 1: 1, 2, 2а). Начертание «беты» и креста на Голгофе идентично для средних по времени серий II выпуска монет Василия I по Анохину [Анохин 1977 №№ 363, 365], когда уже несколько упало качество выделки и изображения несколько размылись. В частности, верхнее перекрестие шестилучевого креста приобрело грибовидно-подтреугольную форму. Эта разновидность имеет редуцированные формы, что может говорить об относительно массовом производстве, но вместе с тем монеты со сдвоенным ободком на обеих сторонах (особенно со шнуровым ободком) являются чрезвычайно редкими. Второй вариант имеет сдвоенный линейный ободок только на оборотной стороне вокруг креста (Рис. 1: 6-8) [Толстой 1991: 128, табл. 73: 14]. Это самые

крупные монеты данного типа 19-20 мм в диаметре (выпуски Василия I – 17-18 мм). Лицевая сторона прослежена в двух вариантах: В на длинной базальной линии (Рис. 1: 6, 8) и В на короткой базальной линии (Рис. 1: 7). Во втором случае есть характерное отличие – верхняя петля беты выполнена с изломом.

В отличие от первого варианта, который просто отсутствует в публикациях, второй вариант данного типа является монетой относительно массового выпуска. Такие типы нередки среди находок на городище, а также представлены в кладах. Например, в составе клада 1991 г., из квартала ХCVI в северо-восточном районе Херсонесского городища, из 554 экземпляров на тип В – † приходится 52 единицы, из которых около половины представлены типом с двойным ободком на оборотной стороне [Алексеев 2016: 9]. К сожалению, автор в рамках своей работы дает данный тип общим числом, не выделяя разновидность с двойным ободком в отдельную статистику.

Еще одной разновидностью монет типа В – †, привлекающей наше внимание, является вариант с «канатным» ободком, также именуемым рядом исследователей «жемчужным» или «точечным» (Рис. 1: 12-16). Однако если рассмотреть детально наиболее качественные экземпляры, можно заметить, что ободок состоит из коротких наклонных «штрихов», образующих рисунок, подобный скрученным прядям каната. Впервые экземпляр такой монеты опубликовал А.В. Орешников (Рис. 1: 12)[Орешников 1911: 4]. Все монеты этого типа некрупные, 16-17 мм. Имеются редуцированные формы, что может говорить о некоторой продолжительности их производства. Вместе с тем этот тип монет очень редок, в коллекции Херсонесского музея выявлен всего один экземпляр (Рис. 1: 13).

По затронутому вопросу мнение практически всех авторов совпадает за исключением незначительных нюансов [Толстой 1908-1914; Соколова 1983; Анохин 1977; Туровский, Горбатов 2013; Чореф 2015]. Историографию изучения монетного дела Херсона, достаточно подробно представлена в работах современных авторов, например В.А. Сидоренко [Сидоренко 2013: 267-270], М.М. Чорефа [Чореф 2015: 9-15]. Следует отметить, что описанные разновидности монет типа В – † практически во всех существующих публикациях даются единым блоком во время правления Васи-

лия I (867-886 гг.) (Рис. 2). Только В. А. Сидоренко в работе, посвященной выделению муниципальных и церковных выпусков средневекового Херсона, относит монеты данного типа, за исключением одной разновидности, ко времени правления Василия II, в ряде нюансов опираясь на особенности оформления монет и конкретизируя датировки двух выпусков 960-963 и 963-989 гг. [Сидоренко 2013: 278, 279].

Рассмотрим конкретную ситуацию с атрибуцией и хронологией описываемых трех разновидностей монет типа В – †. Так при обработке материалов из раскопок городского зольника Херсонеса 2009-2012 гг. [НАО ГИАМЗ ХТ, дела №№ 4104, 4158, 4452] было отмечено несколько особенностей состава нумизматического материала. Нами было выявлено полное отсутствие среди многочисленных монет типа В – † экземпляров с двойным ободком. Если отсутствие вариантов с двойным ободком на обеих сторонах монеты и варианта в канатном ободке можно списать на их редкость, то экземпляры с двойным линейным ободком вокруг креста к раритетам отнести нельзя. В коллекции музея из общего числа однотипных монет с архангельским (шестиконечным) крестом и его вариациями, их количество составляет почти 7%. Более подробно относительная статистика дана в статье по атрибуции монет с двумя крестами [Ступко 2019: 248]. Например, в кладе 1991 г. их число составило около 4% от общего числа количества и около 40% однотипных экземпляров.

О представительности монетной выборки из раскопок зольника нами уже писалось [Ступко, Туровский 2016]. Общая ее статистика выглядит следующим образом. На 1197 экземпляров монет из слоев IX-X вв. около 60-63% приходится на литые выпуски (около 750 экз). В свою очередь из литых монет 226 экз. приходится на монеты типа В – † II и III выпусков по Анохину [Анохин 1977: 116]. На типы с архангельским крестом приходится 187 экз., то есть почти 83% типа В – †, и среди них ни одной с двойным ободком, что достаточно показательно для такой подборки. Кроме того в составе монетной коллекции из этого раскопа отсутствуют деградантные экземпляры этого типа (Рис. 1: 9-11). Монеты Василия II появляются в небольшом количестве только в слое перекрывающем первый пожар, *terminus ante quem* которого является максимум 963 г., последний год правления Романа II [Ступко, Туровский 2016: 264]. В слое между пожарами присутствуют монеты Иоанна Цимисхия

и двухмонограмные монеты Василия II [Анохин 1977 № 441]. В слое второго пожара уже появляются монеты типа $\kappa\text{B}\omega - \dagger$, датируемые В. А. Анохиным после 1016 г. [Анохин 1977: 123]. Однако относительно небольшая выборка монет из второго пожара не позволяет делать каких-то определенных выводов. Можно лишь утверждать, что начало выпуска монет нового типа предварялось какими то весьма важными событиями. Логично предположить, что после событий 988-989 гг. центральной властью для оживления экономики города осуществлялись некие финансовые вливания, что отразилось в выпуске местных монет нового типа $\kappa\text{B}\omega - \dagger$. Вместе с тем конкретизировать начало выпуска монет с $\kappa\text{B}\omega$ на данный момент не представляется возможным, остается временной интервал между 989-2016 годами [Алексеенко 2006: 252]. Отсутствие в слоях первого пожара, датируемого не позднее 963 года, монет типа $\text{B} - \dagger$ с двойным линейным ободком и наличие их в кладе времени правления Василия II, позволяет выдвинуть предположение, что данные монеты являлись младшим номиналом синхронно выпускаемых монет $\kappa\text{B}\omega - \dagger$ (Рис. 3). Чтобы обосновать это предположение, а так же уточнить место в типологии для двух других разновидностей монет типа $\text{B} - \dagger$, нам потребуется привлечь данные штемпельного анализа, которые наряду с данными статистики и стратиграфии позволяют сделать это наиболее обоснованно.

До настоящего момента штемпельному анализу литых выпусков средневекового Херсона уделялось, на наш взгляд, недостаточно внимания. Большинство исследователей [Соколова 1965: 116-120; Анохин 1977: 116-118; Сидоренко 2012: 40; Ступко, Туровский 2010: 39] значительное место уделяют изучению деталей оформления и вторичному использованию монет в качестве штампов, но игнорируют технологические особенности их изготовления.

Технология литья радикально не изменялась на протяжении всего периода изготовления литых монет. Формы изготавливались сначала в виде куста линейных литников, на которых отливки расположены цепочкой. Позже стали применяться решетчатые формы. А вот приемы изготовления штампиков (маточников), которыми оттискивались изображения монет в форме, менялись во времени практически непрерывно. В начале рассматриваемого периода (конец правления Романа II) использовались наборные штапки, что видно по дифференцированным изображениям

монограмм (Рис. 4: 1-3). При Никифоре II [Анохин 1977: № 437] и Иоанне I начинают использоваться цельные штампики (Рис. 4: 4), которые применяются и в первых двухмонограмных выпусках Василия II (Рис. 4: 5). То есть после этапа применения наборных штампов, происходит по сути возврат к технологии изготовления маточников, существовавшей со времен Василия I (Рис. 4: 5). Подробный разбор трансформации оформления монет и их корреляция с техникой изготовления матриц и маточников литых монет, – тема отдельной работы, которая позволит скорректировать хронологию целого ряда выпусков от Времени правления Константина VII до Василия II (Рис. 3, выделено серым).

Используя данные стратиграфии, типологии и штемпельного анализа, рассмотрим подробнее монетные выпуски времени правления Василия II. В конце правления Романа II после возведении на престол его двухлетнего сына Василия II, между 960 и 963 годами, выпускается небольшая серия монет с монограммами имен Романа и Василия в технике наборных штампов (Рис. 4: 2)[Анохин, 1977: № 431, 432].

При Никифоре II первая серия монет с двумя монограммами выполняется еще в технике наборных штампов (Рис. 4: 3)[Анохин 1977: № 435], но формы дополнительного тиража этого же типа [Анохин 1977: №№ 436, 437] изготавливается по старой технологии с цельными штампами. В такой технике формы изготавливались со времени правления Михаила III. До возврата к старой технологии, после возведения на престол брата Василия II – Константина VIII в 963 году, выходит маленькая серия монет типа ВА – КТω, изготовленных еще по наборной технологии (Рис. 4: 3а).

В правление Иоанна I производятся выпуски двухмонограммных монет уже по технологии цельного маточника, но с более четким высоко-рельефным рисунком и жемчужным ободком из крупных хорошо дифференцированных точек (Рис. 4: 4). Именно в правление Иоанна I снова выходит маленькая серия монет типа ВА – КТω, уже с аналогичным основной серии дизайном в той же технологии с цельным изображением (Рис. 4: 4а) [Анохин 1977: № 434]. Здесь необходимо обратить внимание, что чрезвычайно редкие монеты типа В – † с канатным ободком очень схожи по всем параметрам с данными выпусками. Это и один типораз-

мер, и сильно разреженные крупные элементы ободка, и низкий рельеф не очень качественного изображения (Рис. 1: 12-16).

После начала самостоятельного правления Василия II в 976 г. производится обильная серия двухмономмных монет с титулом «δεσπότης» (Рис. 4: 5). Технология изготовления их маточников остается той же, с цельным изображением.

Последней серией монет времени правления Василия II обоснованно считается выпуск от имени соправителей Василия и Константина типа κΒω – †. Крест на них идентичен кресту на монетах II серии Василия I, очень значительное количество которых еще находилось в обороте, что видно по материалам кладов и находкам на городище. Технология изготовления маточника в новом выпуске применена гибридная: буквы аверса сделаны наборным штампом, а крест на реверсе – цельным по старой технологии (Рис. 4: 7). При этом рисунок креста использовался тот же, что и для монеты типа Β – † с двойным ободком на оборотной стороне (Рис. 1: 6, 17)! Те же смещенные вправо наверх креста и его первая ступень, такое же смещенное вправо перекрестие. Помимо этого на монетах с κΒω на оборотной стороне вокруг креста прослеживается кольцевой низкорельефный валик, по виду схожий с ободком на монетах типа Β – † с двойным ободком. То есть, исходя из данных археологии и штемпельного анализа, можно утверждать, что монетный тип Β – † с двойным ободком на оборотной стороне однозначно относится ко времени правления Василия II.

Что касается монет типа Β – † с двойным ободком на обеих сторонах (Рис. 1: 1-4), их скорее всего следует так же отнести ко времени Василия II, в пользу чего говорят следующие факты. Во-первых, само наличие двойного ободка объединяет их с вариантом типа Β – † с двойным ободком на реверсе. Во-вторых, особая тщательность изготовления элементов шнурового декора внешнего ободка говорит о том, что эти монеты являются головными в серии, поскольку на последующих выпусках с применением переоттиска ранними экземплярами, детализация изображений непременно утрачивались. В-третьих, у ранних выпусков монет типа Β – † II серии времени Василия I гурт всегда тщательно опиливался по кругу. Подобная обработка постепенно падала в качестве и полностью исчезла только

ко времени правления Льва VI. В данном случае гурт образован следами грубо скушенных литников. В-четвертых, на ранних выпусках этих типов Василия I крест изображался четко шестиконечным, его рисунок со временем утрачивал эту четкость и постепенно выродился в грибовидно-подтреугольную фигуру, что категорически не вяжется с тщательным оформлением шнурового ободка. Исключительная редкость монет со шнуровым ободком, несмотря на наличие редуцированных экземпляров, говорит об очень незначительном объеме их выпуска. Монеты этой разновидности скорее всего являются серией, предваряющей выпуск монет более простого дизайна типа В – † с двойным ободком на оборотной стороне. Кроме того существует экземпляр, судя по всему являющийся переходной формой между разновидностями данного типа (Рис. 1: 5).

Стоит отметить, что от правления к правлению менялась только семантика изображения на монетах, а вот оформление самого изображения, равно как и технология его получения менялись только от мастера к мастеру.

Таки образом, на основании данных археологии, штемпельного анализа и технологических нюансов изготовления маточников монет типа В – † с двойными ободками, а также монет типа В – † с канатным ободком, можно утверждать, что их выпуск относится к различным этапам времени правления императора Василия II, а не Василия I, как считалось ранее. Это призвано уточнить датировку археологических слоев в раскопках, особенно активно ведущихся в настоящее время и в ряде случаев переоценить хронологию событий относящихся ко второй половине X века.

Библиография:

АЛЕКСЕЕНКО Монеты κВω // АДСВ 2006, Вып. 37 — С 237-252.

АЛЕКСЕЕНКО Н. А. Большой корсунский клад херсоно-византийских монет X в. // ХСб. Вып. XVI-Севастополь: ЭКОСИ-Гидрофизика, 2011. — С 9-34.

АНОХИН В. А. Монетное дело Херсонеса. — К., 1977. — 172 с.

НАО Гос. музея-заповедника «Херсонес Таврический» Ф.1, Оп.1, дело 4104.

НАО Гос. музея-заповедника «Херсонес Таврический» Ф.1, Оп.1, дело 4158.

НАО Гос. музея-заповедника «Херсонес Таврический» Ф.1, Оп.1, дело 4452.

ОРЕШНИКОВ А.В. Херсоно-византийские монеты (Дополнение) // Отдельный оттиск из НС, т. 1., — М., 1911. — 6 с.

Орешников А.В. Херсоно-византийские монеты Романа I // Отдельный оттиск из НС, т. 1. — М., 1911. — 2 с.

СИДОРЕНКО В.А. Литые херсоно-византийские монеты IX-XII вв. // Византийский семинар ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис». — Севастополь, 2012

СИДОРЕНКО В.А. Церковное и муниципальное производства херсоно-византийских монет IX — начала XIII вв. // Византийский семинар ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис». — Севастополь, 2013. — С 267-293.

СОКОЛОВА И.В. Херсонесские монеты X века с портретами императоров // НЭ, т.V, — М., 1965. — С. 116-121

СОКОЛОВА И.В. Монеты и печати византийского Хереона: монография.-Л., 1983. — 176 с.

СТУПКО М. В. К атрибуции и датировке херсоно-византийских монет типа «два креста» (Анохин 1977: 384) // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: Материалы конференции. Том 1. — М.: Пробел-2000, 2019. — 308 с.

СТУПКО М.В., ТУРОВСКИЙ Е.Я. О датировках литых монет Хереона (тез. докл.). — II Международный Византийский семинар ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ; «Империя» и «Полис», Севастополь, 2009 — С. 38-39.

СТУПКО М.В., ТУРОВСКИЙ Е.Я. о хронологических индикаторах в елоях Хереона второй половины X в. // Владимирский сборник. Материалы международных научных конференций «I и II Свято-Владимирские чтения». — Калининград, 2016. — С 261-267.

ТОЛСТОЙ И.И. Византийские монеты. Вып. I-IX. — СПб., 1908-1916. — 1060с.

ТОЛСТОЙ И.И. Византийские монеты. — Барнаул, 1991. Вып. X. — 170 с.

ТУРОВСКИЙ Е.Я., Горбатов В.М. Монеты античного и средневекового Хереонеса: каталог — определитель. — Симферополь, 2013. — 160 с.

ЧОРЕФ М.М. История византийской Таврики по данным нумизматики (МАИАСК; suppl. 1). — Тюмень; Нижневартоск, 2015. — 194 с.

Список сокращений

АДСВ — Античная древность и средние века (Свердловск/Екатеринбург)

МАИАСК — Материалы по археологии, истории античного и средневекового Крыма

НАО — Научно-архивный отдел

НС — Нумизматический сборник

НЭ — Нумизматика и эпиграфика

ХСб — Херсонесский сборник

Супренков А.А., Топоривская М.А.

ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ О ГРЕЧЕСКОМ ЭМПОРИОНЕ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ

Suprenkov A., Toporivskaya M.

Written Sources About the Greek Emporion
in the Northwest Mediterranean and Archaeological Realities

Эмпорион – фокейская колония, расположенная в Северо-Западном Средиземноморье на южном побережье залива Росас в Каталонии. Это самый северо-западный из археологически локализованных греческих полисов. Изначально город Палеаполис был основан на рубеже VII-VI вв. до н.э., по всей видимости, колонистами из Фокеи¹ на небольшом островке Сан-Марти д' Эмпурис, вблизи которого располагались сельские поселения индикетов, находившихся на стадии перехода к железному веку. Местное население в эту эпоху уже имело опыт торговых обменов – предшественниками фокейских греков на этой территории были финикийцы, этруски и мореплаватели из Восточной Греции. В середине VI в. до н.э. греческие колонисты переселяются на материк и основывают в нескольких сотнях метрах к югу от первоначального поселения Неаполис² [Aquilué: 2008, 15]. Это могло быть вызвано как масштабными историческими событиями – разгромом Фокеи Гарпагом и притоком беженцев на запад, неоднозначными результатами морской битвы при Алаллии и усилением влияния Массалии, так и внутренним развитием полиса. Так или иначе, уже в V в. до н.э. в Эмпорионе появляется фортификация,

¹ Согласно некоторым письменным свидетельствам, Эмпорион был основан выходцами из Массалии – крупнейшей греческой колонии северо-запада (см. далее).

² Искусственное название, присвоенное исследователями в противовес Палеаполису – Старому городу.

сакральное пространство, собственная монета и ремесленное производство, т.е. основные функции, свойственные небольшому городу – исследователи полагают, что в классическую эпоху его население не превышало 500 человек [Rouillard: 1991, 257]. Впоследствии этой полис сыграл значительную роль в торговле в своём регионе, предметом которой в основном была аттическая посуда, массалийские винные амфоры и продукция из Карфагена, поставляемые взамен местных продуктов сельского хозяйства.

Затерянная на крайнем Западе колония в целом осталась вне внимания ведущих историков и географов древности, тем не менее, письменные свидетельства об Иберии берут начало ещё со времён Геродота (Herod. I, 163) и Фукидида (Thuc. VI, 2,3,4). Нашей предшественницей Л.М. Коротких [Коротких 1983: 10-47] в своё время были подробно описаны все известные письменные источники об Эмпорионе, однако археологические открытия последних десятилетий позволяют предложить несколько иную их интерпретацию.

Впервые топоним Эмпорион был введён в оборот только автором IV в. до н.э. Эфором (FHGI, 128, 172-177, 207). В следующем столетии, с началом Второй Пунической войны город попадает под более пристальное внимание историков древности – его упоминает Полибий (Polyb. III, 39, 2; III, 76), а столетие спустя Посидоний в изложении Диодора Сицилийского (Diodor Sicil. V, 33-38). Первые же подробные описания Испании принадлежат авторам I в. до н.э. Страбону и Титу Ливию. Два их текста, подробно описывающие Эмпорион, приводились нами ранее [Супренков 2011: 343-345]. Вернёмся к ним чуть позднее. Укажем, что среди более поздних авторов общие сведения об Иберии содержатся у Плиния, Помпония Мелы, и Птолемея, а подробные у римского поэта Руфа Феста Авиена в произведении «Морские берега».

Два вышеуказанных текста Страбона и Тита Ливия, собственно говоря, лежат в основе историографии греческого Эмпориона. Страбон (Strabo, III, IV, 8) описывает побережье у города, указывает его географическое положение, и пишет, что он был основан массалийцами. Автор упоминает и Роду – основанную эмпоритами, а также пишет о культе Артемиды Эфесской и рассказывает о переселении колонистов на материк. Наиболее интересный пассаж в тексте Страбона указывает на то, что Эмпорион был двойным городом – диполисом, разделённым стеной, проходившей через

центр. Индикеты, по словам автора, имели собственное правительство, но хотели иметь общую стену укреплений с греками. Затем обе народности объединились в одну общину с одинаковым государственным устройством, состоящим из смешения варварских и греческих установлений.

Тит Ливий (Tit. Liv. XXXIV, 9, 1-13) указал на то, что Эмпорион был основан фокейцами. При этом он также говорил о том, что полис представляет собой два города, разделённых стеной. Причём испанский по описанию Ливия был значительно больше греческого. Он подчёркивал враждебное отношение между греками и испанцами и необходимость трети всех граждан греческого города постоянно охранять единственные ворота. Тем не менее, он ссылаясь на торговые обмены, которые проводились между греками и испанцами. Последние были несведущи в мореплавании, но охотно закупали привозимую на кораблях продукцию.

Два текста содержат противоречия, но напрямую пишут о двойном городе, разделённом стеной. Более же поздний автор – Стефан Византийский прямо писал о том, что город индикетов, расположенный у Эмпориона, был их столицей Индикой (Steph. de Byzance, s. v. Indike).

Разберём эти свидетельства в археологическом контексте.

Прежде всего, следует сказать об образцовой археологической изученности греческого Эмпориона (рис. 1). Город, заброшенный в эпоху поздней античности, не был застроен в Средневековье и отличается прекрасно сохранившимися строительными остатками. Систематические раскопки Эмпориона начались с начала XX в., и к середине столетия М. Альмагро была издана монография с общим планом раскопанного Неаполиса. [Almagro 1958]. При этом выявленные постройки классического и эллинистического периодов были явно греческими. Позднее этот факт позволил Х.-М. Пену выдвинуть достаточно революционную гипотезу, что города индикетов у греческих стен вовсе не существовало [Péna 1985: 71-75]. По мнению автора, Страбон писал о ситуации, когда при Катоне в начале II в. до н.э. в 200-х м к западу от греческого города на близлежащей высоте возник римский. С 80-х гг. XX-ого столетия работы в Эмпорионе были возобновлены в большом объёме под руководством Э. Санмарти. В их результате были окончательно определены пределы греческого Неаполиса, а также

был найден небольшой туземный квартал поблизости от южной оборонительной стены V в. до н.э. Однако уже в IV столетии до н.э. этот квартал был включён в греческий полис [Marcet, Sanmarti 1990: 21]. В целом это соответствует ситуации, описанной Страбоном, однако постройки квартала индикетов весьма невыразительны. Тезис о том, что город был разделён стеной посередине на сегодняшний момент не находит археологического подтверждения. И тем более сомнительно свидетельство Тита Ливия о том, что испанский город существенно превышал по размерам греческий и Стефана Византийского, что он являлся столицей индикетов.

Здесь нельзя не упомянуть о крупнейшем иберийском укрепленном поселении Ульястретте, расположенном в 15 км. к югу от Эмпориона. Это поселение эпохи поздней бронзы, возникшее в конце VII в. до н.э. начало быстро эволюционировать с появлением на побережье фокейских греков. К IV в. до н.э. Ульястретт уже имел все черты, свойственные городу, такие как фортификация, сельская территория, сакральное пространство, керамическое производство и регулярность застройки [Martin, Codina, Plana, de Prado 2010: 97]. Более того, он действительно существенно превышал по размерам греческий Эмпорион. Отметим и тот факт, что и этот город состоял из двух основных зон застройки – возвышенностей Пуйг де Сант-Андреу и Илла д'ен Рейсак.

Таким образом, «двойственность» о которой пишут древние авторы, описывающие события имевшие место задолго в прошлом, может иметь разные истоки. Прежде всего – это первоначальное поселение Палеаполис, возникшее, по всей видимости, в непосредственной близости от туземной деревни. Далее – появление «римского» Эмпориона, на расстоянии от греческого, и, наконец, существование крупнейшего поселения индикетов – Ульястретта, считавшегося, возможно, греческими путешественниками их столицей, и также сформированного двумя центрами застройки. Не исключено, что совокупность этих сведений, дошедших до Старбона и Тита Ливия много лет спустя, и вызвала определённые противоречия их текстов с современными археологическими реалиями, или же эти последние требуют уточнения.

Так или иначе, нельзя преуменьшать роль «варварского» элемента в истории греческого Эмпориона. Традиционно он вообще считался «городом без территории» основой деятельности которого была торговля [Martin

1973: 99], что сложно представить для классического греческого полиса. Позднее исследования Р. Планы Маллар, связанные с изучением кадастра, были направлены на выявление «хоры» Эмпориона [Plana-Mallart 1994: 112], но и их результаты неоднозначны. Судя по всему, в случае с Эмпорионом, мы действительно видим образец колонии-посредника, определённого греко-варварского «симбиоза», добившегося успеха в основном за счёт торговой деятельности. [Léveque 1992: 387].

Библиография:

- КОРОТКИХ Л.М.: Фокейская колонизация Испании, Эмпорион. Диссертация на соискания ученой степени кандидата исторических наук. — Л., 1983.
- СУПРЕНКОВ А.А. Эмпорион: греко-варварский симбиоз на крайнем западе эллинского мира. Проблемы истории, филологии, культуры. — Москва-Магнитогорск-Новосибирск, 2011 г. № 4. С. 337-358.
- ALMAGRO M. Ampurias. Histoire de la cité et guide des fouilles. — Barcelona, 1958.
- AQUILUÉ X. Cent anys d'exavaciones archeologiques a Empúries. Annals de l'institut d'Estudis Empordanesos. — Girona, 2008. V. 39. PP. 15-39.
- LEVÈQUE P. 1992: Les populations indigènes de la Gaule et les grecs // EM. — Marseille, 1992. № 3. PP. 383-288.
- MARCET R. SANMARTI E. Empúries. — Barcelona, 1990.
- MARTIN R. Rapports entre les structures urbaines et les modes de division de l'exploitation du territoire // Problèmes de la terre en Grèce ancienne. — Narbonne, 1973. PP. 97-112.
- MARTIN A. CODINA F., PLANA R., PRADO DE G. La site ibérique d'Ullaštret (Baix Emporda, Catalogne) et son rapport avec le monde colonial méditerranéen // BiAMA. — Aix-en-Provence, 2010. № 3. PP. 89-104.
- PENA M.-J. Le problème de la supposée ville indigène à côté d'Emporion. Nouvelles hypothèses // DHA — Bezançon, 1985. Volume 11, no 1. PP. 69-83.
- PLANA MALLART R. La chora d'Emporion, Paysage et structures agraires dans le nord-est catalan à la période pré-romain. Paris, 1994.
- ROUILLARD P. Les grecs et le Péninsule Ibérique du VIII au III siècles avant Jésus-Christ // PP. — Paris, 1991. T 21.

Список сокращений:

Biama — Bibliothèque d'Archéologie Méditerranéenne et africaine

EM — Etudes Massaliètes

PP — Publications du Centre Pierre Paris

Туровский Е. Я.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ХЕРСОНЕСА КОНЕЦ V в. ДО н.э. – НАЧАЛО III в. ДО н.э. (ПО ДАННЫМ НУМИЗМАТИКИ)

Turovskiy E.

Economic and Political Relations of Chersonesos
The End of the 5th c. BC. — the Beginning of the III Century BC.
(According to the Numismatics Data)

Нумизматика античного Херсонеса — важнейший источник по различным областям культурной, экономической и политической жизни этого полиса. Предполагаем рассмотреть в основном два аспекта монетного дела Херсонеса, которые указывают на направления международных связей. Первый аспект связан с использованием тех или иных монетно-весовых систем; которые указывали на направления торговой активности херсонесских купцов. Второй — с употреблением тех или иных монетных типов, среди которых были как оригинальные херсонесские сюжеты, так и типы, заимствованные из монетного дела других греческих государств. Все эти заимствования, как правило, опосредованно указывают на определенные взаимодействия между государствами.

Начнем с первых выпусков херсонесских монет. Здесь следует подчеркнуть, что выпуск монеты в Херсонесе начинается достаточно рано практически одновременно с его метрополией Гераклеей Понтийской в рамках последней четверти V в. до н.э. Первые серии херсонесского серебра и первые выпуски меди (начало IV в. до н.э.) имели один и тот же оригинальный монетный тип (Рис. 1;1a): л.с. голова Девы в кекрифале влево; об.с. имя города, рыба, палица [Туровский, Горбатов 2013: 9, табл. 1, № 1-13]. Лицевая сторона монеты ближе всего

к монетам тогда еще независимого Нимфея (Рис. 1;1б), а также Синопы и Лариссы [Коваленко 1999: 112,113].

Со второй серии херсонесского серебра, а также примерно синхронных им серий городской меди монетные типы начинают меняться от выпуска к выпуску, от номинала к номиналу. Тогда же уже во второй серии серебра появляется и первые явно заимствованные типы (Рис. 1;2а). А.Л. Бертье-Делагард полагал, что тип лицевой стороны серебра 2-й серии (голова богини в $\frac{3}{4}$ влево) заимствован с монет Лариссы [Бертье-Делагард 1906: 9, 215-218]. Монеты обеих полисов действительно очень похожи (Рис. 1;2б). Тип оборотной стороны взят из монетного дела Гераклеи — бодающий бык на палице. Объединяет монетное дело двух родственных полисов и использование общих монетно-весовых систем — персидской, легкой персидской и родосской. Хотя, в целом, заимствование монетных типов из метрополии быком и ограничивается. Справедливости ради, следует отметить, что непонятно, где раньше появляются монеты с бодающим быком в Херсонесе или Гераклее [Коваленко 1999: 124,125; Анохин 2013: 215-218].

В первой половине IV в. до н.э. в Херсонесе выпускается два сорта крупной меди — обола и тетраخالка. В монетном типе обола на оборотной стороне все тот же бодающий бык, а на оборотной сидящая Дева с ланью, проверяющая стрелу (Рис. 1;3а). В основе этого сюжета, по мнению С.А. Коваленко, тип монеты персидского сатрапа Датама, на которой царь изображен сидящем на троне и проверяющим стрелу [Коваленко 1999: 128]. Датируется монета временем 369-365 гг. до н.э. (Рис. 1;3б), в те годы сатрап контролировал Синопу — город, который был крупнейшим торговым партнером Херсонеса, через него херсонеситы могли познакомиться и с монетами сатрапа. Тетраخالк дает пример полного заимствования монетного типа другого полиса (Рис. 1;4а), а именно Самоса (Рис. 1;4б).

В третьей четверти IV в. до н.э. в Херсонесе был осуществлен выпуск очень массовой серии медной монеты из двух номиналов. Младший номинал, по-видимому, с двух сторон имел заимствованные типы (Рис. 1;5б). Тип лицевой стороны: диморфная голова заимствован с серебряных монет Тенедоса (Рис. 1;5а). Связи Херсонеса с этим полисом подтверждает

надгробная стела с поэтической эпитафией: «Сыну воздвиг своему Лесханориду, эту гробницу отец, врач с Тенедоса Эвклес» [Антонова, Соломоник 1974: 94-104]. Обратная сторона представляет сцену терзания быка львом, это типичный сюжет на монетах малоазийских сатрапов (Рис. 1;5в).

Старший номинал серии (тетрахалк) имел тип: л.с. квадрига, которой управляет богиня Дева с факелом в вытянутой руке; об.с. обнаженный коленопреклоненный воин с круглым щитом и копьем (Рис. 1;6а). Что касается сюжета лицевой стороны, то при всем разнообразии изображений квадриг на монетах различных античных центров, похоже, что квадрига продукт творчества херсонесского резчика. Еще уверенней можно утверждать, что тип оборотной стороны полностью скопирован с электрового статера Кизика первой половины IV в. до н.э. (Рис. 1;6б).

Еще один пример заимствования дает серебро персидского веса последней четверти IV в. до н.э. Появление этой серии из двух номиналов весьма знаменательный эпизод в херсонесской нумизматике. Особенно интересен старший номинал тип: л.с. голова безбородого Геракла в львиной шкуре (влево и вправо); об.с. Дева, сидящая на троне со стрелой в руке (Рис. 2;1). Прототипом этой монеты стало серебро Александра Македонского, при этом, херсонесские резчики штемпелей творчески изменили тип оборотной стороны, посадив на трон не Зевса Олимпийского, а свою верховную богиню Деву. Показательно, что монеты серии очень редкие, что объясняет, то обстоятельство, что к концу IV в. до н.э. использование монет персидского веса прекращается повсеместно. Монеты были полностью изъяты из обращения [Туровский 2013: 162-165]. Можно уверенно утверждать, что Херсонес прекрасно ориентировался в экономической конъюнктуре, отсюда и выбор монетно-весовых систем для серебряной монеты.

В самом начале III в. до н.э. появляется новая серия херсонесского серебра почти тех же монетных типов, что и предыдущая серия, но уже в легкой персидской системе (Рис. 2;2). Параллельно ей выпускается еще одна серия херсонесского серебра, но уже в родосской весовой системе (Рис. 2;3). Прямые связи Херсонеса с Родосом подтверждается и проксенией родосца Тимагора сына Никагора (IOSPE, I2, 340), которая датируется III в. до н.э. [Соломоник 1990: № 2].

Таким образом, херсонесская нумизматика дает ценную информацию, которая наряду с данными иных категорий источников способствует реконструкции экономических, культурных и политических связей Херсонесского полиса.

Библиография:

АНОХИН В.А. Монеты Северного Причерноморья и царей Колхиды: Сб. — Киев: Издательский дом «Стилос», 2016. 280с.

АНТОНОВА И.А., СОЛОМОНИК Э.И. Надгобия врачей из античного Херсонеса // ВДИ. — М., 1974. № 1. С. 94-105.

БЕРТЬЕ-ДЕЛАГАРД А.Л. Несколько новых или малоизвестных монет Херсонеса // ЗООИД. — Одесса, 1906. Вып.26. С. 215-276.

КОВАЛЕНКО С.А. О монетном деле Херсонеса Таврического в позднеклассическую эпоху // НЭ. — М., 1999.Т.XVI. С. 108-131.

СОЛОМОНИК Э.И. Каменная летопись Херсонеса. — Симферополь, 1990.

ТУРОВСКИЙ Е.Я. О херсонесском серебре персидского веса последней четверти IV в. до н.э. // МАИАСК. — Севастополь-Тюмень, 2013. Вып.V. С. 162-165.

ТУРОВСКИЙ Е.Я., ГОРБАТОВ В.М. Монеты античного и средневекового Херсонеса: каталог-определитель. — Симферополь, 2013. 160с.

Список сокращений:

ВДИ — Вестник древней истории

ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей

МАИАСК — Материалы по Археологии и Истории Античного и Средневекового Крыма

НЭ — Нумизматика и эпиграфика

IOSPE — Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini

л.с. — лицевая сторона

об.с. — оборотная стороны

Тюрин М.И., Филиппенко А.А., Макаев И.И.

СРЕДИЗЕМНОМОРСКИЙ ПОЗДНЕЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЙ АМФОРНЫЙ ИМПОРТ В НИЖНЕМ ТЕЧЕНИИ р. БЕЛЬБЕК (КРАТКИЙ ОБЗОР)*

Tiurin M., Filippenko A., Makaev I.

Mediterranean Late Hellenistic Amphora Import in the Lower Reaches of the River Belbek (Short Review)

До сих пор крупные комплексы позднеэллинистической амфорной тары в Западной Таврике были известны на городищах Херсонеса, Кара-Тобе, Керменчик-Неаполь, усадьбе Большой Кастель. Теперь этот ряд можно дополнить памятниками нижнего течения р. Бельбек, где обширно представлен амфорный материал II-I вв. до н.э. как причерноморского, так и средиземноморского происхождения.

Археологические исследования последних лет позволяют существенно уточнить археологическую карту херсонесско-варварского пограничья Юго-Западного Крыма. Среди вновь исследованных памятников выделяется античное укрепление Масляная гора, поздний горизонт которого относится к митридатовскому времени. Расположение объекта в нижнем течении р. Бельбек, на северной кромке массива Мекензиевых гор, обеспечивало контроль над путями сообщения Херсонеса и Крымской Скифии. К настоящему моменту исследовано около 35% территории укрепления. Форт окончил свое существование в результате пожара в первой поло-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-00-00563 (К) (18-00-00486) «Зарождение и ранняя эволюция сельского хозяйства в равнинном и предгорном Крыму. Экономические модели и адаптационные стратегии древнего населения к изменяющимся природным, социальным и политическим условиям».

вине I в. до н.э. Слой гибели объекта содержит обильные керамические завалы с множеством целых форм различных сосудов. Ряд варварских памятников античного времени открыт восточнее, в центральной части Мекензиевых гор, в районе балки Темной и Камышловского оврага. Среди них к позднеэллинистическому и раннеримскому периоду относятся неукрепленные поселения Биюк-Бурун, Сол-Кулак, а также одноименный могильник [Тюрин, Филиппенко 2017: 563]. Синхронность памятников и их топографически близкое расположение позволяют сопоставить ассортимент амфорного импорта, обнаруженного при их исследовании.

Косские амфоры Dressel 4 – самые многочисленные среди продукции средиземноморских центров, обнаруженных на укреплении Масляная гора (в настоящий момент можно говорить не менее, чем о пятнадцати целых сосудах и группах фрагментов). Они представлены двумя вариантами. Первый составляют сосуды с двустольными ручками, валикообразным венцом, цилиндрическим горлом, оканчивающимся снизу воротничком-уступом, яйцевидным туловом и желудевидной ножкой. Сосуды следует отнести к типу V косских амфор по классификации С.Ю. Монахова, большинство из них необходимо связать с вариантом V-B [Монахов 2014: 214, рис. 12]. Верхнюю часть одного из сосудов из раскопок 2013 г. С.Ю. Монахов отнес к варианту III-B и датировал 70-ми – 60-ми гг. III в. до н.э. [Монахов 2017: 116, АРЕ.П-Ks.4]. Обнаруженные в ходе последующих сезонов археологически целые формы с близкими морфологическими и линейными характеристиками позволяют и этот сосуд отнести к типу V. Цвет поверхности амфор варьируется от светло-бежевого до оливкового и коричневого («ангоб»). Единично встречены образцы клейм [Ефремов, Тюрин 2019: 176]. На верхние части тулов некоторых сосудов нанесены граффити, как правило, это личные имена в родительном падеже (например, Βάβα Μίρου; Σατύρου, [Χα]ρμίδου). На амфоре из раскопок 2017 г. присутствует граффити Καλανίων (Рис. 1:1). Фрагменты амфор этого же варианта массово обнаружены на поселении Биюк-Бурун (Рис. 1:2). На стенки некоторых из них также нанесены фрагментарно сохранившиеся граффити (Рис. 1:3, 4). Среди аналогий [см. Монахов 2014: 214] следует выделить амфоры из Антикитерского кораблекрушения, которое относится ко второй четверти I в. до н.э. [Kourkoumelis 2012: 213, 214, № 284, 286, 287].

Второй вариант косских амфор, встреченный на укреплении в единственном экземпляре (Рис. 1:5), отличается наличием кубаревидной архаичной ножки, напоминающей ножки варианта III-C [Монахов 2014: рис. 10]. В целом же по линейным размерам амфора близка упомянутым выше сосудам варианта V-B косской продукции. Нижняя часть сосуда зафиксирована *in situ* вкопанной в пол, в ней содержались обугленные остатки зерен овса (*Avena sativa*)¹.

Родосская тара (не менее 10 различных сосудов) имеет ключевое значение для датировки комплекса разрушения форта Масляная гора (Рис. 2:1, 3). Это сосуды «александрийского» варианта I-F по классификации С.Ю. Монахова [Монахов 2003: 120, табл. 84]. Все сосуды клейменные, выявлены следующие соответствия эпонимов и фабрикантов: Τετραγόρας 1 (ок. 124-122 гг. до н.э. [Finkielsztein 2001: 195]) – Σωσίκλης; Ἀρχίβιος (ок. 115 г. до н.э. [Finkielsztein 2001: 195]) – Φίλοστέφανος (Рис. 2:2); Ἀρχίβιος (?) – Σώταριος, Σωκράτης (VI подгруппа, 107-88/86 гг. до н.э. [Finkielsztein 2001: 196; Кац 2007: 421]) – Βόσπορος и Ἀριστόνυμος (?) (VIIa подгруппа, 85-40 гг. до н.э. [Кац 2007: 421]) – Δῶρος 2 (Рис. 2:1). Опираясь на определение клейма эпонима Ἀριστόνυμος², гибель укрепления следует относить ко времени после 85 г. до н.э. На трех амфорах имеются следы ремонта: расположенные парами сквозные отверстия, скрепленные свинцовыми скобами, свинцовая латка. Характерно, что это наиболее ранние из представленных в комплексе сосудов, содержащие клейма V хронологической группы, 20-х – 10-х гг. II в. до н.э. Среди единичных фрагментов родосских амфор на поселении Биюк-Бурун присутствует ручка с клеймом: Δώ[ρου] ← (RF-DWROS 02-021) (Рис. 2:2). Находка клейма фабриканта Δῶρος 2, работавшего весьма продолжительное время (в течение V – начала VIIa хронологической группы), еще раз подтверждает синхронность укрепления и поселения. Фрагменты родосских амфор обнаружены в грабительском отвале на могильнике Сол-Кулак. По всей видимости, здесь они использовались в качестве урн для кремаций.

¹ Определение выполнено И.Г. Чухиной (Всероссийский институт растениеводства, г. Санкт-Петербург).

² Приношу благодарность за помощь в определении этого и ряда других штампов Г. Канкардес-Шенол (Ege Üniversitesi, г. Измир, Турция).

Книдские амфоры из укрепления Масляная гора (всего 4 экземпляра) однотипны и принадлежат веретенообразному варианту II-G (по классификации С.Ю. Монахова) (Рис. 2:4). Сосуды имеют валикообразный венец, высокое горло, кубаревидную ножку с кольцевым налетом; симметрия тулова несколько нарушена. Ручки одной из амфор содержат клейма с именами магистрата Ἐροκλῆς (ок. 146-114 гг. до н.э. по Н.В. Ефремову)³ и фабриканта Μοσχίων.

Довольно редкой для Причерноморья являются находки амфор Dressel 24 similis (Рис. 3:1) с воронковидным горлом, пифоидным туловом и конической ножкой. Из комплекса пожара Масляной горы происходит один целый сосуд с клеймом Τῦμ(…) и фрагменты еще двух. Амфоры подобной морфологии относят к производству Хиоса и, возможно, Эрифр (наиболее близкая аналогия – амфора последней трети II в. до н.э. из раскопок г. Мареша на территории современного Израиля) [Orait, Tsaravopoulos 2011: 310, fig. 50]. Клейма, аналогичные найденным в слое разрушения Масляной горы (например, с монограммой Παρ(…) в круглом поле (Рис. 3:2)), известны на Хиосе [Tsaravopoulos, Orait, Fragou 2013: 119, 120, 124, fig. 41, 45]. Фрагментарно сохранилась верхняя часть морфологически близкой амфоры, вероятно, производства Эрифр. Коническая ножка (Рис. 3:4) и воронковидный венец (Рис. 3:3) хиосских (?) амфор позднеэллинистического – раннеримского времени найдены при разведках поселения Биюк-Бурун [ср. Orait, Tsaravopoulos 2011: 280, fig. 50]. Амфоры Dressel 24 и Dressel 24 similis использовались для транспортировки оливкового масла [Orait 2010: 157].

Отдельно следует отметить находки сосудов типа proto-Dressel 25 [Orait 2010: 155, pl. 90] или амфор «с высоким венчиком» [Внуков 2016: 113]. Почти полностью (край ножки, вероятно, был отбит еще в древности) удалось собрать одну из амфор (Рис. 3:5) с укрепления Масляная гора (второй экземпляр находится в реставрации). Сосуд характеризуют массивный отогнутый профилированный снизу ребрами и подрезами венец, цилиндрическое горло, пифоидное тулово, округлые в сечении ручки. Черепок оранжевый, с крупными белыми, красными, темными включениями. Фрагмент верхней

³ Выражаю признательность Н.В. Ефремову (Эрнст-Моритц-Арндт-Университет, г. Грайфсвальд, ФРГ) за консультацию.

части амфоры этого же типа с близкой профилировкой обнаружен на поселении Биюк-Бурун (Рис. 3:5). Фрагментарно подобные сосуды в Западной Таврике известны на городище Кара-Тобе [Внуков 2016: 113, 114, рис. 5, № 14 /440] и усадьбе Большой Кафель [Монахов 1999: табл. 238, 4]. Морфологически близкая тара изготовлялась в ряде центров (преимущественно на Пелопоннесе) для транспортировки оливкового масла [Orait 2010: 155].

Находки нескольких амфор с зерном *in situ* на укреплении Масляная гора являются определяющими для понимания функции сосудов на момент гибели объекта: большинство из них, очевидно, использовались вторично. В нашем случае срок использования тары подсчитывается благодаря развитой хронологии родосских клейм: наиболее ранние из них относятся к финалу Vb хронологической подгруппы, ко второй половине 20-х гг. II в. до н.э. Таким образом, если указанные выше датировки верны, самые ранние из четко датированных сосудов функционировали порядка четырех десятилетий.

Как правило, в античных центрах сосуды для транспортировки оливкового масла, к которым относится упомянутая выше пелопонесская, хиосская и эрифрская тара, утилизировались после употребления содержимого [Внуков 2015: 162]. Однако на укреплении Масляная гора эти амфоры, найденные в комплексе вместе с книдской, родосской, косской, гераклейской, синопской и колхидской тарой, очевидно, использовались вторично. При этом не исключено, что они могли попасть на объект, наполненные первоначальным товаром. Для поселения Биюк-Бурун можно предположить, что подобная тара попадала сюда по большей части уже в процессе вторичного использования.

Показательно, что на укреплении Масляная гора доля средиземноморских сосудов примерно равна или даже незначительно превышает долю причерноморской продукции. При этом, следовало бы ожидать сокращения количества тары из Эгеиды в условиях осложнения товарообмена со Средиземноморьем после начала конфликтов Митридата VI с Республикой. В определенной мере это и наблюдается в виде постепенного спада количества родосских штампов. Не исключено, что представленная в составе комплекса понтийская тара в общей массе несколько моложе

средиземноморской. На наш взгляд, длительность вторичного использования тары эгейских центров была обусловлена ее значительно большим по сравнению с понтийскими сосудами объемом, что отвечало их новой функции – хранению зерновых.

Библиография:

- ВНУКОВ С.Ю. Продолжительность использования античных винных амфор // КСИА. 2015. С. 161-168.
- ВНУКОВ С.Ю. Позднеэллинистические амфоры городища Кара-Тобе в Крыму // ДБ. Вып. 20. 2016. С. 90-121.
- ЕФРЕМОВ Н.В., ТЮРИН М.И. Новые клейма Синопы, Коса и Книда из раскопок на укреплении Масляная гора// БЧ. 2019. Вып. XX. С. 174-180.
- КАЦ В.И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) // БИ. 2007. Вып. XVII.
- МОНАХОВ С.Ю. Греческие амфоры. Комплексы керамической тары. — Саратов, 1999.
- МОНАХОВ С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель. — М., Саратов, 2003.
- МОНАХОВ С.Ю. Косские и псевдокосские амфоры и клейма // Stratum plus. 2014. № 3. С. 195-222.
- ТЮРИН М. И., ФИЛИППЕНКО А.А. Варварское пограничье Херсонеса в позднеэллинистическое время: предметы импорта из разведок 2014-2016 гг.// БЧ. 2017. Вып. XVIII. С. 563-570.
- FINKIELSZTEJN G. Chronologie détaillée et révisée des éponymes amphoriques rhodiens de 270 à 108 av. J.-C. environ. — Oxford, 2001.
- KOURKOUMELIS D. Transport Amphorae// The Antikythera Shipwreck: the ship, the treasures, the mechanism (Eds. N. Kaltsas, E. Vlachogianni, P. Bouyia). — Athens, 2012. P. 208-2015.
- ОПАИТ А. Aspects of the provisioning of the Pontic settlements with olive oil in the Hellenistic and early Roman periods // Patabs I. Production and Trade of amphorae in the Black Sea. 2010. P. 153-158.
- ОПАИТ А., TSARAVOPOULOS A. Amphorae of Dressel 24 similis type in the Central Aegean Area (Chios-Erythrai-Kyme)// The Annual of the British School at Athens. 2011. Vol. 106 (1). P. 275-323.
- TSARAVOPOULOS A., ОПАИТ А., FRAGOU G. Stamps on Amphorae and Lagynoi Handles from the Island of Chios // PATABS III, Production and Trade of Amphorae in the Black Sea (Ed.L. Buzoianu — P. Dupont — V. Lungu). — Constanța, 2013. P.105-144.

Иллюстрации к статье

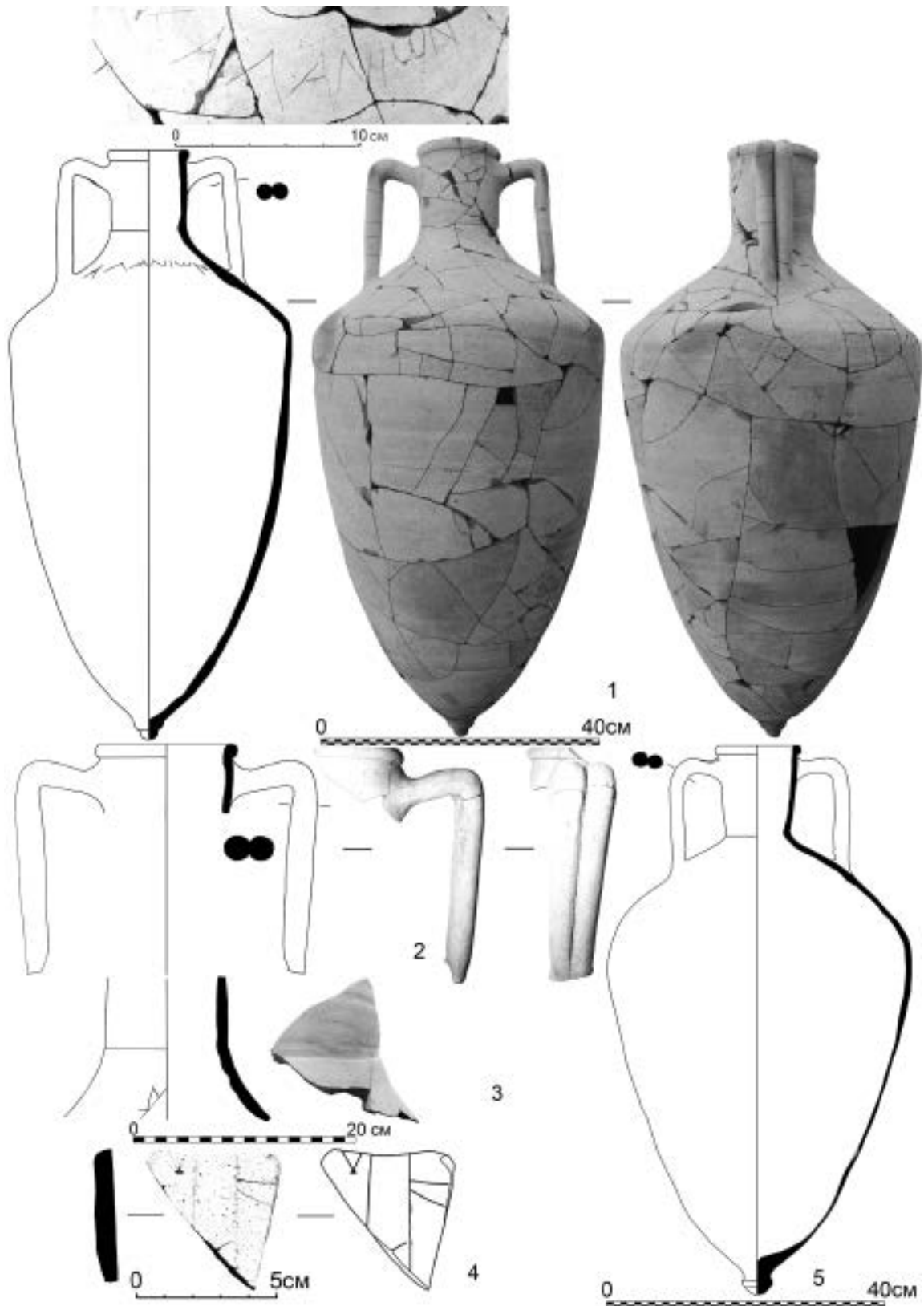

Рис. 1. Косская тара из укрепления Масляная гора (1, 5) и поселения Бююк-Бурун (2—4).

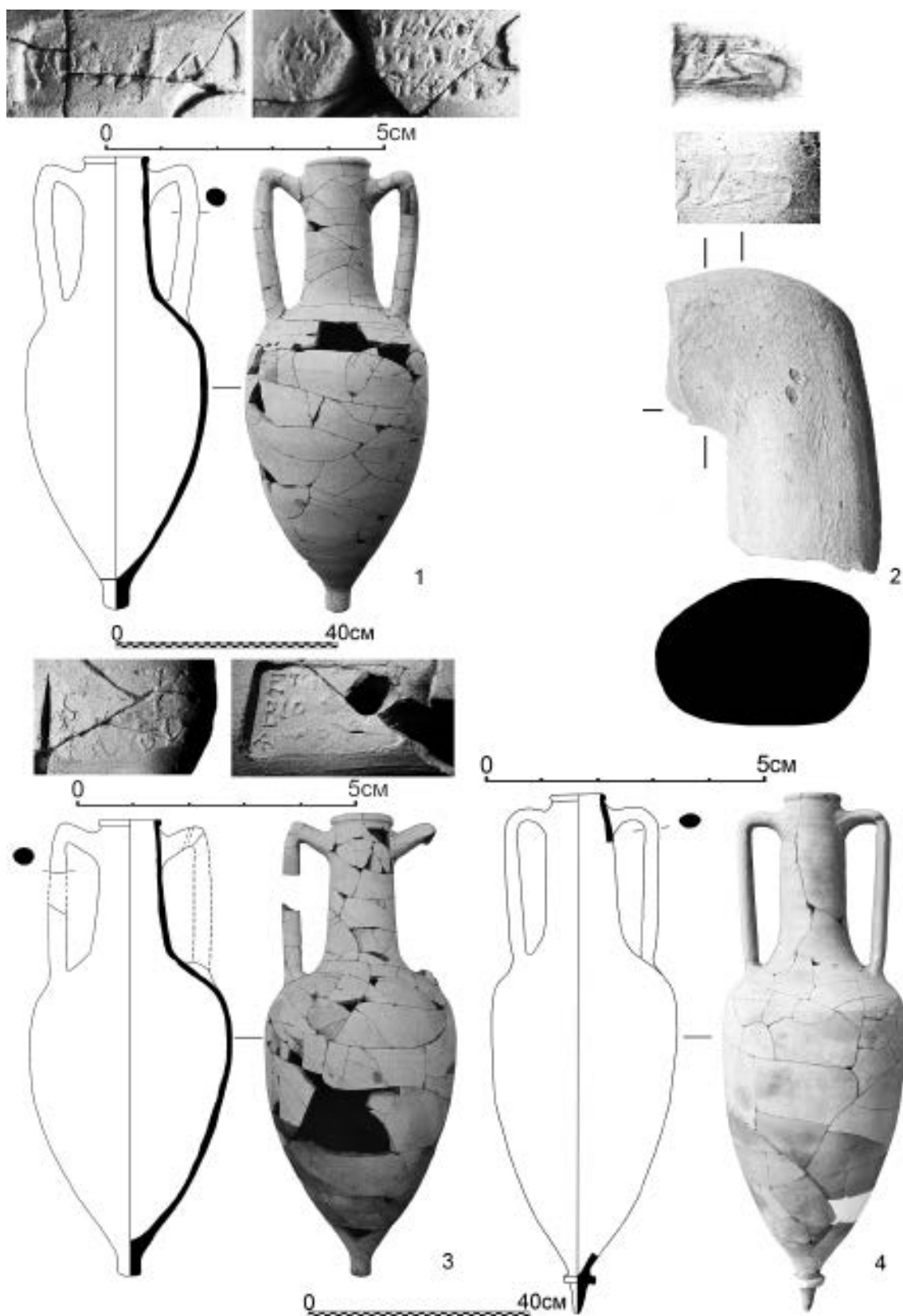

Рис. 2. Родосская (2, 3) и кидская (4) амфорная тара из укрепления Масляная гора (1, 3, 4) и поселения Бюк-Бурун (2).

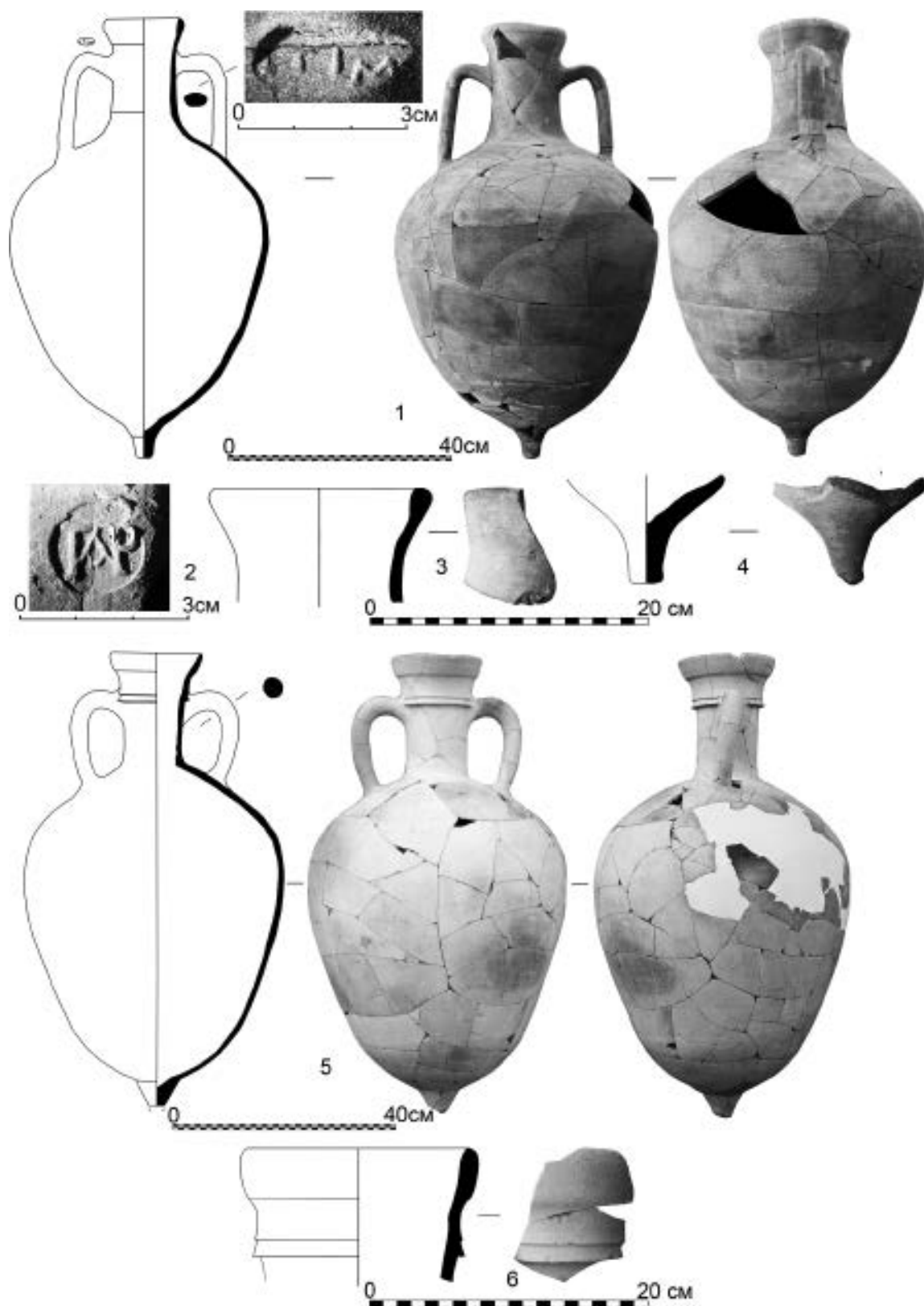

Рис. 3. Хиосская (?) (1—4) и пелопонесская (?) (5, 6) амфорная тара из укрепления Масляная гора (1, 2, 5) и поселения Бююк-Бурун (3, 4, 6).

Ушаков С. В.

БАЗИЛИКА «КРУЗЕ» В ХЕРСОНЕСЕ В КОНТЕКСТЕ РАННЕХРИСТИАНСКИХ ПАМЯТНИКОВ ВОСТОЧНОГО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ

Ushakov S.

«Cruze» Basilica in Chersonese
in the Context of Early Christian Monuments
of the Eastern Mediterranean

Мы неуклонно приближаемся к 200-летию начала раскопок Херсонеса...

Кроме того, 1827 г. – это начало раскопок базилики «Крузе» (рис. 1А), а потом и других раннехристианских памятников позднеантичной – ранневизантийской эпохи.

Краткая история исследования. К этому памятнику в дореволюционное время кроме плантера К. Крузе успел обратиться самый известный раскопщик Херсонеса К. К. Косцюшко-Валюжинич (Императорская археологическая комиссия), который провёл на базилике небольшие раскопки и составил отчёт об этих работах (Косцюшко-Валюжинич, 1891).

В ряду других храмов она появляется (как очень краткое описание) в 1905 г. в книге Д. В. Айналова «Развалины храмов (Памятники христианского Херсонеса)» (М., 1905, с. 67-70).

Базилика «Крузе» оказалась отмечена (с кратким описанием) в классической работе А. Л. Якобсона «Раннесредневековый Херсонес» [1959: 188-190, рис. 91], где также был помещён её новый план. А. Л. Якобсон в качестве аналогов привёл многочисленные примеры памятников Восточного Средиземноморья, а также Италии и Балкан, не сомневаясь в её сирийских прототипах V в. [Якобсон 1959: 190].

К археологическим исследованиям базилики удалось приступить только в 1998 г., когда в ходе работ совместного украинско-австрийского

Проекта она была расчищена от накопившегося мусора и камней и был заложен один раскоп в районе правого плеча храма, где была найдена могила с костяками погребённых [Золотарёв, Коробков, Ушаков, Пиленгер, Пюльц 1998]. Краткая история изучения базилики описана в отдельной небольшой статье М.И. Золотарёва [2001]. Также этот памятник нашёл своё отражение в двух обобщающих работах – монографиях А.И. Романчук [2000: 65, 222] и С.Б. Сорочана [2005; 2013: 53-58].

Общая типологическая схема памятника – с тремя нефами, нартексом, полукруглой центральной апсидой (рис. 1Б) (диаметр – 9,2 м) кажется типичной. Но размеры по наружному контуру – ширина (17,7 м) оказалась почти равной его длине (24,4 м; без апсид – 14,5 м). Массивные стены: наружные шириной около 1,2 м, внутренняя стена нартекса и основание под колоннаду – 0,8-0,9 м, дополнительные боковые апсиды (конхи, диаметром по 4 м) являются почти уникальными. Храм выстроен на выровненной скале, и занял часть жилого квартала, как бы «отодвинутого» внутрь городской застройки. От неё он был огорожен массивной стеной (сохранился мощный фундамент). Кроме того, в ходе раскопок нами было обнаружено, что с внешней стороны базилики к её левому «плечу» было пристроено квадратное помещение, где у северо-западной стены обнаружено каменное основание стола. Фундамент внешней стены правого нефа был опущен строителями до самой материковой скалы (глубиной более 1,5 м). Храм имел два входа – центральный и левый боковой (правый не мог быть устроен из-за крутого падения скалы в этом месте). Боковые нефы (ширина северного составляла около 2,5 м, а южного – 2,2 м) отделялись от центрального (длина 10,7 м, ширина 8,1 м) колоннадой из трёх массивных колон (сохранились их основания). Полы нефов были выложены мраморными квадратными плитами, сохранившиеся фрагментарно).

Под полом узкого нартекса (внутренняя ширина – около 2 м) были устроены 8 могил, сооружённых, судя по материалу из её засыпи, одновременно с сооружением храма. Ещё одиннадцать могил К.К. Косцюшко-Валюжинич обнаружил под полами и возле храма. В ходе наших работ с 2005 г. мы открыли ещё 19 погребений, в том числе и под полом пра-

вого (южного) нефа [Ушаков, Данилова, Дорошко 2015]. Почти все они были устроены в XII-XIII вв. как кладбище на месте уже не функционирующей базилики.

Хронология памятника. Учитывая конструктивные особенности храма и опираясь на ближневосточные (сирийские) аналоги, А.Л. Якобсон, как отмечалось, относил время его сооружения к V в. [Якобсон 1959: 190]. С.Б. Сорочан обратил внимание на конструктивные особенности (литургическое устройство) храма, считая, что они характерны для конца VI – первой половины VII, когда в ходе «строительного бума» в Херсоне и были возведены основные базилики, в том числе и «Крузе» [Сорочан 2013: 42 и сл.]. Кроме того, с его точки зрения керамические находки (краснолаковая керамика) из раскопок храма укладываются в обозначенные выше границы «бума». Главная апсида с синтроном являлась пресвитерием, боковые экседры могли служить диаконником и професисом – местом для приношений и одновременно местом отхода процессии Большого Выхода [Сорочан 2011: 70] с последней трети VI в.

Анализ детальной хронологии строительства херсонесских раннехристианских храмов (по археологическим данным) крайне затруднён, так как почти все они были открыты в дореволюционное время без должной фиксации строительных остатков и археологических материалов. Однако внимательное рассмотрение историографии и полученных данных позволяет заключить, что их хронологию выстроить всё-таки можно. Резюмируем её итоги. Храмы, которые, как можно предполагать, были построены ещё в IV в., не сохранились; к концу IV-V вв. относится «базилика I» из комплекса «базилики 1935 г.», а также, возможно, здания, бывшие на месте Уваровской и Западной базилик. Можно предполагать, что и на месте «базилики Крузе» существовал ранний храм (в засыпи цистерны под полом центрального нефа обнаружена смальта). Около середины/начала второй половины следующего, VI в. возводится собственно базилика «Крузе», а ближе к концу этого или в начале следующего столетия – базилики Западная, Уваровская и Восточная, а также «базилика II» комплекса базилики 1935 г. [Ушаков 2020: 44]. Самое главное, внимательный анализ обильных археологических и нумизматических находок из раскопок базилики «Кру-

зе» (комплексы цистерн и насыпи под его полами) не оставляют никакого сомнения, что храм был построен в эпоху императора Юстиниана I, скорее всего, около середины VI в. [Ушаков 2017: 195].

При этом рассмотрение *конструктивных особенностей* базилики не подтверждает её «сирийское» происхождение. Планы храмов с подобными апсидами многочисленны, среди них церковные сооружения не только Сирии, Палестине, а также Италии, Северной Африке, Балкана (рис. 2) (Завадская 2001: 266-267, табл. IX, 3, 4; X, 1-7]. Наиболее близким Херсонесскому храму № 7 – базилике «Крузе» по планировке и основным пропорциям являются храмы в Симе на Балканах и св. Лоренцо в Италии (рис. 2, 3,6). В качестве вывода можно сделать заключение, что базилика «Крузе» была построена, вероятнее всего, под влияниями европейской или североафриканской (Александрийской) архитектурной традиции, а не сирийской, как это утверждалось ранее [Ушаков, Моор, Снитко 2010].

Библиография:

- АЙНАЛОВ Д.В. Развалины храмов. (Памятники христианского Херсонеса). — М., 1905. Вып. 1.
- ЗАВАДСКАЯ И.А. О происхождении христианской архитектуры ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII. С. 261-289.
- ЗОЛОТАРЕВ М.И. К истории исследования так называемой «Базилики Крузе» (Базилика № 7) // Проблемы религии стран Черноморско-Средиземноморского региона. — Севастополь-Краков, 2001. С. 144-148.
- ЗОЛОТАРЕВ М.И., КОРОБКОВ Д.Ю., УШАКОВ С.В., ПИЛЕНГЕР Р., ПЮЛЬЦ А., Раскопки т. н. «Базилики Крузе» в Херсонесе (Украинско-австрийский проект) // ХСБ. 2003. № XII. С. 229-247.
- КОСЦЮШКО-ВАЛЮЖИНИЧ К.К. Отчет за 1891 год // Архив ГИАМЗ «ХТ». Д. 2.
- РОМАНЧУК А.И. Очерки истории и археологии византийского Херсона. — Екатеринбург, 2000.
- СОРОЧАН С.Б. Византийский Херсон (вторая половина VI — первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. — Харьков—Москва, 2013. Часть II.
- СОРОЧАН С.Б. Еще раз о базилике Крузе в византийском Херсоне // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. 2011. № 965: Сер. Історія. Вип. 43. С. 67-70.
- УШАКОВ С.В. О времени строительства базилики «Крузе» в Херсонесе: археологические данные // Археологические вести. Вып. 23. 2017. С. 176-197.

УШАКОВ С.В. Когда были построены первые базилики Херсонеса? (О некоторых возможностях историографического анализа) // Москва — Севастополь: Архивно-краеведческий альманах. Выпуск 2. — М., 2020. С. 29-43.

УШАКОВ С.В., ДАНИЛОВА С.А., ДОРОШКО В.В. Средневековый некрополь на территории базилики «Крузе» в Херсонесе // История и археология Крыма. Вып. II. — Симферополь, 2015. С. 400-427, 633-635.

УШАКОВ С.В., МООР В.В., СНИТКО И.А. Базилика «Крузе»: строительные остатки, строительная история и архитектурно-планировочная схема // Материалы научной конференции «Ломоносовские чтения» 2010 года и Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2010». — Севастополь, 2010. С. 143-146.

ЯКОБСОН А.Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. 1959. № 63.

Иллюстрации к статье

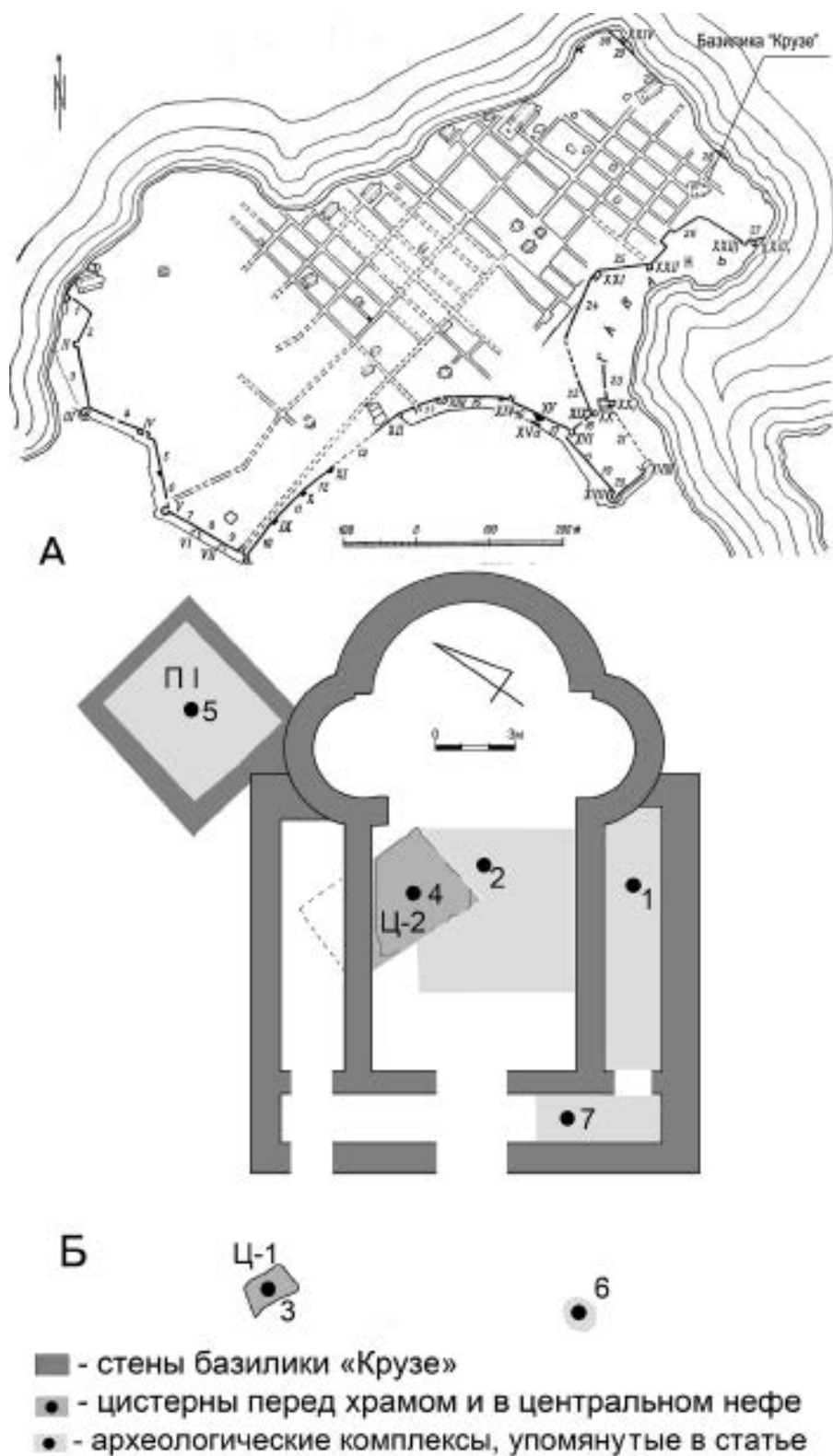
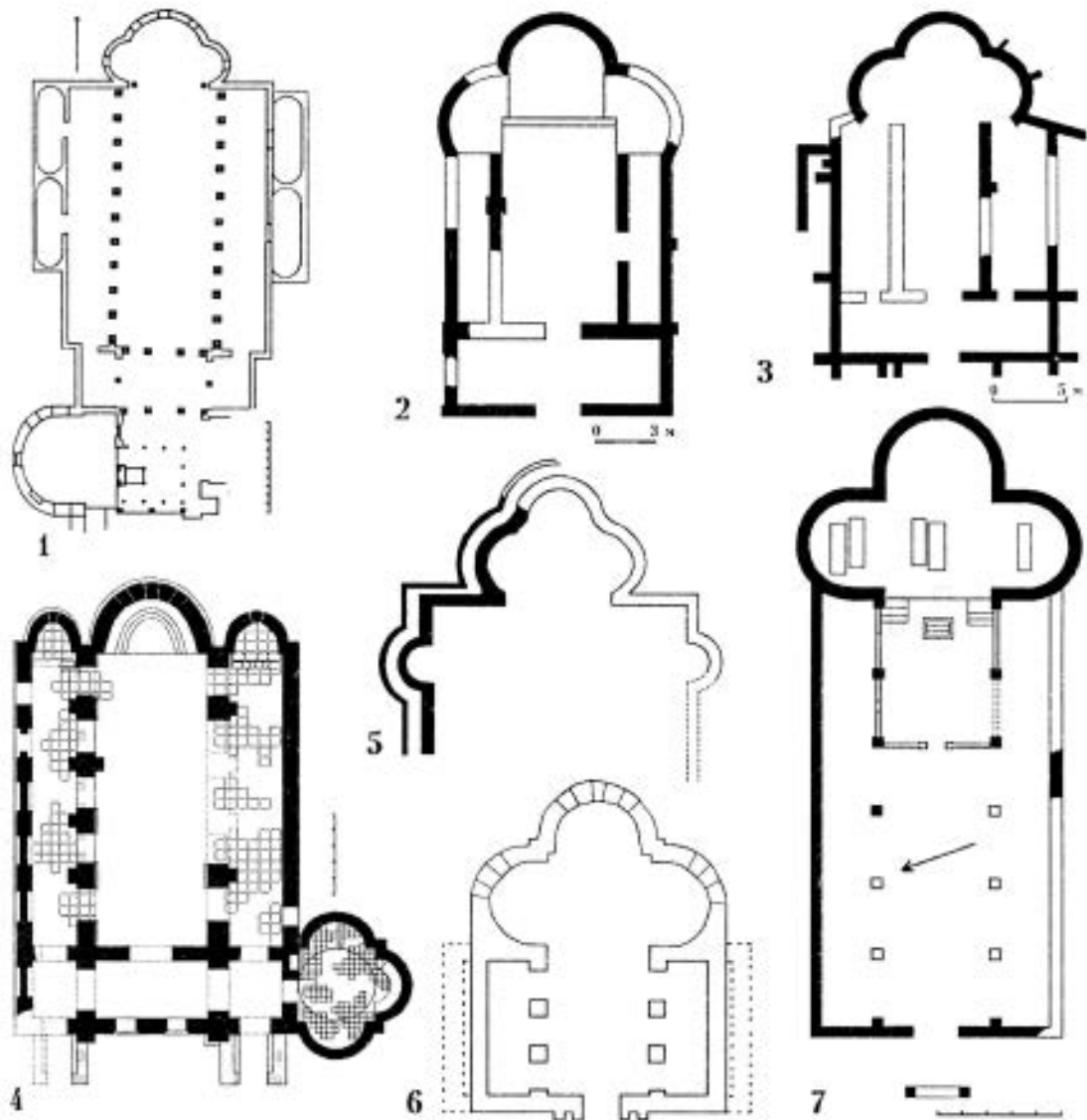

Рис. 1. А — схематический план Херсонеса (по А.Л. Якобсону) с указанием места расположения базилики «Крузе»; Б — план базилики «Крузе» с открытыми археологическими комплексами.

Храмы с триконхиальной апсидой.

- 1 - Симитиль (Италия), V в. [77, pl. XLII,4]; 2 - Залозье II, V-VI вв.
 3 - Сим, вторая половина V - первая половина VI в.
 4 - Белово, VI в. [94, fig. 2]; 5 - Пави (Италия), конец VI - VII в.
 6 - храм св.Лоренцо (Италия)
 7 - Хербер бу Хадеф (Северная Африка)

Рис. 2. Храмы с триконхиальной апсидой (по И.А. Завадской).

Хапаев В. В., Глушич А. М.

ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ О РОЛИ РУСИЕВ И ЛЕВКОВ В СПОРТИВНОЙ ЖИЗНИ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Нараев V., Glushich A.

Written Sources on the Issue of Rousioi's and Leukoi's Participation in the Byzantine Empire Sports Life

Отечественная историография при изучении истории спорта в Византийской империи первостепенное внимание уделяет проблемам, связанным с ролью так называемых партий ипподрома. Этой теме посвящены труды Ф.И. Успенского [Успенский 1894], А.П. Дьяконова [Дьяконов 1945], М.В. Левченко [Левченко 1947] и А.А. Чекаловой [Чекалова 1982]. Зарубежные авторы, особенно на современном этапе, акцентировали больше внимания на соревновательных аспектах спортивной жизни Византии [Shrodt 1981], [Giatsis 2000], [Wolinska 2011]. Но отечественную и зарубежную историографическую традицию объединяет одна общая черта: все внимание исследователей обращено на две крупнейшие партии – венетов (голубых) и прасинов (зеленых). Русии (красные) и левки (белые) остаются вне поля зрения.

Деление спортивных команд и их болельщиков на четыре «партии», обозначающиеся цветом, восходит к временам Древнего Рима. Вероятно, русии и левки появились даже раньше венетов и прасинов [Успенский 1894: 1-2].

Византийские историки, описывая социальную и спортивную жизнь, связанную с деятельностью партий, говорят лишь о двух главных партиях империи – прасинах и венетах. Например, Феофилакт Симокатта пишет, что император Маврикий, опасаясь восстания Фоки и желая опереться на силы партий, приказал димархам (партийным лидерам) предоставить ему список членов этих организаций. Димарх Сергей «подал ему запи-

санный на листе список сторонников Зеленых в числе тысячи пятисот, Косьма же насчитал из противоположной партии девятьсот». Симокатта подчеркивает, что «весь ромейский народ делился на сторонников этих двух цветов» [Симокатта 1957: 182].

Симпатии императоров также находились на стороне одной из «больших» партий. Например, Феодосий II был страстным поклонником прасинов. Он распорядился пересадить их по левую руку от себя, так как эти места считались более почетными. Позже император распорядился установить такой же порядок рассадки на всех ипподромах империи [Малала 2014: 60]. О симпатии кого-либо из императоров к левкам сведений нет совсем, а пристрастие к русиям испытывал лишь Анастасий I. Об этом сообщает Иоанн Малала: «Этот император поддерживал факцию красных в Константинополе и принимал меры против зеленых и голубых всюду, когда они устраивали беспорядки». Более того, император намеренно притеснял прасинов: «Во время его правления сторонники зеленых в Константинополе обратились к императору, в то время когда происходили заезды колесниц, прося освободить некоторых людей, которые были арестованы префектом города за метание камней. Император не уступил им, но рассердился и приказал войскам напасть на них, вследствие чего произошло большое расстройство» [Малала 2014: 97]. Видимо, предпочтения Анастасия были вызваны не спортивной страстью; он лишь стремился дистанцироваться от обоих влиятельных лагерей болельщиков, которые своими бесчинствами создавали проблемы для власти.

Несмотря на свою «малозаметность», русии и левки продолжали существовать веками, и вскользь неоднократно упоминались в источниках, хотя и вне связи с политическими событиями, в отличие от венетов и прасинов, которые представлены в источниках часто, а порой и зловеще.

Ответ на вопрос, для чего нужны были русии и левки, и почему они оказались в тени, содержится в относительно позднем источнике – написанном в середине X века трактате «De Ceremoniis Aulae Byzantinæ» (рус. «О церемониях византийского двора»), иначе называемом также «Книгой церемоний» [Constantine Porphyrogenetos 2012]. Она была составлена для императора Константина VII Багрянородного (и, вероятно, под его ру-

ководством) и представляет собой сборник, описывающий в мельчайших деталях порядок проведения всех важнейших придворных ритуалов. Обширная глава посвящена Ипподрому. Именно она проливает свет на роль партий красных и белых в спортивной жизни Византии.

Для понимания сути спортивной организации империи следует обозначить разницу между понятиями, в историографии нередко отождествляемыми – «димы» и «факции».

Димы – это масштабные объединения болельщиков, то есть всех людей, который поддерживают ту или иную сторону. Димов в Византии было не четыре, как принято считать в отечественной историографии, а два – венеты и прасины.

Факция – это спортивный клуб, объединяющий возничих, работников партий и узкий круг приближенных к спортивному состязанию. Факций действительно было четыре, причем каждый из «старших» димов покровительствовал одной из младших факций. Венеты покровительствовали не только своей факции, но и левкам; прасины поддерживали не только одноименную команду, но и русиев [Constantine Porphyrogenetos 2012: 828].

Это покровительство отразилось на классификации возничих ипподрома. Существовало три класса профессиональных спортсменов-колесничих.

1. Бигарии (hoi bigarioi, букв. «возничие биг»), колесниц, запряженных двумя лошадьми) были самой многочисленной группой. Они исполняли роль дублеров более маститых возничих в случае их травмы или болезни [Constantine Porphyrogenetos 2012: 827].

2. Микропаниты – спортсмены, выступавшие за факции Белых и Красных.

3. Факционарии – возницы двух главных факций, прасинов и венетов, наиболее элитарная категория [Constantine Porphyrogenetos 2012: 832-833]. Каждая партия имела либо одного факционария (прасины и венеты), либо одного микропанита (левки и русии). То есть спортсменов, принадлежавших к двум элитным категориям, было четверо на весь Константинополь.

В «Книге церемоний» микропаниты иногда именуется «заместителями факционариев». Таким образом подчеркивается, что факции левков

и русиев были фарм-клубами двух сильнейших спортивных объединений [Constantine Porphyrogenetos 2012: 327-329].

Несмотря на подчиненный статус, у русиев и левков были свои преданные болельщики, которым были выделены отдельные трибуны на ипподроме. Но в данном случае речь идет о поддержке партии не как политической организации, а лишь ее возникших. По данным «Книги церемоний» болельщики голубых, во время выезда возниц, приветствовали и возникшего белых, а зеленые – возникшего красных [Constantine Porphyrogenetos 2012: 310-311].

Таким образом, факции прасинов и венетов были столь популярны, что объединяли своих членов в масштабные димы, игравшие значительную роль в церемониальной, социальной и политической жизни империи (особенно в ранневизантийский период). Роль левков и русиев со времен Древнего Рима не изменилась. Она ограничивалась исключительно спортивной сферой жизни: подготовкой возникших, «обкаткой» будущих кандидатов в факционарию и сохранением самим их участием в гонках многовековых спортивных традиций римских конных ристаний.

Библиография:

ДЬЯКОНОВ А.П. Византийские димы и факции (τα μέρη) в V-VII вв. // Византийский сборник. — М. — Л., 1945. — С. 144-227.

ИОАНН МАЛАЛА. Хронография. Книги XIII-XVIII // Мир поздней античности. Документы и материалы — Белгород, 2014. — 200 с.

ЛЕВЧЕНКО М.В. Венеты и прасины в Византии V-VII вв. // Византийский временник. — 1947. — Т. 1. — С. 164-183.

УСПЕНСКИЙ Ф.И. Партии цирка и димы в Константинополе. // Византийский временник. — Санкт-Петербург, 1894. — Т. 1. — С. 1-16.

ФЕОФИЛАКТ СИМОКАТТА. История / Отв. редактор Н.В. Пигулевская. М.: Издательство Академии наук СССР, 1957. — 224 с.

ЧЕКАЛОВА А. А. К вопросу о димах в ранней Византии // Византийские очерки: труды советских ученых к XVI Междунар. конгрессу византинистов / АН СССР, Ин-т всеобщей истории; отв. ред. З.В. Удальцова. — М.: Наука, 1982. — С. 37-53.

CONSTANTINE PORPHYROGENNETOS. The Book of Ceremonies, in 2 volumes. Vol. 1-2. — Canberra: Australian Association for Byzantine Studies Byzantina Australiensia, 2012. — 870 p.

GIATSI S.G. The organization of chariot racing in the great hippodrome of byzantine Constantinople // The International Journal of the History of Sport. — 2000. — 17:1. — P. 36-68.

SCHRODT B. Sports in the Byzantine Empire // Journal Of Sport History. — 1981. — Vol. 8. — No. 3. — P. 40-59.

10.WOLINSKA T. Constantinopolitan Charioteers and Their Supporters. — Łódź: Studia Ceranea 1, 2011. — P. 127-142.

Чернышева М. И.

ДРЕВНЕСЛАВЯНСКОЕ «ЖИТИЕ ХЕРСОНСКИХ СВЯТЫХ»*

Chernysheva M.

Ancient Slavic «Life of Kherson Saints»

Больше десяти лет назад по просьбе С.А. Беляева было проведено исследование «Жития Херсонских (Херсонесских) святых» (**Житиѣ и страсть стѣиныхъ оцѣ и епискоупъ вывѣшиихъ Василѣа Капитона мчченыхъ въ Херсонѣ**) с лингвистической точки зрения. Результаты были опубликованы в статье [Чернышева 2009: 118-138], где показан анализ двух сохранившихся текстов «Жития» – в составе старославянской Супрасльской рукописи (сер. XI в.) [Супр.] (далее: С) и в мартовском томе древнерусских Великих Миней Четий митрополита Макария XVI в. [ВМЧ, Март] (далее: М) – с привлечением сохранившего греческого текста XI в. из собрания Московской Синодальной библиотеки № 376.

Известный [ВНГ I: 95] и несколько раз переиздававший греческий текст (например: [Серафимов 1868; Латышев 1906: 58-62; Могаричев и др. 2012: 21-25] и др.) значительно отличается от двух славянских версий Жития. По этой же причине для осуществления нашей работы пришлось прибегнуть к реконструкции отдельных пассажей, по предположению, воссоздающих соответствующую лексику греческого протооригинала. Проведенный анализ позволил сделать ряд выводов: «в С и М представлены два разных раннеславянских перевода, примерно одинаковой древности, связанные с Преславской школой; причем в М, несмотря на неизбежную русификацию при переписке, обнаруживаются черты даже большей

* Работа подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) – грант № 17-29-09113 «Электронный исторический словарь заимствованной лексики в русском языке XI–XVII вв.: грецизмы и полонизмы» (руководитель: М.И. Чернышева).

древности по сравнению с С; кроме того, ряд совпадающих пассажей позволяет предположить, что один из переводчиков (или оба) был знаком с трудом другого. На основании значительных лексических расхождений в двух переводах, которые не являются обычной лексической вариантностью, можно говорить, что каждый из переводчиков имел перед собой несколько отличные списки, возможно, даже разные редакции греческого протооригинала, сильно отличающегося от сохранившегося списка Син 376». [Чернышева 2009: 137].

В рамках того же проекта было подготовлено, но до сих пор не опубликовано, издание древнеславянского жития по двум спискам С и М с подробным грамматическим, лексикологическим и текстологическим комментарием с использованием метода реконструкции лексики возможного греческого протооригинала.

Исследования, появившиеся после публикации проведенного исследования [Могаричев и др. 2012; Шапошников 2017], касаются других ракурсов и не исключают возможности рассмотрения «Жития» с учетом предложенного метода.

Далее приводится (в несколько сокращенном виде) образец издания двух славянских переводов. Для демонстрации предлагаемого лингвистического комментария используются элементы реконструкции возможного греческого протооригинала.

Текст «Супрасльской рукописи» (С) — л. 134:

... е̑поу¹(2) въ шестоѹ на десѹте лѣто дивклитиана цѣсарства^{2,3}
многъ подвигъ⁴ троудъ⁵ же и поспѣшеные⁶ полагаѹштоу⁸ тако да⁹ бо-
гомъ прѣданоѹ¹⁰ крѣститаньскыѹ непорочныѹ вѣры роширити¹² слово
не прѣстаѹштоу испоуштати е̑пы въ всѹ страны еззыкъ мѣнѹ¹³ же сѣ-
аго е̑па страны поганьскыѹ¹⁶ и сѣмо ѹже ѹстъ херсоньскыи¹⁷ градъ отъ
тавьрскыѹ зѣмьѹ¹⁸ именеѹ василеѹ ѹмоу же пришѣшоу и видѣвшоу
елинъскыѹ обьдрѣжаштѹ²⁰ прѣльстѣ нача оучити градъскыѹ мѣжа
глагола тако божи не сѣтѣ²² аже вы мните и²⁴ ѹмате²⁵ и чѣте²⁵ нѣ коумири
не могшѣтти вамъ помошти ѹстъ бо богъ на небесехъ иже словомъ сво-

имъ²⁶ сътворив²⁷ въсѣчьскага и прѣмъдростию²⁸ своею: отъ небытия въ бытие прѣведеи въсѣчьскага²⁹ и стѣимъ своимъ³⁰ дхѡмъ: въсѣмъ³¹ жизнь дароуа³² томуоу поклоняюще сѧ въ стѣи троици: того славимъ: то слышавше отъ стѣаго мжжа: града того мжжи³⁴ ринжша сѧ³⁵ на оукоризны³⁶ и быеныа³⁷ не послушаша³⁸ его: отъ нечювствиа⁴⁰ одръжаштаа их прѣльсти⁴¹ тѣмже стѣи еппъ въ съкровнѣ мѣстѣ⁴³ сѣда пештерѣ прѣвывааше⁴⁵ нарицаемѣи⁴⁶ дѣвичьскага⁴⁷ многомлостивыи⁴⁸ же бѣ въса чловѣкы хотан⁴⁹ съпасти: и на оувѣдѣныи истинны⁵⁰ прити⁵¹ не попусти всемоу градоу и земли⁵² погивнѣти отъ сотоны⁵³ въсади стѣи свои⁵⁴ дхѡ: того ради бо и въ плать облѣче сѧ и распатые⁵⁵ на⁵⁵ крѣстѣ волею прѣстрада⁵⁶ да въса свободитъ чьстѣною своею⁵⁷ крѣвю: юже⁵⁸ потъшта сѧ⁵⁹ спсѣти сѧ⁶⁰ съ всѣми: и сии херсонскыи градъ⁶² чюдеса творѧ⁶³ и быстѣ...

Текст из «Макарьевской минеи» (М) — л. 64а — 64с:

... еппѧ¹ (2) въ шестое на десятое лѣто дѡклитѧна царства.^{2 3} со многомъ подвигомъ⁴ поспѣхъ⁶ же и жертвоу⁷ полагающа.⁸ дождеже⁹ егѡ преда¹⁰ное¹⁰ хрѣтѧкое¹¹ непорочныа вѣры распространѣтсѧ слово. не престающа испущати еппѧ. въ всѧ страны азѣк. глѡ¹³ же ефрема¹⁴ стѣго еппѧ въ¹⁵ страны тирикѣнскѣ а.¹⁶ и сѣмо еже естъ херсонитскѣ¹⁷ градъ. таѣрвскиѡвскѣа¹⁸ страны¹⁸ именемъ¹⁹ василѣа. (3) емоу пришедшю и видѣвшю еллинскою одръжимы²⁰ прелестѣю.²¹ нача оучити градскѣа моужа глѧ. такъ не соутъ божи²² таже мнѣте имѣти²⁵ и чести.²⁵ нѡ кѡмири не могоуще вамъ помощи. еѣ бѡ бѣгъ на небсехъ. иже словомъ егѡ²⁶ сътвори²⁷ всѧческаа. и мрдвстѣю его ѡ небытѣа въ бытѣе приведи всѧ.²⁹ и стѣимъ его³⁰ дхѡмъ въ всемъ³¹ жизнь даровавъ.³² томѡ поклоняющесѧ въ стѣи трѡцы. того славимъ. (4) се³³ слышавше ѡ стѣго мжжа градскѣи моужа.³⁴ на досажденѣа³⁶ и на раны³⁷ превратишасѧ³⁵ не прѣмлюще³⁸ его словесе.³⁹ еюже вбдѣржахоу сѧ прелестѣю.⁴¹ и⁴² тѣмъ стѣи еппѧ въ скорби⁴⁴ сѣдаше въ пештерѣ бѣаше.⁴⁵ сице именѣмы⁴⁶ парфенвнѣ.⁴⁷ многомлостивыи⁴⁸ же бѣгъ хотан⁴⁹ всѧ члѣки спсѣти. и на разоумъ истинныи⁵⁰ привести.⁵¹ не попусти всемоу граду погивноути и странѣ⁵² ѡ дѡвола.⁵³ въсади стѣи его⁵⁴ дхѡ. того ради бѡ

и в плвть вблечеса. и крѣтъ волею претръпѣ.⁵⁶ да вса сво водить честною его⁵⁷ кровію егоже рдѣ⁵⁸ поспѣши спасти съ всѣми стѣми⁶¹ и херѣснитъскїи град.⁶² чюдеса творѣ.⁶³ и бысть...

Примечания:

1. в С испорченная форма, вероятно, вместо **επισπου**
2. этот хронологический факт совпадает в обоих переводах с греческим оригиналом
3. С: **цѣсарьства**, М: царства (обычно как перевод *βασιλεία), однако в нашем греч. тексте τυραννίδος ‘тирании’
4. в переводах разные конструкции
5. в М нет
6. С: **поспѣшенье**, М: **поспѣхъ**<ъ>, вероятно, как перевод греч. *ἐνέργεια ‘усилие’, ‘усердие’ или *σπουδή
7. в С нет
8. конструкции не совпадают; речь идет по-прежнему о Ермоне (Гермоне)
9. разные союзы, вводящие придаточное предложение; в С похоже на придаточное цели: «...чтобы распространить переданное Богом слово христианской непорочной веры», в М, вероятно, придаточное времени: «пока (не) распространится переданное Богом христианское слово непорочной веры»
10. С: **богомъ прѣданое**, М: **ѣгопреданое** (прил. согласовано с слово) — два способа передачи compositum — предположительно *θεοπαράδοτος (в древнерусском языке богопредан(н)ныи встречается несколько раз в памятниках, переведенных с греч. языка — см. [СДРЯ, I: 265]; [СлРЯ XI-XVII вв., 27: 265-266])
11. порча, в м.: **хрѣтїа**<ньс>**коє** (согласовано с слово), т.е. в М согласование отличается от С
12. С: **роширити**, М: **распространїтсѣ**; помимо грамматического, лексическое расхождение глаголов с одинаковым значением — от греч. *πλατύνειν / *πλατύνεσθαι
13. С: **мѣнж**, М: **глю**, вероятно, как перевод 1 лица ед.ч. от *λέγειν
14. имя епископа Ефрема снова отсутствует в С
15. в С отсутствует предлог **въ**, что нарушает смысл
16. в Син 376 есть исходное: τοῖς μέρεσι τῆς Τουρκίας ἐκτέμλει «[Ермон] посылает [Ефрема] в области Турции (= турецкие)», С вместо «турецкий», переводит «языческий» (языческие области)
17. название Херсонеса передается сочетанием прил. с сущ. — в С: **Херсоньскїи градъ**, в М: **Херснитъскїи градъ** (Син 376: τῆ Χερσῶνι)
18. τῆς Ταυροσκυθῶν ἐπαρχίας «Тавроскифской епархии» — это географическое и общественно-политическое название передается по-разному в двух переводах — С: **отъ Таврскыя земьа**, в М: **Таврскиѣ-ѣскїа страны**

19. в греч. нет
20. С: **обдържати (обвдържаштжж)**, М: **одържати (одържины)** — передача причастной формы от *περιέχειν
21. в обоих переводах почти полное лексическое и грамматическое совпадение конструкции «дательный самостоятельный», которая обычно служит для передачи греч. genetivus absolutus; в С ошибочно **прѣльсть** вместо творительного падежа, как в М: **прелестію**; в Син 376 синтаксическая конструкция иная
22. слова переставлены
23. в М нет
24. в М нет
25. С: второе лицо множественного числа, в М конструкция изменена: два раза неопределенная форма
26. С: **своимъ**, М: **его**
27. С: **сътвори** ближе к Син 376: δημιουργήσας, в М аорист: **сътвори** (от *ἐδημιούργησε —?)
28. последовательное расхождение в переводе греч. σοφία (Син 376: σοφία) — С: **прѣмъдростниж**, М: **мдрвстію**
29. С: **всѣчьскага**, М: **всѣ** (Син 376: τὰ σύμπαντα)
30. повторяющаяся закономерность перевода αὐτοῦ — С: **своимъ**, М: **его** (см. выше, примеч. 26)
31. С: **всѣмъ** — точно, как в Син 376: πᾶσι; М: **въ всемъ**, как будто, от *ἐν πᾶσι
32. в обоих переводах причастие — С: **даруѣмъ** (предполагается participium praesentis *χαρίζομενος), М: **дарувавъ** — точно в соответствии с participium aoristi χαρισάμενος
33. С: **то**, М: **се** как перевод τούτων
34. для перевода субстантивированного сочетания οἱ τῆς πόλεως — в том и в другом случае вводится **мжи** (можи), genetivus singularis в С сохраняется: **града того**, в М — прилагательное **град'стїи**; весь фрагмент речи Василия очень близок к Син 376; почти идентичны и переводы
35. Син 376: ἐτρέπησαν (πρός) по-разному переводится — С: **ринжша сѣ** (на), М (несколько ниже): **превратишасѣ** (на)
36. С: **оукоризна** (на оукоризны), М: **досажденіе (на досажденїа)** — в греч.: πρὸς ὕβρεις
37. С: **вѣиеньє** (—ѣа), М: **рана** (раны) — в греч.: πρὸς... πληγὰς
38. С: **не послушаштѣ**, М: **не прїемлюще** — в Син 376 нет; вероятно, в греч. текстах, послуживших оригиналами для переводов, были разные глаголы; для перевода послушати можно указать несколько глаголов, среди которых самые распространенные: (ὑπ-)ακοῦειν, πείθεσθαι и προσέχειν, а для **прїати**: (ὑπο-)δέχεσθαι, (προσ-)λαμβάνειν и др.
39. в С не хватает лексемы; в М: **словесе**
40. С: **отъ нечювьствїа** «из-за невосприимчивости» (?); нет в М

41. Весь пассаж, начиная с л. 134, 18 (С) и л. 64в, 26 (М), отсутствующий в Син 376, по-разному представлен в двух переводах — С: «услышав это от святого мужа, мужи того города обратились к поруганию и избиению, не слушая его из-за невосприимчивости владеющего ими заблуждения», — М: «услышав от святого мужа горожане обратились к поруганию и избиению, не принимая его слов, они были охвачены тем же самым заблуждением»; слово **прѣльсть** (ст.-сл.) = **прелєсть** (др.-р.), как правило служит для перевода *ἀπιστία или *πλάνη
42. нет в С
43. С: **въ съкровьнѣ мѣстѣ**, нет в М
44. нет в С
45. С: **прѣбывааше**, М: **вѣаше**, возможно, как перевод ἦν (от εἶναι) или ἔμενε (от μένειν)
46. С: **нарицаємѣѣ**, М: **именѣмы**<и>, в Син 376: κατονομαζομένω
47. Син 376 сообщает название пещеры, в которой скрылся епископ Василий от гнева жителей Херсонеса — Парфенон, это название сохранено в М: **Пар'фенонѣ**, однако в С (как это характерно для ряда раннеславянских переводов) переводится географическое наименование: **въ пештерѣ... Дѣвичьскага**
48. слово **многомилостивыи** в обоих переводах является обычным переводом *πολυέλεος (в Син 376 отсутствует)
49. перестановка
50. С: **на оувѣдѣныи истины**, М: **на разоумѣ истиныи** — перевод πρὸς ἐπίγνωσιν τῆς ἀληθείας
51. С: **прити**, М: **привести** — 1 Тим. 2, 4: ἐλθεῖν, Син 376: ἐπανελθεῖν
52. С: **земн**, М: **странѣ**, скорее всего, как перевод *χώρα (в Син 376 нет)
53. С: **от сотоны**, М: **ѡ діавола** (в Син 376 нет), в греч. оригинале могли варьироваться слова *διάβολος и *Σατανᾶς; сама конструкция предполагает в греч. оригинале genetivus auctoris с предлогом ὑπό
54. повторяющееся расхождение — С: **свои**, М: **его** для передачи *αὐτοῦ (Син 376 — нет)
55. отсутствуют в М, где другая конструкция (**крѣсть... претръпѣ**), что может служить доказательством расхождения греч. оригиналов
56. С: **прѣстрада**, М: **претръпѣ**, вероятно, в соответствии с *ὑλομένειν (такое соответствие Супр 475, 28, 29; 480, 11)
57. см. выше примеч. 54
58. в М явная порча, ср. С: **ѡѡѡѡ**
59. С: **потъшта сѧ** (от **потъщати сѧ**) «старался», вероятно, от *σπουδάζειν, в М: синоним: **поспѣши** (такое знач. фиксируют старослав. и др.-р. словари, см.: СС, 484; СлРЯ XI-XVII вв., 17, 216; СДРЯ, VII, 277 (**поспѣшати**, 2 знач.))
60. С: **спѣсти сѧ** — ошибочно вместо **спѣти** (сѧ — лишнее)
61. в М явно порча, в С понятнее: **и сини**
62. повторяющееся расхождение в передаче названия Херсонеса (см. выше примеч. 17)

⁶³ по-прежнему Син 376 сильно отличается от двух слав. переводов, однако выше о Василии сказано: «[посылает] доброго Василя, знаменитого и прославленного словами и чудесами (τὸν λόγον καὶ θαύμασι περίφημον), подвиги и чудеса которого (настоящее) слово желает обнять и предложить вниманию боголюбивых» (перевод В.В. Латышева) [Латышев 1907: 108, сноска 1].

Библиография:

ВМЧ, МАРТ Die Grossen Lesemenäen des Metropoliten Makarij. Uspenskij spisok / Великие Минеи четыи митрополита Макария. Успенский список. 1-11 марта. Изд. Э. Вайер, А.И. Шкурко, С.О. Шмидт. — Freiburg i. Br., 1997.

ЛАТЫШЕВ В.В. Жития св. епископов Херсонских. Исследование и тексты // Записки Имп. Академии наук по историко-филологическому отд. Т. VIII. № 3. — СПб., 1906.

ЛАТЫШЕВ В.В. Страдание святых священномучеников и епископов Херсонских Василия, Капитона и иных с ними. (Перевод с греческого) // Известия Имп. Археологической комиссии. Вып. 23. — СПб., 1907. С. 108-112.

МОГАРИЧЕВ Ю.М., САЗОНОВ А.В., САРГСЯН Т.Э., СОРОЧАН С.Б., ШАПОШНИКОВ А.К. Жития епископов Херсонских в контексте истории Херсонеса Таврического // Нартекс. Byzantina Ucrainensis. Т. I. — Харьков, 2012.

СЕРАФИМОВ С. Херсонские святители. Страдание священномучеников Херсонских епископов: Василевса, Капитона и др. // Записки Одесского Общества истории и древностей. Т. VII. — Одесса, 1868.

СЛОВАРЬ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА (XI-XIV вв.). Т. I. — М., 1988.

СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА XI-XVII вв. Вып. 27. — М., 2006.

СС: Старославянский словарь (по рукописям X-XI веков) / Под ред. Р.М. Цейлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. — М., 1994.

СУПР Супрасълски или Ретков сборник. Т. 1-2. Изд.: Йрдан Заимов, Марио Капалдо. Т. 2. София, 1983. С. 532-543 (№ 47).

ЧЕРНЫШЕВА М.И. Замечания о языке славянской версии «Жития херсонских святых» // Очерки по истории христианского Херсонеса. — СПб., 2009. С. 118-138.

ШАПОШНИКОВ А.К. Текстология церковно-славянских житий Таврических святых: языковые свидетельства литературной фикции // Славянское и балканское языкознание. Палеославистика / Отв. ред. В.С. Ефимова. — М., 2017. С. 305-326.

VHG Bibliotheca hagiographica graeca... par Fr. Halkin Troisième édition. T.I. Bruxelles, 1957.

Шульга Д. П.

**МОНЕТЫ
ВОСТОЧНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ
В ВОСТОЧНОМ КИТАЕ**
(НА ПРИМЕРЕ НАХОДОК НА ГОРОДИЩЕ
ЕЧЭН В ПРОВ. ХЭБЭЙ, УЕЗД ЛИНЬЧЖАН)

Shul'ga D.

Coins of the Eastern Roman Empire in Eastern China
(on the Example of Findings on the City of Echen in Prov.
Hebei, Lienzhan County)

В современной русскоязычной науке до сих пор «белым пятном» остаются нумизматические материалы восточно-римского происхождения на территории КНР. Тому есть ряд объективных причин, в первую очередь – языковой барьер, из-за которого специалисты по Средиземноморью и Причерноморью не могут знакомиться с коллекциями, опубликованными в Китае. С другой стороны, востоковеды-синологи, зачастую, не являются специалистами по позднеантичной нумизматике. Между тем, количество найденных в Поднебесной византийских монет исчисляется многими десятками (на данный момент – более полусотни, считая имитации и спорные экземпляры) [Лю Фэн, 2004]. Настоящая статья имеет своей целью введение в научный оборот на территории РФ ряда монет с кратким описанием места их обнаружения. Такое весьма примечательно, ведь речь пойдет не о западных регионах КНР, а о северо-востоке (в 430 км к югу от Пекина, в 440 км от Жёлтого моря).

В период раннего средневековья (IV-VI вв. н.э.) в Китае город Ечэн являлся одним из крупнейших центров севера страны, вставая в один ряд с южной столицей – г. Цзянькан (на терр. нынешнего г. Нанкин). Изначально Ечэн был основан династией Цао из царства Вэй (220-265 гг.) как резиденция государя, сохранил столичный статус при часто сменявшихся друг друга режимах: Поздняя Чжао (319-351 гг.), Жань Вэй (350-352 гг.), Ранняя Янь (348-370 гг.),

Восточная Вэй (534-550 гг.) и Северная Ци (550-577 гг.). Падение Ечэна совпало с крушением Северной Чжоу (557-581 гг.). Значительная часть древнего города к XX в. оказалась зыбучими песками, так что исследования здесь начались только в 1957 г., и движутся относительно медленно [Ци Дунфан, 2012].

В 1976 г. к северу от городища (уезд Цзаньхуан), при раскопках погребения Ли Сицзуна и его супруги (575 г.н.э.) среди прочих ярких находок (например, серебряной чаши, возможно, из Индии) было обнаружено три восточно-римские монеты. В 1978 г., в гробнице дочери жужаньского государя (550 г.н.э.) в том же регионе (уезд Цысянь) нашли еще две византийские монеты. Видным исследователем нумизматики Ся Наем монеты из могилы Ли Сицзуна были отнесены к правлению Феодосия II (408-450 гг.) и Юстиниана I (518-527 гг.) [Ся Най, 1977. С. 403-406]. Находки же из второго погребения принадлежали, очевидно, чеканке времён Анастасия I (491-518 гг.) и того же Юстиниана [Ци Дунфан, 2012].

Контакты между Восточной Римской империей и Китаем не слишком подробно описаны в нарративных источниках, однако упоминания о них есть. Наличие чётко датированных артефактов в описанных выше гробницах показывает, что в некоторых случаях путь монеты от Константинополя до северо-восточного Китая был достаточно быстрым. Например, смерть жужаньской «принцессы» и окончание правления Юстиниана Великого разделяет всего около 20 лет. Это указывает на исправное функционирование «трасс» Великого Шёлкового пути в пер. пол. VI в., несмотря на раздробленность в Китае и иные процессы.

Дискуссионным остаётся вопрос о применении иноземных (сасанидских и ромейских) монет китайской знатью. Совершенно точно, что это были предметы роскоши, которые помещали в своих могилах даже императоры [Лю Бинь, Янь Хуэй, 2016]. Вероятно, что «солиды» использовались и при жизни как украшение. Доказательством этого являются пробитые отверстия для шнурка на многих экземплярах (рис. 1). Что касается применения в торговле и обмене – таковое возможно, однако прямых доказательств, учитывая характер источников, у нас пока нет.

Хотелось бы отметить тот факт, что наибольшее количество монет (и их имитаций) относится к ранневизантийскому времени, когда империя

активно проводила свою политику и на территориях, ныне входящих в РФ (Крым). Это влияние активно изучается в отечественной науке. Автор надеется, что настоящая краткая публикация привлечёт внимание исследователей поздней античности и раннего средневековья, ибо лишь в результате совместных усилий возможно комплексное понимание роли Восточной Римской империи на просторах Евразии от Крыма до Пекина.

Библиография:

ЛО ФЭН. 2004. Чжунго цзиннэй фасяньдэ Дун Лома цзиньби 中国境内发现的东罗马金币 (Золотые восточноримские монеты, обнаруженные на территории Китая). Xinjiang qianbi (Нумизматика Синьцзяна). (3). С. 78-103.

ЛЮ БИНЬ, ЯНЬ ХУЭЙ. 2016. Лоян Цзяньси Хэншаньлу Бэй Вэй му фацзюэ цзяньбао 洛阳涧西衡山路北魏墓发掘简报 (Краткий отчет о раскопках гробницы эпохи Северная Вэй на ул. Хэншаньлу в районе Цзяньси, г. Лоян). Вэньу (Памятники культуры). (7). С. 4-14 (на кит. яз.).

СЯ НАЙ. 1977. Цзай хуан Ли Сицзун му чутудэ Байжаньтин цзиньби 赞皇李希宗墓出土的拜占廷金币 (Золотые византийские монеты из погребения Ли Сицзуна, уезд Цзаньхуан). Каогу (Археология). (6). С. 403-406.

ЦИ ДУНФАН. 2012. Вайлай вэньхуа хоцэн инсян Ечэн 外来文化或曾影响邺城 (Иноземное культурное влияние в материалах Ечэна). Чжунго шэхуэй кэсюэбао (Газета общественных наук Китая). Номер за 17.08.2012. С. 5.

Иллюстрации к статье

Рис. 1. Аверс золотой монеты из погребения жужаньской «принцессы» в уезде Цысянь пров. Хэбэй (сверху видно пробитое отверстие, видимо, для подвешивания), даётся по: [Ци Дунфан. 2012].

Honcu, St.

NORTH PONTIC AMPHORAE DISCOVERED IN ROMAN DOBRUDJA

Хонку, Ст.

Северо-понтийская амфора,
обнаруженная в римской Добрудже

The amphorae discovered in the territory between the Danube and the Black Sea has generated the subject of different studies and articles. In a recent study, signed by A. Opaıt, there are published all types of amphorae which are so far discovered in the area of the Pontic basin. This is the first synthesis made on such a large and varied space. The study represents, without doubt, an important contribution in the field, especially since the current state of research on this category of vessels is still in its infancy, if we refer to similar research in the West. Another recently published work is signed by D. Dobрева who researches the amphorae found in the lower Danube area [DOBREVA 2017].

So far, five types of amphorae have been identified and published in the north of the Black Sea, which were produced a long period of time during the 2nd-4th centuries AD. To these types of containers we add two other categories of amphorae not yet published for this space. These are the types of Zeeřt 88&89 amphorae and table fish amphora. If we have a lot of information for the first vessels, we also have a lot of information about their spread within the Lower Moesia province for the other two types; we do not yet have information about their presence in the Danube mouth area.

In the following, we will present the types of amphorae discovered in the sites of the northern province of Inferior Moesia, taking into account the chronological criterion of their occurrence as well as the product they transported.

North Pontic Area – amphorae used for the transportation of wine

6. Type Zeest 1960, type 72/73

The amphorae included in the Zeest 72 type have a wide mouth, an oval body, with grooves specific to this type of pot that end with a button. The handles are attached just below the rim and in the area of its maximum diameter [SAZANOV 2012].

This type of amphora is commonly found on the Crimean peninsula [KLENINA 2004: fig. 5/39-47; GOLOFAST 2010: 90-1; type Zeest 72; 120; fig. 11/11; 121; fig. 12/1-4; SAZANOV 2012], being first classed by I. B Zeest in the so-called «mirmekion» type, which is one of the most widespread recipients in the area of the Bosphoran Kingdom during the 2nd-3rd centuries AD [ZEEST 1960: 111-12; pl. XXX/72]. At Tanais, the Zeest 72 amphorae appear in closed complexes dated to the middle of the third century AD [NAUMENKO 2012: 71; type Zeest 72; fig. 11/3; fig. 15/1-2], though it is admitted that they could have been imported into the city from the second half of the 2nd century until the middle of the next century [NAUMENKO 2012: 71]. In Olbia, the Zeest 72 amphorae are encountered at the end of the second century AD until the third quarter of the next century [KRAPIVINA 1993: passim].

In the province of Moesia Inferior, such amphorae were discovered at Niculițel [NUȚU, STANC, PARASCHIV 2014: 57-8; tipul Zeest 72; pl. 11/72] in a context dated from the end of the 2nd century to the first quarter of the next century [NUȚU, STANC, PARASCHIV 2014; 23]. Also from the territory of Noviodunum, in the villa rustica of Capaclia, such a vessel found in a context dated to the first half of the 3rd century AD [HONCU, STĂNICĂ 2017: 312; type Zeest 72; fig. 4/6]. In the rural area of Ibida, this amphora is dated mainly in the 3rd century AD [OPAIȚ, PARASCHIV 2013: 319]. At Greci, in the territory of Troesmis, was also found such a vessel, dated from the second to third centuries AD [PARASCHIV 2006: 26; type 5 and footnote 13]). From the site of Noviodunum comes an entire specimen discovered in an archaeological context dated to the period of the 2nd-3rd centuries AD [HONCU, STĂNICĂ 2019: 214-215, cat. nr. 11, tipul Zeest 72, fig. 4/11]. From Callatis are coming

several specimens belonging to this type discovered in the context dated in the 2nd century and in the first half of the third quarter of the 3rd century AD [OPAIȚ, IONESCU 2017: 58]. Amphorae of this type were also discovered in the legionary castrum of Novae, without further details on the archaeological context [DYCZECK 2001: 228-33; type 31, fig. 148].

North Pontic fish products amphorae

Zeeſt 75

A complete amphora of this type has been found at Greci [OPAIȚ 1980: 308, pl. IX/3, XV/2]. Other examples come from Callatis [OPAIȚ, IONESCU 2017: 69, Pl. XV/90, 9]. In the authors opinion, the fabric of the amphorae found at Callatis suggests an origin in the Balaklava area [OPAIȚ, IONESCU 2017: 69]. Another discovery came from Murighiol – Halmyris, Hiſtria, Tomis, and Slava Cercheză [the territory of late roman town of Ibida – PARASCHIV 2006: 27]. This type of amphora has been found also in eaſt Carpathian area, at Oboroceni – Caracaș ”La Poartă” [HONCU, ENEA, BOGHIAN 2017: 261, pl. II/7].

Bosphoran area

Zeeſt 88&89

This type of amphorae is rarely encountered in the Lower Danube area, especially in the Roman Dobrudja. Such containers have been identified and published only in Callatis, a single fragment presented by the authors as being produced in the Bosphoran area, was not classified in one type or another.

They mention that ”the fabric of the second (KT 13) is also typical of the Bosphoran area: irregular break, abundant tiny quartz-like grits, common foraminifera, red-brownish tiny spots (ferruginous quartz sand?), and sparse flecks of gold mica. The color is dark red (2.5YR 5/6)” [OPAIȚ, IONESCU 2017: 69, Pl. XV/93]. In our opinion the fragment included in catalog no. KT 13 can be included in the category of Zeeſt 88&89 amphorae, well represented in Tyritake, Myrmekion and Pantikapaion [OPAIȚ 2007: 114-115, fig. 22a – b]. In Dobrogea such a fragment was discovered at Duroſtorum – Oſtrov, Farm 4, but which is unpublished.

Table fish amphora

This vessel is characterized by hanging rim, and large mouth, a tall and large neck, ovoid in cross section handle, with a central sharp groove, short, sloppy shoulders, an ovoid body with flaring ring base. In province of Moesia Inferior this type of amphorae was found at Callatis [OPAIȚ, IONESCU 2017: 70, pl. XVI/100]. Another find came from Niculițel, Noviodunum and Durostorum. It is well known at Olbia [KRAPIVINA 1993: 99 type 27, fig. 30.25], Chersonesos, Tanais, Gorgippija, and Mirmekion [OPAIȚ 2007: 116].

Zeeșt 1960, tipul 84-85

The containers belonging to the type Zeeșt 84-85 have a wide mouth, cylindrical or truncated neck, conical body and a conical base. The handles are massive, round or oval in section. Most of the amphorae are dated in the time interval between the ages 2nd-3rd AD exception been made by some discoveries from Olbia, where containers were discovered at a level dated in the fourth century AD (KRAPIVINA 1993: 98). In Dobrudja this kind of amphorae was discovered at Troesmis [OPAIȚ 1980: 308, pl. X/2, XV/1], Noviodunum, Tomis [RĂDULESCU 1976: 103-104, pl. III/3], as well as at Revărsarea, Telița-Valea Morilor, Straja, Baia, Nuntași and Arsa [PARASCHIV 2006: type 4, 25-26].

Comments

As we can see from the brief presentation previously made, the northern pontic amphorae are not discovered in a large number from a typological point of view. If until now, only three types of amphorae – Zeeșt 72-73, Zeeșt 75, and Zeeșt 84-85 – were produced in the north of the Pontic area, we can add another two new types, Table fish amphora and Zeeșt 88 & 89, must be added to the repertory of discoveries.

These amphorae were used to transport wine and fish products. The most commonly encountered in this area are the amphorae included in the Zeeșt type 84-85, followed by those included in the Zeeșt type 72-73. The vessels attributed to the types Zeeșt 88 & 89 and Table fish amphora are still rare for this area.

Excluding the discovery made in Callatis of the type Table fish amphora, these were found mainly in the military environment, in the camps of Noviodunum and Durostroum as well as in their surrounding areas.

All these discoveries date mainly from the 2nd-3rd centuries and very few from the 4th century AD.

Bibliography:

DOBREVA D. Tra oriente e occidente dinamiche commerciali in Moesia Inferior e Thracia in epoca romana: dati delle anfore, *Antenor Quaderni* 42, Roma, 2017.

GOLOFAST L. Amfornaja tara iz Raskopok zolinika rimskogo vremena u padnojia gori Mitridat v Kerki. // *MatArhIstEtnTavrii* 16, 2010, 82-139.

HONCU Șt., ENEA S.-C., BOGHIAN D. Amfore romane aflate în colecția muzeului școlar al Liceului Teoretic „Ion Neculce” din Târgu Frumos (jud. Iași) // *Arheologia Moldovei*, XL, Iași, 2017, 259-266.

HONCU Șt., A. D. STĂNICĂ. Roman Amphorae discovered at the Headquarters of Noviodunum on the Lower Danube, Lucretiu Mihailescu-Bîrliba, Wolfgang Spickermann (eds.), *Roman Army and Local Society in the Limes Provinces of the Roman Empire*, Verlag Marie Leidorf, Rahden/Westfalia 2019, 205-227.

KLENINA E. Keramičeskie sosudy II-III v.n.è. iz usad'by «Bliznecy»: chora Chersonesa Tavri českogo / Ceramic vessels from the 2nd-3rd centuries in the villa rustica "Bliznecy" (the chora of Tauric Chersonesos), Poznan, 2004.

KRAPIVINA V.V. Amphorae of the 3rd — 4th centuries A.D. in Olbia Pontica. // Kassab Tezgor D., Inaishvili N. (eds.), *Production and Trade of Amphorae in the Black Sea (Production et commerce amphorisques en Mer Noire)*. Actes de la Table Ronde internationale de Batoumi et Trabzon, 27-29 Avril 2006, (Paris), 2010, 69-73 și Pl. 37-39.

KRAPIVINA V.V. Ol'biya. Material'naya kul'tura I-IV vv.n.e. Naukova Dumka, Kiev, 1993.

NAUMENKO S.A. Soštav amfor v zakrštsh kompleksah Tanaisa konša I — ceredins vv.n.e. // *Vešt'nik Tanaisa*, 3, 2012, 63-88.

NUȚU G., STANC S., PARASCHIV D. Niculițel — A roman rural settlement in north-east Moesia Inferior. Archaeological & Archaeozoological research, Kaiserlautern und Mehlingen, 2014.

PARASCHIV D. Amfore romane și romano-bizantine în zona Dunării de Jos (sec. I-VII p.Chr.), Iași, 2006.

RĂDULESCU A. Amfore romane și romano-bizantine din Scythia Minor, // *Pontica* 9, 1976, 99-114.

OPAIȚ A., Considerații preliminare asupra amforelor romane și romano-bizantine din Dobrogea, // *Peuce* 8, 1980, 291-327.

OPAIȚ A. Weight Matter: Pontic Fish Amphorae // V. Gabrielsen and J. Lund, (eds.) *The Black Sea in Antiquity. Regional and interregional economic exchange*, Aarhus University Press, 2007, 101-122.

OPAIȚ A., IONESCU M. Contributions to the economic life of the city of Callatis in light of new ceramic finds (2nd — 6th centuries AD) // *ArhMold*, XXXIX, 2017, 57-112.

SAZANOV A. V. Hronologia amfor mirmekijskogo tipa (Zeešt 72 — Bottger I.5) riskogo vremeni // *DrevBosp* 15, 2012, 326-353.

ZEEST I. B. *Keramicheskaya tara Bospora*. MIA, Izd-vo Akademii nauk SSSR, 83, Moscow, 1960.

Хонку, А.

СТРОИТЕЛЬНАЯ ИНИЦИАТИВА В ОЛЬБИИ В I–III ВЕКА н.э.

Honcu, A.

Construction Initiative In Olbia in the 1st-3rd Centuries A.D.

Наш исследовательский сегмент включает в себя так называемый Послегетский период, связан с серьезными изменениями, которые произошли в истории греческих городов Северного Причерноморья. Вхождение греческих городов, начиная с I в. н. э. в орбиту римской политики, появление в них постоянных римских гарнизонов, воздействовало на систему городской архитектуры. В связи с этим, данный этап характеризуются как период постепенного упадка эллинского градостроительства в Северном Причерноморье [Ручинская 2017: 55].

Очевидно, внешний вид города улучшился за сотни лет после визита Диона Хрисостома, побывавший в Ольвии в конце I в. н. э. Об этих архитектурных изменениях упоминается в надписях, на которые мы будем ссылаться в следующем.

В первой половине I в. н. э. Абаб, сын Каллисфена строит, на собственные средства портик императорам Августу и Тиберию и народу ольвиополитов. Эту надпись можно увидеть в контексте римско-боспорской войны, или аннексия города Тира римлянами. Отправка римлянина в изгнание ни в коем случае не может быть осуществлена на враждебной территории: изгнание Диона Хрисостома, как и Овидия, подразумевает патронатских отношениях с Римом, поэтому в литературе эта надпись считалась косвенным аргументом а присутствие римского гарнизона. Также в этот период, Диомед – управитель дома Оронта, сына Абаба, посвящает своему господину экседру [IOSPE I2182]. Упоминание этого жеста в надписи может подразумевать местоположение в общественном месте – возможно в стое которое была сооружена на средства Абаба [Русяева 2002: 185].

Одна надпись отмечает о существовании храма Зевса в Ольбии [IOlbiae 45]. Хотя остатки его до сих пор не найдены, нет никаких сомнений в том, что он существовал, это подтверждается также описаниями Диона. Историки и археологи считают что новый храм Зевса был построен в северной части Нижнего города [Подосинов 2012: 40].

Одна из надписей, посвященная Аполлону Простату упоминает о ремонтировке крыши и стены храма [IOSPE I2175]. В середине II в. н.э. на Ольвию нападали «тавро-скифы», и Антонин Пий выслал войска, которые потеснили их [Крапивина 2015: 35-36]. Возможно, именно об этой победе упоминается в этой надписей, в которой указывается, что «сведена трофееносная пообода на толпы супостатов, которую все отечество празднует жертвоприношениями» [Крапивина 2015: 35-36]. Культ Аполлона Простатов был широко распространен в Ольвии в римские времена; многочисленные надписи, посвященные ему делают невозможным сомневаться в том, что Аполлон Простат был городским божеством Ольвии в более поздний период [Hirst 1902: 255].

Из другой надписи мы узнаем о существовании столовой- triclinium- с тремя застольными ложами, посвящен тому же богу [IOlbiae 85], где могло собраться до десять гостей.

Моление в которой находилась статуя бога, построена в II–III в. н.э.

Мощный слой пожарища, выявленный по всей площади Ольвии следует связывать с первым “готским” нападением 232-238 гг. н.э [Крапивина 2011:106]. Насыщенность этого слоя вещевым материалом и последовавшее сравнительно быстрое восстановление города о которой говорят строительные надписи позволили сделать вывод о кратковременности катастрофы [Крапивина 2011:106].

Надпись о посвящении ольвиополитами бани в честь Севера и Карагаллы [IOSPE I2 174], где упоминается наместник провинции, имя которого на камне не сохранилось, (вероятно Соскониус Гетианус) [Millar 2004: 240], может рассматриваться как показатель интеграции города в провинцию Нижняя Мезия. Надпись также содержала имя архитектора, которое не сохранилось, но мы узнаём что он был гражданином Никомедии и Томиса.

Бурная жизнь Ольвии может быть одной из причин, почему на протяжении более трех веков нет никаких доказательств Культ Асклепия в городе. Следующая важная надпись относится к Юлианосу, сыну Александроса, который построил или отремонтировал храм Асклепия и Гигиены от его фундамента на своей собственной расход [IOSPE I2184]. Упоминается, что храм имел портик, черепичную крышу, двери и окна. Наличие окон может быть связано с румынской традицией с римской традицией. Как видно из надписи, у Асклепия и Гигиены был храм, отличаясь от других богов Сараписа, Изиды и Посейдона [Moschakis 2013: 34]. Упоминание портика имеет решающее значение для существования святилища или даже Асклепиона.

В III в. н.э. восстановлен портик храма Аполлона Простата из общественных дохода [IOSPE I2 98]. Мы не знаем точно контекста восстановления храма, но, вероятно, реконструкция произошло в результате ухудшения из-за времени или в результате атак.

Ольвийский гимнасий [IOSPE I2 40] просуществовал с определенными перестройками с V вв. до н.э. и продолжил свое существование до первые века н.э. [Ручинская 2017:78]. Его местоположение сейчас не известно, но ясно, что он находился не на старом месте, так как прежняя центральная площадь оказалась вне стен города.

Другая надпись упоминает о восстановлении или строительстве места поклонения, связанному с культом героя [IOIbiae 53]. Скорее считаем, что речь идет о ремонте; в III в. по всей Римской империи большее внимание уделяется ремонту, как из-за переполненности городов с общественными зданиями, так и из-за деградации после различных нападений или *vetustate dilapsum*.

Основная оборонительная система, как и ранее, представляла собой систему стен и башен. Одна надпись упоминает что братья воздвигли башню [IOSPE I2 183]. Во время Александра Северуса восстанавливается стена [IOIbiae 52]. Стены ограждения гораздо менее прочны, чем в эллинистическую эпоху. Возведенная в I в. и перестроенная во II в., стена служила в таком виде до III в. [Wąsowicz 1975:120].

Внутри римской цитадели, одно здание III в., вероятно, является казармой (*praetorium*) римского гарнизона [IOSPE I² 185]. Занимая 488 м², она состоит из мощного двора и не менее восьми комнат [Wąsowicz 1975:120].

Эти надписи подтверждают описание Диона Хрисостома и добавляют новые детали. Город восстанавливается после продолжительного кризиса в первые века нашей эры, но значительно сокращен: занимает только южную часть своей бывшей территории. Строительная инициатива принадлежит не только городу, но и частным лицам. Выбор для финансирования различных типов зданий, адаптирована к местным потребностям: новые конструкции, ремонты, украшение; гражданские или религиозные сооружения. Отметим также, приобретение некоторых римляниных архитектурных и культурных привычек: бани, архитектурные элементы, но, ничто не напоминает римскую военную оккупацию западного угла Черного моря.

Библиография:

- КНИПОВИЧ Т. Н., ЛЕВИ Е.И. Надписи Ольвии (1917-1965) — Ленинград, 1968.
- КРАПИВИНА В.В. Ольвия понтийская и варвары в I-IV веках н.э // Карпатика — Киев, 2011. Вип. 40. С. 91-123.
- КРАПИВИНА В.В. Ольвия и сарматы // Археологія і давня історія України — Киев, 2015. Вип. 1 (14). С. 32-35
- РУЧИНСКАЯ О.А. Культура и общество греческих городов Северного Причерноморья (VI в. до н.э. — IV в.н.э.) — Харьков, 2017.
- РУСЯЕВА А.С. Абаб, сын Каллифена — политический деятель Ольвии понтийской // Античный мир и археология — Саратов, 2002. Вып. 11. С. 182-186.
- СКРЖИНСКАЯ М.В. Будни и праздники Ольвии в VI-I вв. до н.э.-Санкт-Петербург, 2000.
- СКРЖИНСКАЯ М.В. Образование и досуг в античных государствах Северного Причерноморья — Киев, 2014.
- HIRST G. M. Cults of Olbia I // The Journal of Hellenic Studies, 1902. Vol. 22. PP. 245-267.
- MILLAR F. Rome, the Greek World, and the East — North Carolina, 2004. Vol. 2.
- MOSCHAKIS K. Healing Gods: The Cult of Apollo Iatros, Asclepius and Hygieia in the Black Sea Region — Thessaloniki, 2013.
- WAŚOWICZ A. Olbia Pontique et son territoire. L'aménagement de l'espace // Annales littéraires de l'Université de Besançon — Besançon, 1975. Nr. 168. PP. 3-252.
- LATYSCHEV V. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae — Petropoli, 1916. Vol. I2

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ФИО \ Name, Family Name	Место работы \ Affiliation	E-mail
Armstrong Pamela	Doctorate in Byzantine and Ottoman Archaeology. University of Oxford, Campion Hall and Sub-faculty of Archaeology.	pamela.armstrong@campion.ox.ac.uk
Honcu Anna	PhD, Alexandru Ioan Cuza University	odochiciuc.ana@gmail.com
Honcu Stefan	Romanian Academy Iași Branch – Institute of Archaeology	stefhoncu@gmail.com
Аргун Алхас Валикович	Национальный Новофонский историко-культурный заповедник «Анакопия»; Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА	hasafon@mail.ru
Арутюнян Акоп Жораевич	Д.и.н., доц. Кафедры всемирной истории Ереванского государственного университета	hakobinna@rambler.ru
Астахов Иван Алексеевич	Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого	astaha1@rambler.ru
Балахванцев Арчил Савелич	Д.и.н., Центр изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института востоковедения РАН (ИВ РАН)	balakhvantsev@gmail.com
Башенкова Александра Алексеевна	Институт востоковедения РАН	alexandra.bashenkova@yandex.ru
Букатов Андрей Алексеевич	К.ф.-м.н., ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»	bukat@list.ru

ФИО \ Name, Family Name	Место работы \ Affiliation	E-mail
Булкин Илья Юрьевич	К.и.н., Автономная некоммерческая организация «Научно-исследовательский центр по сохранению культурного наследия» (АНО «НИЦ»), Саратов.	viamilitaris@mail.ru
Варлагин Вячеслав Валерьевич	ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»	bukat@list.ru
Глушич Антон Михайлович	Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в Севастополе	barny.g@mail.ru
Днепровский Николай Викторович	Издательство «Невская Лавра»	engarejeli@yandex.ru
Добровольская Мария Всеволодовна	Д.и.н., Институт археологии РАН, Заведующий лабораторией контекстуальной антропологии.	DobrovolskayaMV@iaran.ru
Дюженко Татьяна Валерьевна	ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»	bukat@list.ru
Ергина Алена Сергеевна	ФГБОУ ВО Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А.Л. Штиглица	yergina.alyona@gmail.com
Жилина Наталья Викторовна	Д.и.н., Институт археологии РАН	nvzhilina@yandex.ru
Журавлев Денис Валерьевич	К.и.н., Государственный исторический музей	denzhuravlev@mail.ru
Зайцев Юрий Павлович	К.и.н., директор «Историко-археологического музея-заповедника «Неаполь Скифский»	skilur46@mail.ru

ФИО \ Name, Family Name	Место работы \ Affiliation	E-mail
Зиганшин Ринат Махмутович	К.и.н., Институт востоковедения РАН, Москва,	rinatzigan@mail.ru
Исаченко Татьяна Александровна	Д.филол.н., Центр по исследованию проблем развития библиотек в информационном обществе (ЦИПР), Сектор чения особо ценных фондов	isachenko33@yandex.ru 7 (985)953-3660
Калинина Татьяна Михайловна	К.и.н., Институт всеобщей истории РАН	tmka@yandex.ru
Коваль Владимир Юрьевич	К.и.н., Институт археологии РАН	kovaloka@mail.ru
Козлов Михаил Николаевич	Д.и.н., доцент, профессор кафедры «История» Севастопольского государственного университета	kmn_75@mail.ru
Костромичев Даниил Александрович	К.и.н., ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»	akfill@list.ru
Краснодубец Елизавета Михайловна	ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический».	yelyzavet@yandex.ru
Крол Алексей Александрович	К.и.н., НИИ и Музей антропологии МГУ имени М.В. Ломоносова	alexykrol@gmail.com
Кузенков Павел Владимирович	К.и.н., МГУ имени М. В. Ломоносова	pk407@mail.ru
Лебединский Виктор Викторович	К.и.н., Институт востоковедения РАН	v_lebedinski@mail.ru
Макаев Игорь Иванович	ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»	n-ginkut@yandex.ru

ФИО \ Name, Family Name	Место работы \ Affiliation	E-mail
Чернышева Маргарита Ивановна	Д.филол.н., Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН	crimea_conference@mail.ru
Михайлова Евгения Владимировна	К.филол.н., доцент кафедры «Теория и практика перевода» Института общественных наук и международных отношений ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет	lastochkina1969@mail.ru
Могаричев Юрий Миронович	Д.и.н., профессор. Кафедра социального и гуманитарного образования Крымского республиканского института постдипломного педагогического образования.	mogara@rambler.ru
Нессель Виктория Александровна	ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»	v_nessel@mail.ru
Новиченкова Наталья Георгиевна	К.и.н., доцент Кафедры истории Гуманитарно- педагогической академии КФУ имени В.И. Вернадского; МБУК «Ялтинский историко- литературный музей»	gursenano@gmail.com
Пронина Юлия Александровна	К.и.н., Институт востоковедения РАН	julia_pronina@mail.ru
Родинкова Власта Евгеньевна	К.и.н., Институт археологии РАН	vlasta2004@mail.ru
Сазанов Андрей Владимирович	Д.и.н., профессор, Государственная историческая публичная библиотека	andrei.v.sazanov@mail.ru
Сапрыкина Ирина Анатольевна	К.и.н., Институт археологии РАН	dolmen200@mail.ru

ФИО \ Name, Family Name	Место работы \ Affiliation	E-mail
Седикова Лариса Васильевна	К.и.н., ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»	sedikova7@yahoo.com
Солька Александр Андрэ Луи	независимый исследователь, Швейцария	aleksandrsolka@yandex.com
Ступко Михаил Валерьевич	ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»	n-ginkut@yandex.ru
Супренков Александр Анатольевич	К.и.н., Институт Археологии РАН	suprenkov@mail.ru
Татарков Дмитрий Борисович	К.и.н., Институт общественных наук и международных отношений ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»	ditar25@mail.ru
Топоривская Марина Анатольевна	Институт Археологии РАН	toporivskayamarina@gmail.com
Туровский Евгений Яковлевич	ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»	n-ginkut@yandex.ru
Тюрин Максим Игоревич	ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»	n-ginkut@yandex.ru
Ушаков Сергей Владимирович	К.и.н., Институт археологии Крыма РАН	yshakovsv@list.ru
Ушакова Ксения Станиславовна	ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»	ushakovaks84@gmail.com
Филиппенко Андрей Анатольевич	независимый исследователь	n-ginkut@yandex.ru

ФИО \ Name, Family Name	Место работы \ Affiliation	E-mail
Хапаев Вадим Вадимович	К.и.н., доцент Кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ имени М.В. Ломоносова в Севастополе	khapaev007@mail.ru
Шульга Даниил Петрович	К.и.н., Сибирский институт управления –филиал РАНХиГС при Президенте РФ	crimea_conference@mail.ru

Научное издание

ИСТОРИЧЕСКИЕ, КУЛЬТУРНЫЕ,
МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ, РЕЛИГИОЗНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ
СВЯЗИ КРЫМА СО СРЕДИЗЕМНОМОРСКИМ РЕГИОНОМ
И СТРАНАМИ ВОСТОКА.

Материалы IV международной научной конференции
(Севастополь, 6-10 октября 2020 г.).

Том 1

Ответственный редактор

А.Д. Васильев

Составители:

Н.В. Гинькут, В.В. Лебединский, Ю.А. Пронина, В.В. Прудников

Отпечатано в

Подписано в печать 00.08.2020 г.

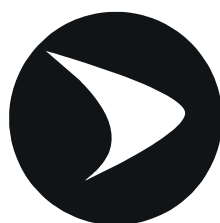
Формат 60×84 1/8, Условных печатных листов 29.06 Гарнитура Times

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Тираж 500 экз. Заказ №

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК
ХЕРСОНЕС
ТАВРИЧЕСКИЙ

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ
МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «ХЕРСОНЕС ТАВРИЧЕСКИЙ»